

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев   канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола   д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц   д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв   чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик   д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко   акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская   д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)

О. Д. Журавель   д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости   д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич   д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин   д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин   чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки   д-р истории, профессор (Университет Тохoku, Япония)

Г. Парцингер   д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон   д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон   д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд   д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев   чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун   д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм   д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин   д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Н. В. Полосьмак чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Берлин, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal

“Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin   Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev   Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev   Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov   Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola   Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek   Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz   Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev   Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik   Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko   Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert   Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel   Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti   Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich   Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin   Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin   Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki   Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger   Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson   Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong   Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland   Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev   Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung   Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham   Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin   Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin   Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin   Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

L. A. Bobrov   Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Kradin   Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)

R. M. Krause   Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)

B. E. Kumekov   Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

L. V. Lbova   Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

A. Nagler   Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

N. V. Polosmak   Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Z. S. Samashev   Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Astana, Republic of Kazakhstan)

K. Sh. Tabaldiev   Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)

E. F. Fursova   Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

T. Higham   Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

S. Hansen   Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

J. Chochorowski   Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Suk-Bae Jung   Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К   Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 7: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Лбова Л. В.* Элективный курс «Антропология телесности»: *soft skills* в практике подготовки специалистов в техническом вузе 9

Археология Евразии

- Анойкин А. А., Сосин П. М., Когай С. А., Павленок К. К., Шарипов А. Ф., Токарева О. А., Курбанов Р. Н.* Новые данные по нижнему палеолиту Таджикистана: материалы раскопа 3 стоянки Лахути IV 20
- Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н., Базалийский В. И., Абрашина М. Е.* Бескерамический комплекс Шаманка 8 на Южном Байкале 34
- Молодин В. И., Волков П. В., Дураков И. А.* Функционально-технологический анализ артефактов из «погребения литейщика» могильника Сопка-2 49
- Ядренкина Е. Н., Мыльникова Л. Н., Некраш А. А., Титова А. В.* Рыба в погребальной практике населения саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи (по материалам кургана № 51 Усть-Тартасского могильника) 66
- Полосьмак Н. В., Шах М. А., Зоткина Л. В.* Культовый комплекс в Занскаре: анализ, интерпретация 80
- Мыглан В. С., Визгалов Г. П., Жарников З. Ю., Баринов В. В., Петрова Е. Н., Тайник А. В., Филатова М. О.* Новые страницы истории Березово: дендрохронологическое исследование 91
- Скобелев С. Г., Бородовский А. П., Горохов С. В.* Некоторые особенности оборонного зодчества Петровского времени на Среднем Иртыше 118
- Головченко Н. Н., Назаров К. А.* Археологические находки XVIII века с территории села Повалиха 129

Этнография народов Евразии

<i>Зуев А. С.</i> Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура	142
<i>Головнев И. А.</i> Северность в кинодокументах: «Наш Великий Север» (1925)	160
Список сокращений	173
Информация для авторов	174

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Lbova L. V.* Elective Educational Course “Anthropology of Corporeality”: Soft Skills as a Part of Specialists’ Education at a Technical University 9

Archaeology of Eurasia

- Anoikin A. A., Sosin P. M., Kogai S. A., Pavlenok K. K., Sharipov A. F., Tokareva O. A., Kurbanov R. N.* New Data on the Lower Paleolithic of Tajikistan: Materials of Lakhuti IV, Trench 3 20
- Kuznetsov A. M., Molchanov D. N., Bazalysky V. I., Abrashina M. E.* Non-Ceramic Site of Shamanka 8 on the Southern Coast of Baikal Lake 34
- Molodin V. I., Volkov P. V., Durakov I. A.* Functional and Technological Analysis of Artifacts from the “Foundryman’s Burial” of the Sopka-2 Burial Ground 49
- Yadrenkina E. N., Mylnikova L. N., Nekrash A. A., Titova A. V.* Fish in Burial Practice of the Sargat Culture Population of the Early Iron Age of the Baraba Forest-Steppe (According to the Materials of the Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground) 66
- Polosmak N. V., Shah M. A., Zotkina L. V.* Cult Complex in Zanskar: Analysis, Interpretation 80
- Myglan V. S., Vizgalov G. P., Zharnikov Z. Yu., Barinov V. V., Petrova E. N., Taynik A. V., Phylatova M. O.* New Pages in the History of Berezovo: A Dendrochronological Study 91
- Skobelev S. G., Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.* Some Features of the Fortification of the Peter’s Time in the Middle Course of the Irtysh 118
- Golovchenko N. N., Nazarov K. A.* Archaeological Finds of the 18th Century in the Village of Povalikha 129

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Zuev A. S.</i> Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur	142
<i>Golovnev I. A.</i> The Northernness in the Film Documents: “Our Great North” (1925)	160
List of Abbreviations	173
Instructions to Contributors	174

Научная статья

УДК 378 + 7.011 + 930.85

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-9-19

Элективный курс «Антропология телесности»: *soft skills* в практике подготовки специалистов в техническом вузе

Людмила Валентиновна Лбова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

lbova-lv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4103-7785>

Аннотация

В российском образовательном пространстве высшей школы в последние годы идет дискуссия о введении дополнительных модулей саморазвития, которые подразумевают формирование компетенций критического мышления, самопрезентации, эмоционального интеллекта, межкультурной коммуникации и других социальных навыков личностного роста. Следует отметить, что у большинства вузов в стране и у российских работодателей нет единого стандарта по формированию критериев и уровню развития гибких навыков. Исследование направлено на изучение аспектов подготовки выпускников инженерных, технических специальностей и гуманитариев в процессе их обучения в техническом вузе. Подчеркивается важная роль универсальных (надпрофессиональных) навыков, именуемых *soft skills* («гибкие навыки»). Разработанный авторский элективный курс «Антропология телесности» был апробирован в условиях крупнейшего российского университета – Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. Дисциплина предлагает организацию целостного представления о специфике межкультурной, гендерной, эмоциональной, невербальной, социальной коммуникации, с опорой на развитие универсальных компетенций высшей школы. Основные методологические концепты курса проистекают из общей логики антропогенеза, культурогенеза и социогенеза, поэтому научная проблема имеет фундаментальный и общегуманитарный характер.

Ключевые слова

soft skills, компетенции, техническое образование, личностные качества, культурная антропология

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-28-01140, <https://rscf.ru/project/22-28-01140>

Для цитирования

Лбова Л. В. Элективный курс «Антропология телесности»: *soft skills* в практике подготовки специалистов в техническом вузе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-9-19

Elective Educational Course “Anthropology of Corporeality”: Soft Skills as a Part of Specialists’ Education at a Technical University

Lyudmila V. Lbova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

lbova-lv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4103-7785>

Abstract

In recent years, there has been a discussion in Russian higher education about the introduction of additional self-development modules focused on the formation of critical thinking, emotional intelligence, self-presentation and intercultural communication skills, as well as other components of personal growth. It should be noted that most Russian universities and employers do not have a common standard for the soft skills development and assessment. The purpose of this work is to study the aspects of training students of engineering and humanitarian specialties in the process of their education at a technical university. The important role of universal (supra-professional) skills, also known as soft skills, is emphasized.

The elective course “Anthropology of corporeality” developed by the author was tested in the largest Russian university – Saint Petersburg Polytechnic University of Peter the Great. The discipline contributes to the formation of a holistic understanding of the of intercultural, gender, emotional, non-verbal, social communication specific based on the universal competencies of higher education. The main methodological concepts of the course are based on the general logic of anthropogenesis, cultural genesis and sociogenesis, therefore this scientific problem is of a fundamental and humanitarian nature

Keywords

soft skills, competencies, technical education, personal qualities, cultural anthropology

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of a grant from the Russian Scientific Fund no. 22-28-01140, <https://rscf.ru/project/22-28-01140>

For citation

Lbova L. V. Elective Educational Course “Anthropology of Corporeality”: Soft Skills as a Part of Specialists’ Education at a Technical University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-9-19

Введение

В современном образовательном процессе формированию и овладению «гибкими» навыками и компетенциями в последнее время придается большое значение, появление спроса на университетские центры компетенций связано с тем, что подготовка специалистов в вузах не соответствует ожиданиям рынка труда, с чем согласно и большинство студентов.

Согласно определению, термин *soft skills* подразумевает совокупность социальных и коммуникативных навыков, позволяющих эффективно общаться и работать в команде выпускникам как технических, так и гуманитарных направлений¹ (см. также: [Wats M., Wats R., 2009; Вагапова и др., 2016]. Установлено, что в профессиональной сфере личная успешность и карьера на 75 % зависят от уровня сформированности «гибких» навыков и на 25 % – от профессиональных [Klaus, 2010]. В Московской школе управления «Сколково» определено, что 54 % респондентов-бакалавров не хватает навыков ведения переговоров, а 48 % – лидерских качеств. Магистры отмечают, что им необходимы умение презентовать себя (65 %) и работать в команде (60 %). Исследование НИУ ВШЭ подтвердило, что наличие гибких навыков у соискателя технических и инженерных специальностей очень важно при трудоустройстве и личностном росте [Шайхутдинова, 2019].

¹ Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/soft-skills> (дата обращения 29.01.2023).

Практически во всех вузах страны сформированы центры компетенций как площадки для взаимодействия университетов, студентов, работодателей и региональных властей в рамках платформы «Россия – страна возможностей». Отмечается, что тестирование на платформе прошло более сотни тысяч студентов. При подведении итогов работы президентской платформы «Россия – страна возможностей» в конце 2022 г. упоминается, что за 4,5 года участниками проектов платформы, конкурсов и олимпиад стало 18 миллионов человек, а показатель доверия молодёжи к возможностям самореализации вырос до 76 %, отмечается и рост региональных университетских центров в 89 регионах ².

Следует отметить, что у большинства вузов в стране и у российских работодателей нет единого стандарта формирования критериев и уровня развития гибких навыков. Масштабный проект «Россия – страна возможностей», по замыслу инициаторов, позволит решить эту проблему и создать единую, понятную для всех участников процесса систему. В последнее время созданы консорциумы, объединения российских вузов, усилия которых направлены на формирование и измерение навыков критического мышления, правовой и экономической грамотности, цифровых компетенций, навыков проектной работы, толерантности, коммуникабельности и др. навыков у выпускников университетов. В процессе разработки программ образования учитываются инструменты измерений, банки практик и методики реализации дисциплин блока *soft skills* в различных образовательных технологиях и мероприятиях российского масштаба.

В целом же нами отмечается тенденция к смещению интереса студентов технических университетов в сторону гуманитарного знания. В 2000–2010-х гг. приоритет отдавался курсам, связанным с формированием навыков критического мышления, правовой и экономической грамотности, цифровых компетенций или навыков проектной работы и лидерства. В современной ситуации более востребованы курсы, связанные с развитием эмоционального интеллекта, личной эффективности, коммуникативных навыков и общей эрудиции, расширения знаний в области культуры и искусства, психологии общения.

В настоящее время в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого разработано около 50 курсов *soft skills* на русском и английском языках (в том числе для иностранных студентов), направленных на развитие компетенций в области национальной безопасности, цифровой и финансовой грамотности, критического мышления, межкультурной коммуникации, лидерских качеств и т. д. На этих курсах обучается около 3 500 студентов в каждом семестре.

В предлагаемой статье представлен курс *soft skills* «Антропология телесности», разработанный автором публикации с привлечением материалов ранее апробированных дисциплин в Гуманитарном институте НГУ в 2010–2022 гг. (курс «История мировых религий» для бакалавров; курсы «Концептуальные подходы изучения первобытной культуры» и «Первобытная культура и искусство» для магистрантов) и с учетом новой информационной и научно-образовательной среды.

Материалы и методы

Дисциплина «Антропология телесности» предполагает создание целостного представления о специфике межкультурной, гендерной, социальной коммуникации, развитие культурной восприимчивости, способности к правильной интерпретации видов поведения в различных социумах у будущих выпускников. Формирование и развитие надпрофессиональных навыков помогает решать различные задачи и работать с другими людьми, представителями различных национальностей и социальных групп, а полученные знания и навыки самоуправления влияют на профессиональное становление личности, толерантность, стрессоустойчивость, самореализацию в современных условиях. В учебном плане дисциплина «Антрополо-

² Твои компетенции // Сайт PCB. URL: <https://tsv.ru/competitions/internship/1/198/> (дата обращения 02.02.2023).

гия телесности» относится к разделу саморазвития (*soft skills*), как элективный курс может дополнять теоретические курсы «Основы межкультурной коммуникации», «Культурология», «Основы философии», «Этнопсихология» и др.

Элективный курс рассматривает проблемы, связанные с человеческим телом и его трансформациями на протяжении длительного времени. Известно, что аспекты феноменологии тела разрабатывались как с позиций биологического понимания, так и с позиций гуманитарного знания (см. [Чеснов, 1998а; 1998б; Подорога, 1995; Нанси, 1999] и др.). Тело человека является особым феноменом, который лежит в основе человеческого опыта и формирует отношение человека к миру и к самому себе. Мифологические представления, запечатленные в археологических и этнологических материалах, современные мотивации модификации тела составляют фактологическую и обсуждаемую в свободной дискуссии основу курса. Телесность рассматривается автором как культурно-социальная характеристика, органическим образом связанная с ценностным отношением человека к себе в контексте разнообразных межнациональных и межгрупповых отношений.

Цель освоения дисциплины «Антропология телесности» в рамках формирования навыков *soft skills* предполагает освоение гуманитарных знаний и практических навыков с элементами креативности, эмоционального интеллекта, толерантности и стрессоустойчивости в рамках социальной и межкультурной коммуникации. В рамках курса предполагается формирование следующих *soft skills* согласно Конструктору компетенций (рис. 1):

- управление взаимодействием: социальные компетенции и коммуникативность, эмоциональный интеллект (умение различать эмоции и мотивы других людей), гибкость и принятие критики;
- управление задачами: развитие интеллектуальных навыков – поиск и анализ информации, формирование аналитического склада ума, умение видеть и решать проблему, обучаемость, креативность, развитие системного, стратегического, структурного и логического мышления;
- развитие внутренней энергии: формирование волевых, лидерских компетенций, ориентированность на результат, стрессоустойчивость, гибкость мышления и саморазвитие;
- общие знания: расширение сферы знания человека о самом себе и социуме в целом, приобретение новых сведений в правовой сфере, совершенствование коммуникативных навыков на принципах толерантности.

Основной концепт курса: образ человека в формах изобразительного искусства, социокультурном и культурно-антропологическом контексте обусловлен общей логикой антропогенеза, культуригенеза и социогенеза, поэтому проблема имеет фундаментальный характер. Разработка новых парадигм в изучении знакового (символического) поведения и знаковых систем, воплощающих принцип антропности, определяет актуальность исследования, полученных автором результатов и диктует необходимость апробировать новые данные на широкой аудитории. Содержание исследования заключается в реконструкции форм и методов художественной деятельности древнейших, архаичных и традиционных сообществ в парадигме социализации, основным концептом при этом выступает антропология телесности. Предполагается выявление символических способов телесного и социального распознавания мира людей (в его отличии от мира природы и мира духов) на основе методов типологии и ретроспекции, историко-культурного и структурно-семиотического подходов. Такая методологическая платформа определила и основные разделы дисциплины, и их содержание.

1. Философско-антропологические, археологические и этнологические подходы к изучению телесности человека.

Содержание раздела предполагает понимание телесности в различных парадигмах. Методологические подходы, применяемые в процессе изучения телесности: философский, антропологический, семиотический, системный, деятельностный, феноменологический и др. Рассматриваются основные понятия и типология невербальной коммуникации, обозначены

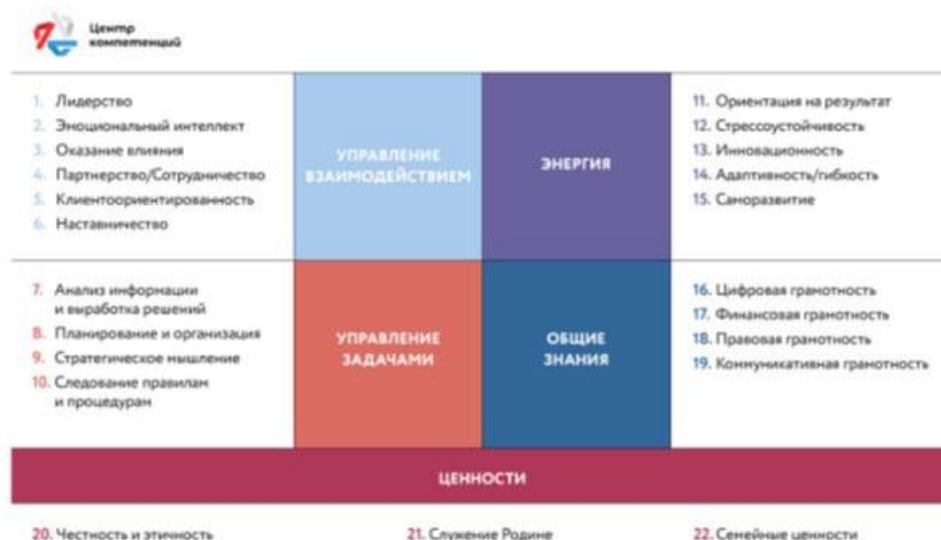

Рис. 1. Конструктор компетенций как инструмент диагностики и оценки когнитивных способностей и личностного потенциала студентов на платформе «Россия – страна возможностей» (по: Твои компетенции. URL: <https://rsv.ru/competitions/internship/1/198/> (дата обращения 02.02.2023))

Fig. 1. Constructor of competences as a tool of diagnostics of assessment of cognitive abilities and personal potential of students on the platform “Russia – the country of possibilities” (on: Your competencies. URL: <https://rsv.ru/competitions/internship/1/198/> (accessed 02.02.2023))

функции и значение невербальной коммуникации в обществе. Студенты знакомятся с гипотезами и концептами знакового (символического) поведения, формами проявления символического поведения в архаичных культурах, разновидностями невербальной коммуникации, их особенностями в историческом дискурсе [Лурье, 2004; Лбова, Табарев, 2009; Лбова, Волков, 2021].

2. Основные виды, формы и способы деформации тела в архаичных и традиционных культурах.

Изложение материала охватывает эволюцию систем личной орнаментации как признака социализации, статуса человека, группы, сообщества. Определенное внимание уделено физиологическим деформациям тела, в том числе искусственным и природным патологиям [Лбова, Табарев, 2009].

3. Мифоритуальные практики и формы изменения тела человека.

Обсуждаются вопросы и историко-культурный контекст возникновения мифа, обряды как устойчивый признак культуры, типы и виды обрядов и ритуальных практик в рамках традиционного мировоззрения. Особое внимание уделяется обрядам инициации и погребальным обрядам, манипуляциям с телом человека в исторические эпохи (каменный век, бронзовый и железный века, эпоха Средневековья; рассматриваются как архаичные культуры, кочевые и оседлые культуры, так и современные традиционные культуры), в том числе мумификация. Изучается феномен погребальных масок, а также генезис театральных, карнавальных масок в контексте мировоззренческих установок (см. [Каган, 2003; Иванов, 1998; Лотман, 2002; Токарев, 1990; Jodrey, 1980] и др.).

4. Язык тела.

Изучается специфика этнических, профессиональных жестов, поз и мимики, их особенности, основы профайлинга – понимание человека в рамках основ невербальной коммуникации [Абрамовский, 2021; Садохин, 2004].

5. Современные практики модификации тела, боди-арт.

В рамках теоретической подготовки даны представления о здоровье, болезни, нормальном или патологическом состоянии человека, описаны механизмы формирования стереотипов, в том числе этнических и религиозных. На практических занятиях обсуждаются современные представления о татуаже, пирсинге, боди-арте и его специфике в практиках народов мира. Особое внимание уделяется вопросам формирования поликультурного пространства в XX–XXI вв., социальных символов и смыслов в современной культуре, региональных особенностей и ментальности народов Евразии (см. [Фромм, 2022; Хантингтон, 2003; Чеснов, 1998] и др.).

В процессе изложения теоретического материала и на практических и лабораторных занятиях реализуются следующие образовательные технологии: работа в малых группах – совместная деятельность студентов в группе (3–5 человек), направленная на решение общей задачи (темы семинара) путем творческого сложения результатов индивидуальной работы членов команды; контекстное обучение – мотивация бакалавров к усвоению знаний путем выявления связей между конкретным знанием и его применением на практике; интерактивные методы обучения – лекция-дискуссия, вебинар, метод кейсов, организация World Café, метод портфолио, просмотр и обсуждение видеоматериалов, социально-психологический тренинг и др. При аттестации учитываются результаты выступлений в рамках коллоквиума, материалы социально-психологических тренингов, рефлексивное эссе на основании просмотра и обсуждения видео «Охотник за тату». Активно используются современные методы интерактивных занятий – метод World Café, использование инструмента «умная камера», флипчаты с обсуждением, метод кейсов, работа в малых группах (проектные решения).

Таким образом, элективный курс «Антропология телесности» рассматривает вопросы, связанные с человеческим телом и его изменениями на протяжении длительного времени. Понимание собственного тела лежит в основе человеческого опыта и формирует отношение человека к миру, сообществу и самому себе. На лекциях и практических занятиях рассматриваются вопросы истоков, причин и значений культурных символов, связанных с телесностью, украшениями тела, включая нателную живопись, скарификацию и татуаж, изменения природных форм тела. В рамках дискуссий обсуждаются основные смыслы и социальные знаки таких модификаций. Особое внимание будет уделено практикам изменения тела человека в современной культуре, формам, способам и смыслам. Материалы курса опираются как на собственные авторские разработки, так и на современные представления в области археологии, этнологии, культурной антропологии и этнопсихологии.

Анализ материалов и обсуждение

Как показало входное тестирование на платформе РСВ, студентов, выбравших на первом году обучения курс «Антропология телесности», в целом отличал достаточно низкий уровень компетенций в области планирования и организации, ориентации на результат, стрессоустойчивости. Показатели стрессоустойчивости и следования правилам находились на среднем уровне. Очевидно, что такие характеристики в целом распространены среди студентов начальных курсов обучения, что может объясняться как возрастом (18–19 лет), так и начальной фазой обучения в условиях университета. Студенты второго года обучения в рамках модуля саморазвития показывают лучшие результаты по компетенциям планирования и организации, ориентации на результат. В связи с тем что на втором году были добавлены новые тесты (лидерство, эмоциональный интеллект и т. д.), картина в целом приобретает более законченный вид (рис. 2). Несомненно, небольшая выборка не дает общей картины, поскольку данных немного, но в будущем эти материалы, вероятно, лягут в основу планирования и развития модуля саморазвития как полноценного модуля обучения.

PCB
Антропология телесности
осень 2022г., 2-й курс

Анализ информации	Планирование	Ориентация на результат	Стрессоустойчивость	Партнерство / Сотрудничество	Следование правилам и процедурам	Пройдены	Саморазвитие	Лидерство (Контроль)	Эмоциональный интеллект	Клиентоориентированность	Коммуникативная грамотность
Средний	Средний	Высокий	Средний	Средний	Высокий	Да	Средний	Средний	Средний	-	Средний
Средний	Начальный	Начальный	Начальный	Средний	Средний	Да	Начальный	-	-	-	-
Высокий	Средний	Средний	Средний	Средний	Средний	Да	Средний	-	-	-	-
Средний	Начальный	Начальный	Начальный	Высокий	Средний	Да	-	-	-	-	-
Средний	Начальный	Средний	Средний	Средний	Средний	Да	Средний	-	-	-	-
Начальный	Средний	Высокий	Средний	Средний	Средний	Да	-	-	-	-	-
Средний	Средний	Средний	Средний	Средний	Средний	Да	Средний	Начальный	Средний	Средний	Средний
-	Средний	-	-	-	-	Нет	-	-	-	-	-
Средний	Начальный	Начальный	Начальный	Средний	Средний	Да	Начальный	-	-	-	-
Начальный	Начальный	Начальный	Начальный	Средний	Средний	Да	Начальный	-	-	-	-
Средний	Средний	Высокий	Средний	Начальный	Средний	Да	Средний	Начальный	Начальный	Высокий	Начальный
-	-	-	-	-	-	Нет	-	-	-	-	-
Средний	Начальный	Начальный	Начальный	Средний	Средний	Да	Средний	-	-	-	-
Высокий	Высокий	Высокий	Высокий	Средний	Средний	Да	Средний	Начальный	Средний	-	Средний

Рис. 2. Данные результатов тестирования компетенций студентов второго года обучения в рамках Модуля саморазвития на платформе «Россия – страна возможностей» (выборка по данным Центра компетенций СПбПУ Петра Великого)

Fig. 2. Data of testing of competences of students of the second year of study within the framework of the self-development module on the platform "Russia – the country of opportunities" (the sample according to the data of the Center of Competence the Peter Great SPbPU)

В Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого ведется подготовка по 138 профилям в рамках 58 направлений подготовки бакалавров. В учебных группах по курсу «Антропология телесности» в семестрах 2022 и 2023 гг. преобладали студенты из Института прикладной математики, Института энергетики, Института физики, нанотехнологий и телекоммуникаций, Института кибербезопасности и защиты информации, Института биомедицинских систем и биотехнологий, Инженерно-строительного института, Института промышленного менеджмента, экономики и торговли и др. Следует отметить незначительное количество (не более 5 человек, в пределах 7 %) студентов Гуманитарного института.

Возникает вопрос, почему студенты технических и инженерных специальностей обратили внимание на специфический гуманитарный курс? Вводное анкетирование показывает, что большинство выбирает курс осознанно: мотивацией является интерес к человеку как феномену, широкий мировоззренческий подход, проблемы современной модификации тела (татуировки, пирсинг, пластическая хирургия). Отдельные студенты называли «поиск неизведанного», «непонятность», «непривычность названия» как причину выбора курса. В обратной связи, по окончании учебы, студенты отмечают удовлетворение полученными знаниями и навыками, предлагают свои идеи по улучшению и повышению привлекательности дисциплины (например, дополнительно были разработаны задания в рамках профайлинга).

По результатам анкетирования студентов курс «Антропология телесности» в модуле саморазвития весеннего семестра 2022 г. занял первое место (рис. 3). Опрос проводился по определенным критериям в целях определения соответствия универсальной компетенции УК-6 (управление своим временем, самостоятельное выстраивание и реализация траектории саморазвития), а также соответствия «Конструктору компетенций» АНО «Россия – страна возможностей».

- ✓ 21 курс Модуля саморазвития в весеннем семестре 2021/2022 г.
- ✓ 3442 студента, успешно освоивших дисциплины
- 768 студентов, принявших участие в опросе

Рис. 3. Анкетирование по итогам освоения дисциплины в рамках Модуля саморазвития (Soft Skills), осень 2022 г. (данные Центра компетенций СПбПУ Петра Великого)

Fig. 3. Questionnaire on the results of the discipline within the Module of self-development (Soft Skills), autumn 2022 (data of the Center of Competences the Peter the Great SPbPU)

Закономерно, что перед нами стоит вопрос – что дальше? Как можно расширить и усовершенствовать курс, чтобы не потерять его популярность и значимость для развития навыков межкультурной коммуникации, эмоционального интеллекта и толерантности? Внедрение в практику собственных научно-исследовательских результатов, расширение форм интерактивного обучения, обсуждение с коллегами способствуют улучшению практики организации и реализации дисциплины «Антропология телесности». Таким образом, публикация этих материалов объясняется желанием автора организовать дискуссию среди исследователей и преподавателей вузов.

По итогам обсуждения и опроса, а также работы в фокус-группах предлагается разработать или модифицировать дополнительные модули программы или организовать иные мероприятия в рамках образовательной и воспитательной работы для развития личностных качеств по всем составляющим Модуля саморазвития с целью успешной профессиональной подготовки будущих выпускников.

Заключение

Общий анализ результатов исследования подтверждает важность сегмента *soft skills* в образовательном процессе в целом, особенно для технических университетов. На примере Санкт-Петербургского политехнического университета с привлечением данных платформы «Россия – страна возможностей» мы продемонстрировали, что эта часть программы высшего образования необходима для эффективности подготовки специалистов не только технических и инженерных, но и гуманитарных специальностей. Несомненно, расширение предложений от гуманитариев, как и дальнейшие исследования по определению методов формирования и развития *soft skills*, будет способствовать дальнейшему формированию навыков и компетенций выпускников в контексте требований современного рынка труда (см. [Маль-

цева, 2018; Шайхутдинова, 2019] и др.). Показательно, что сами студенты понимают, что освоение таких компетенций не только важно для формирования и реализации человека в рамках будущей профессиональной карьеры, но и в целом актуально для развития гуманистических представлений, эмоционального интеллекта и толерантности. На занятиях основное внимание направлено на организацию командной и проектной работы, с чем, как показывает практика, студенты прекрасно справляются. Организация обратной связи является необходимым условием реализации новых программ. Курс «Антропология телесности» в образовательном процессе у студентов технических направлений актуализирует проблему недостаточности гуманитарного знания (истории культуры, искусствоведения, культурной антропологии и др.) у молодежи в целом.

Список литературы

- Абрамовский А. А.** Методологические основы профайлинга // Вестник Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 16–24.
- Вагапова Н. А., Доломанюк Л. В., Вагапов Г. В.** Soft skills как необходимый компонент содержания инженерного образования // Вестник Казан. энерг. ун-та. 2016. № 4 (32). С. 134–142.
- Иванов В. В.** Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: МГУ, 1998. Т. 1. 909 с.
- Каган М. С.** Введение в историю мировой культуры: В 2 кн. СПб.: Петрополис, 2003. 383 с. + 320 с.
- Лбова Л. В., Волков П. В.** Древнейшее искусство Сибири: технологии, формы, символы. СПб.: Политех-Пресс, 2021. 148 с. DOI 10.18720/SPBPU/2/i21-214
- Лбова Л. В., Табарев А. В.** Первобытная культура и ритуал. Происхождение и ранние этапы. Учеб. пособие. Новосибирск, 2009. 142 с.
- Лотман Ю. М.** Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
- Лурье С. В.** Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
- Мальцева А. А.** Совершенствование soft skills педагогических работников как условие внедрения профессионального стандарта // Сибирский учитель. 2018. № 6 (121). С. 25–30
- Нанси Ж.-Л.** Corpus / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Е. Перовской. М.: Ad Marginem, 1999. 256 с.
- Подорога В.** Феноменология тела: Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. М.: Ad Marginem, 1995. 341 с.
- Садохин А. П.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана, 2004. 271 с.
- Токарев С. А.** Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Фромм Э.** Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2022. 756 с.
- Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Чеснов Я. В.** Колдуны и тинэйджеры в гипертексте девиантности // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации: Сб. ст. / Отв. ред. Е. В. Дуков. М., 1998. С. 108–119.
- Чеснов Я. В.** Лекции по исторической этнологии: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 1998. 400 с.
- Шайхутдинова Х. А.** Soft skills: состояние, проблемы и пути их развития у студентов технических вузов // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-2. С. 269–273.
- Jedrej M. C. A.** Comparison of Some Masks from North America, Africa and Melanesia // Journal of Anthropological Research, 1980, vol. 36, no. 2, pp. 220–230.
- Klaus P.** Communication breakdown // California Job Journal. 2010. No. 28. P. 1–9

Wats M., Wats R. K. Developing Soft Skills in Students // The International Journal of Learning. 2009. Vol. 15. P. 1–10. DOI 10.18848/1447-9494/CGP/v15i12/46032

References

- Abramovsky A. A.** Metodologicheskie osnovy profailinga [Methodological foundations of profiling]. Vestnik of the Baltic Federal I. Kant University. Series: Humanities and Social Sciences, 2021, no. 2, pp. 16–24. (in Russ.)
- Chesnov Ya. V.** Kolduny i tineidzhery v gipertekste deviantnosti [Wizards and Teenagers in Deviance Hypertext]. In: Dukov E. V. (ed.). Ot massovoi kul'tury k kul'ture individual'nykh mirov: novaya paradigma tsivilizatsii. Moscow, 1998, pp. 108–119. (in Russ.)
- Chesnov Ya. V.** Lektsii po istoricheskoi etnologii [Lectures on Historical Ethnology]. Study Guide. Moscow, Gardariki, 1998, 400 p. (in Russ.)
- Fromm E.** Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti [Anatomy of Human destructiveness]. Moscow, AST, 2022, 756 p. (in Russ.)
- Hantington S.** Stolknovenie tsivilizatsii [Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 2003, 603 p. (in Russ.)
- Ivanov V. V.** Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow, MSU Press, 1998, 909 p. (in Russ.)
- Jedrej M. C. A.** Comparison of Some Masks from North America, Africa and Melanesia. *Journal of Anthropological Research*, 1980, vol. 36, no. 2, pp. 220–230.
- Kagan M. S.** Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury [Introduction to the History of World Culture]. In 2 books. St. Petersburg, Petropolis, 2003, 383 p. + 320 p. (in Russ.)
- Klaus P.** Communication breakdown. *California Job Journal*, 2010, no. 28, pp. 1–9
- Lbova L. V., Volkov P. V.** Drevneishee iskusstvo Sibiri: tekhnologii, formy, simvoly [Oldest Art of Siberia: technologies, shapes, symbols]. St. Petersburg, Politekh-Press, 2021, 148 p. (in Russ.) DOI 10.18720/SPBPU/2/i21-214
- Lbova L. V., Tabarev A. V.** Pervobytnaya kul'tura i ritual. Proiskhozhdenie i rannye etapy [Primitive culture and ritual. Origins and early stages]. Study Guide. Novosibirsk, 2009, 142 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on semiotics of Culture and Art]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2002, 544 p. (in Russ.)
- Lurie S. V.** Istoricheskaya etnologiya [Historical Ethnology]. Study Guide. Moscow, Akademicheskii Proekt: Gaudeamus, 2004, 624 p. (in Russ.)
- Maltseva A. A.** Sovershenstvovanie soft skills pedagogicheskikh rabotnikov kak uslovie vnedreniya professional'nogo standarta [Improvement of soft skills of teaching staff as a condition for the introduction of professional standard]. *Sibirskii uchitel'* [Siberian Teacher], 2018, no. 6 (121), pp. 25–30. (in Russ.)
- Nansi Zh.-L.** Corpus. Comp., ed. and introduce by E. Perovskaya. Moscow, Ad Marginem, 1999, 256 p. (in Russ.)
- Podoroga V.** Fenomenologiya tela: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu. Materialy lektsionnykh kursov 1992–1994 godov [The Phenomenology of the Body: An Introduction to Philosophical Anthropology. Materials of Lecture Courses 1992–1994]. Moscow, Ad Marginem, 1995, 341 p. (in Russ.)
- Sadokhin A. P.** Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Yuniti-Dana, 2004, 271 p. (in Russ.)
- Shaikhutdinova Kh. A.** Soft skills: sostoyanie, problemy i puti ikh razvitiya u studentov tekhnicheskikh vuzov [Soft skills: status, problems and ways of their development for students of technical universities]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2019, no. 65-2, pp. 269–273. (in Russ.)

- Tokarev S. A.** Rannie formy religii [Early forms of religion]. Moscow, Politizdat, 1990. 622 p. (in Russ.)
- Vagapova N. A., Dolomanyuk L. V., Vagapov G. V.** Soft skills kak neobkhodimy komponent sodержaniya inzhenerenogo obrazovaniya [Soft skills as a necessary component of the content of engineering education]. *Vestnik Kazanskogo energeticheskogo universiteta*, 2016, no. 4 (32), pp. 134–142. (in Russ.)
- Wats M., Wats R. K.** Developing Soft Skills in students. *The International Journal of Learning*, 2009, vol. 15, pp. 1–10. DOI 10.18848/1447-9494/CGP/v15i12/46032

Информация об авторе

Людмила Валентиновна Лбова, доктор исторических наук, профессор

Information about the Author

Lyudmila V. Lbova, Doctor of Sciences (History), Professor

*Статья поступила в редакцию 15.02.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 01.06.2023
The article was submitted on 15.02.2023;
approved after reviewing on 24.04.2023; accepted for publication on 01.06.2023*

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-20-33

Новые данные по нижнему палеолиту Таджикистана: материалы раскопа 3 стоянки Лахути IV

Антон Александрович Анойкин^{1✉}, Петр Михайлович Сосин²
Сергей Александрович Когай³, Константин Константинович Павленок⁴
Абдулло Фатхуллоевич Шарипов⁵, Ольга Александровна Токарева⁶
Реджеп Нурмурадович Курбанов⁷

^{1, 3, 4, 6, 7} Институт археологии и этнографии

Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии
Национальной академии наук Республики Таджикистан
Душанбе, Таджикистан

⁵ Институт истории, археологии и этнографии
Национальной академии наук Республики Таджикистан
Душанбе, Таджикистан

^{6, 7} Институт географии Российской академии наук
Москва, Россия

⁷ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹ anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

² sosin.paleosol@gmail.com

³ kogai@irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

⁴ pavlenok-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

⁵ sharipov_abdullo@gmail.com

⁶ tokareva1406@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9461-2168>

⁷ roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Аннотация

Представлено описание стратиграфической и планиграфической ситуации на раскопе 3 стоянки Лахути IV (лессовое плато Ховалинг, Таджикистан). В разрезе выделено 18 слоев, сгруппированных в три пачки: отложения гляциального периода Л6 (МИС 14; возраст ~560–520 тыс. л.); почвенные комплексы 6а и 6б (МИС 15; ~600–560 тыс. л.). Выявленные технокомплексы относятся к позднему этапу каратауской культуры нижнего палеолита Таджикистана. Планиграфия находок уровня 5.2 указывает, что исследованный участок мог быть фрагментом рабочей площадки, на которой осуществлялась первичная обработка каменного сырья. Наличие артефактов в пачке слоев Л6 указывает, что в среднем плейстоцене регион осваивался человеком непрерывно, а гляциальные условия влияли только на интенсивность этих процессов.

Ключевые слова

каменный век, лессовый палеолит, Таджикистан, стратиграфия, педокомплекс, гляциальный этап, планиграфия, каменная индустрия

Благодарности

Полевые и естественнонаучные исследования выполнены при поддержке гранта РНФ № 22-18-00568 «Первоначальное заселение человеком Средней Азии: археология, хронология, палеогеография лессового палеолита», анализ археологических материалов – в рамках реализации программы НИР FWZG-2022-0008 «Цен-

© Анойкин А. А., Сосин П. М., Когай С. А., Павленок К. К.,
Шарипов А. Ф., Токарева О. А., Курбанов Р. Н., 2023

тральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды»

Для цитирования

Анойкин А. А., Сосин П. М., Когай С. А., Павленок К. К., Шарипов А. Ф., Токарева О. А., Курбанов Р. Н. Новые данные по нижнему палеолиту Таджикистана: материалы раскопа 3 стоянки Лахути IV // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 20–33. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-20-33

New Data on the Lower Paleolithic of Tajikistan: Materials of Lakhuti IV, Trench 3

Anton A. Anoinin^{1✉}, Petr M. Sosin²
Sergei A. Kogai³, Konstantin K. Pavlenok⁴
Abdullo F. Sharipov⁵, Olga A. Tokareva⁶
Redzhap N. Kurbanov⁷

^{1, 3, 4, 6, 7} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology
of the National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
Dushanbe, Tajikistan

⁵ Institute of History, Archeology and Ethnography
of the National Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
Dushanbe, Tajikistan

^{6, 7} Institute of Geography Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

⁷ Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

¹ anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

² sosin.paleosol@gmail.com

³ kogai@irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

⁴ pavlenok-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

⁵ sharipov_abdullo@gmail.com

⁶ tokareva1406@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9461-2168>

⁷ roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Abstract

Purpose. The paper presents a description of the stratigraphic and planigraphic situation at the excavation 3 of the Lakhuti IV site (Khovaling loess plateau, Tajikistan) recorded during field work in 2022.

Results. The cross-section has 18 layers grouped into three strata: L6 glacial period sediments (MIS 14), 6a and 6b soil complexes (MIS 15). The identified technocomplexes belong to the late Karatau culture of the Lower Paleolithic of Tajikistan. The level 5.2 planigraphy indicates that the investigated area could be a fragment of a workshop site where primary processing of stone raw materials was carried out. The layer L6 artefacts indicates that the region was continuously developed by humans, and glacial conditions in the Middle Pleistocene affected the intensity of these processes only.

Conclusions. The closest analogues to the late Karatau complexes can be traced in the Soan pebble-flake industries of the Northern Hindustan. They have a similar age to Tajik materials (second half of the Middle Pleistocene), geomorphological position (deposits of high terraces in the upper reaches of the Indus, Soan, and other rivers in the Himalayas foothill zone), a similar raw material base (river alluvium). Also they have a number of technical and typological characteristics, which include: citron and radial knapping; a higher percentage of large flakes and “citrons”; choppers, simple side-scrapers and unifaces in tool-kits; lack of bifacial technique. As a result of a new stage in the study of the Lower Paleolithic complexes in the region, authors proposed a new model, according to which the region was continuously developed by hominins, and glacial conditions mainly influenced the intensity of these processes.

Keywords

Stone Age, Loess Paleolithic, Tajikistan, stratigraphy, pedocomplex, glacial stage, planigraphy, stone industry

Acknowledgements

Field and natural science research was supported by the Russian Scientific Foundation grant no. 22-18-00568 “Initial Human Settlement of Central Asia: Archeology, Chronology, Paleogeography of the Loess Paleolithic”, analysis of archaeological materials – within the framework of the research program FWZG-2022-0008 “Central Asia in Antiquity: Archaeological Cultures of the Stone Age in a Changing Natural Environment”

For citation

Anoikin A. A., Sosin P. M., Kogai S. A., Pavlenok K. K., Sharipov A. F., Tokareva O. A., Kurbanov R. N. New Data on the Lower Paleolithic of Tajikistan: Materials of Lakhuti IV, Trench 3. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 20–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-20-33

Введение

Во второй половине XX в. в Таджикистане была открыта серия стоянок нижнего палеолита, содержащих лессово-почвенные отложения [Ранов, Шефер, 2000]. Нижнепалеолитические индустрии происходили из отложений почвенных комплексов (педокомплексы, ПК), развитие которых проходило в условиях межледниковых периодов. Возраст ПК в почвенно-лессовых разрезах определялся на основе данных палеомагнитного анализа отложений и корреляции ПК с изотопно-кислородной шкалой, и, согласно этим данным, отложения с артефактами нижнего палеолита имеют следующий возраст: ПК 12–11 – ~ 900 тыс. л. (МИС 22–21); ПК 6 – ~ 600–560 тыс. л. (МИС 15), ПК 5 – ~ 520–480 тыс. л. (МИС 13), а ПК 4 – ~ 420–370 тыс. л. (МИС 11) [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005].

Вплоть до последнего времени все известные в регионе стратифицированные стоянки нижнего палеолита были связаны с сериями полигенетичных палеопочв. Единичные артефакты в отложениях гляциальных (ледниковых) этапов были отмечены только в трех случаях и на более молодых уровнях (от ПК 4 и моложе) [Ранов, Шефер, 2000]. Однако на открытой в 2021 г. стоянке Лахути IV в ходе работ 2022 г. был обнаружен новый участок концентрации археологического материала (раскоп 3), выбивающийся из этой закономерности. В ходе полевых работ были изучены не только отложения ПК 6, но и перекрывающая их толща, сформировавшаяся в условиях гляциального периода (Л6). Исследование показало, что в толще в большом количестве присутствует археологический материал [Анойкин и др., 2022a].

Стоит отметить такую важную особенность стоянки Лахути IV, как зафиксированное в отложениях ПК 5 в ходе работ 2021 г. четкое распределение артефактов по нескольким культурным горизонтам [Анойкин и др., 2023]. Это обстоятельство исключительно важно в контексте определения понятия «лессовый палеолит» [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, 1995], к которому относятся все известные стратифицированные памятники нижнего и среднего палеолита Таджикистана. Так, автор термина В. А. Ранов указывал, что отсутствие культурных горизонтов является одной из характерных черт этой группы памятников [Ранов, Шефер, 2000, с. 20]. В ходе изучения ПК 5 на стоянке Лахути IV было установлено наличие здесь восьми четко выделенных уровней залегания артефактов [Анойкин и др., 2023]. Последующие работы на памятнике показали, что близкая ситуация прослеживается и в подстилающих ПК 5 отложениях, однако ее подробного анализа не проводилось.

В первой публикации материалов раскопа 3 стоянки Лахути IV, имеющей предварительный характер, весь материал из отложений гляциального периода (Л6) рассматривался в рамках единого комплекса. Кроме того, в ней было приведено крайне лапидарное описание стратиграфического профиля [Анойкин и др., 2022a]. В данной работе авторы поставили перед собой задачу представить развернутое описание стратиграфической и планиграфической ситуации на раскопе 3 памятника, что, в свою очередь, позволило надежно определить условия, в которых происходило формирование археологических комплексов; представить технико-типологическую характеристику каменных индустрий в соответствии с выделенными стратиграфическими подразделениями; выявить ряд значимых особенностей в пространственном расположении артефактов.

Стоянка Лахути IV Отложения гляциального периода МИС 14 (Л6) и педокомплекс 6 (ПК 6а–6б)

Стоянка Лахути IV приурочена к протяженному (более 1 км) обнажению на правом борту долины в среднем течении реки Оби-Мазар в районе пос. Лахути, где в 1970–1990-х гг. было обнаружено и изучено большинство объектов лессового палеолита Таджикистана (Оби-Мазар-4, Оби-Мазар-6, Лахути и др.) [Ранов, 2005; Ранов, Каримова, 2005; Анойкин и др., 2023]. В настоящее время, после схождения крупного оползня в 2016 г., центральная часть обнажения представлена несколькими небольшими оползневыми цирками. Здесь при проведении исследовательских работ в 2021 г. П. М. Сосин на высоте ~50 м над современным урезом воды обнаружил участок концентрации каменных артефактов. Раскопочные работы подтвердили наличие здесь стоянки людей нижнего палеолита, получившей название Лахути IV (рис. 1). Раскопки 2021–2022 гг. позволили установить, что объект является многослойным, а археологический материал был зафиксирован на нескольких высотных уровнях разреза, в интервале ПК 4 – ПК 6 [Анойкин и др., 2021; 2022а; 2022б].

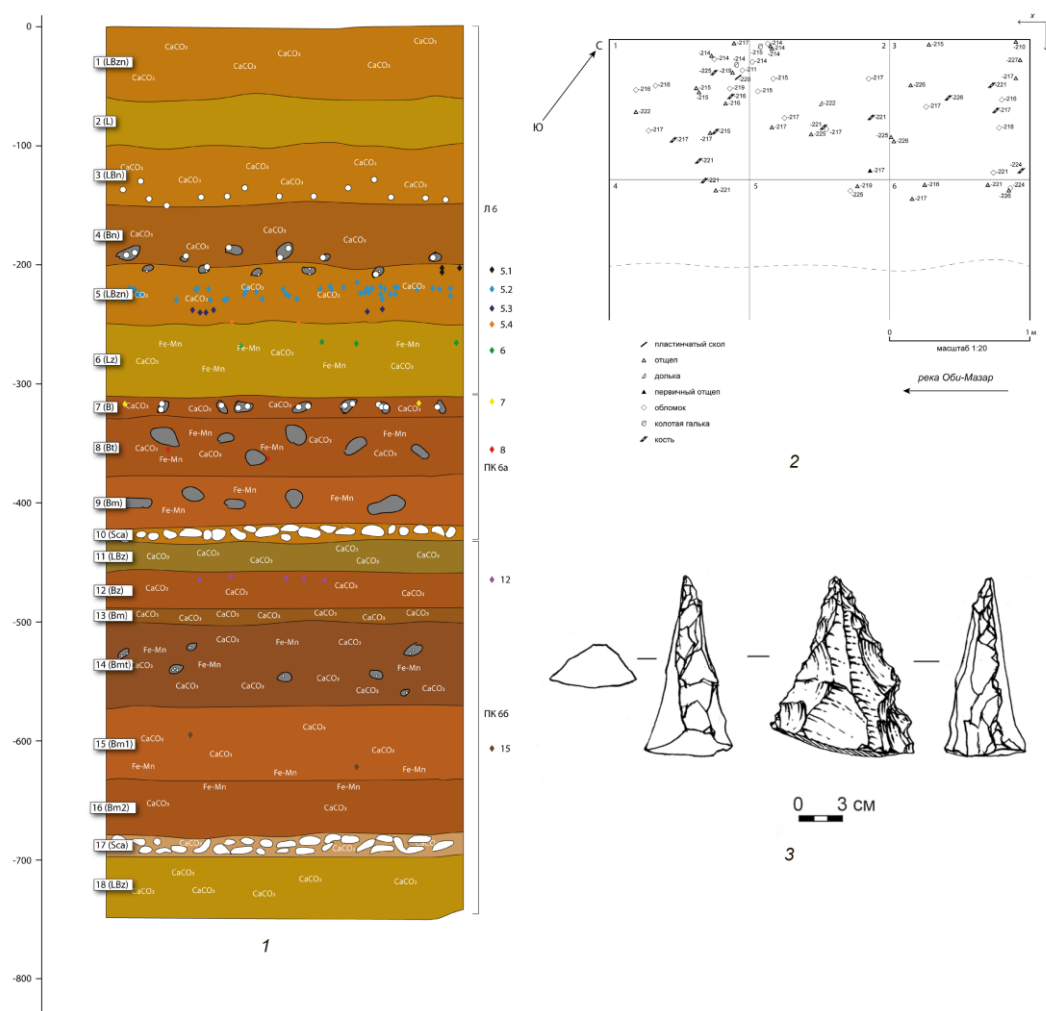

Рис. 1. Карта-схема расположения Лахути IV и близлежащих палеолитических стоянок: КН-I – Хонако I; КН-II – Хонако II, КН-III – Хонако III, KUL – Кульдара; LKH-I – Лахути I, LKH-IV – Лахути IV; OBM-I – Оби-Мазар I; TJR – Тагиджар

Fig. 1. Map of Lakhuti IV and neighboring sites: KH-I – Khonako I; KH-II – Khonako II, KH-III – Khonako III, KUL – Kuldara; LKH-I – Lakhuti I, LKH-IV – Lakhuti IV; OBM-I – Obi-Mazar I; TJR – Tagijar

Для изучения участка концентрации археологического материала, связанного с ПК 6 и перекрывающем его комплексом отложений гляциального периода, был заложен раскоп № 3 площадью 10,5 кв. м (по основанию), пройденный на глубину 7 м. В полученном разрезе выделено 18 литологических слоев, сгруппированных в три основные пачки: отложения гляциального периода МИС 14 (Л6) (слои 6–1); почвенные комплексы ба (слои 10–7) и бб (слои 18–11).

Описание разреза (см. таблицу) составлено П. М. Сосиным по северной стенке раскопа. Символы генетических горизонтов почв (рис. 2, 1) даны по Б. Г. Розанову [1983].

Стратиграфический разрез раскопа 3 стоянки Лахути IV
Stratigraphic section of excavation area 3 of Lahuti IV site

Глубина, см		№ слоя	Горизонт	Описание
0	60	1	LBzn	Коричневато-желтый, увлажненный, средний суглинок, плотный, комковато-глыбистый, слабопористый. Много биолитов с ореолами CaCO_3 . Внутри биолитов CaCO_3 нет. Переход заметный по биолитам и CaCO_3 , которого незначительное количество.
60	100	2	L	Желтый, увлажненный, средний суглинок, бесструктурный, менее плотный, тонко слабо пористый. Биолитов нет. Переход постепенный.
100	150	3	LBn	Коричневато-желтый, увлажненный, средний суглинок, тонко слабо пористый, плотный, комковато-глыбистый. Редкие биолиты без твердой оболочки. CaCO_3 по тонким порам и слабым ореолам, крупные конкреции до 12 см. Переход постепенный по цвету, но ясный по конкрециям.
150	201	4	Bn	Коричневый с желтым оттенком, увлажненный, средний суглинок, тонко слабо пористый, глыбисто-комковатый, менее плотный, чем вышележащий. CaCO_3 больше по мелким порам, относительно много крупных конкреций до 8 см по крупным кротовинам, образующих слой 180–201 см по простиранию. Переход заметный по конкрециям.
201	249	5	LBzn	Темно-желтый с коричневым оттенком, увлажненный, плотный суглинок, тонко слабо пористый, комковато-глыбистый. CaCO_3 по мелким порам, редкие конкреции вверху горизонта по кротовинам до 7 см в диаметре. В нижней части горизонта появляются редкие биолиты с оболочкой и без. Переход заметный по количеству биолитов.
249	311	6	Lz	Темно-желтый, увлажненный, средний суглинок бесструктурный, тонко слабо пористый. Биолитов с оболочкой больше, чем в вышележащем горизонте, а CaCO_3 меньше и только по редким порам. Fe-Mn конкреции до 2 мм в диаметре. Переход ясный.
311	329	7	B	Горизонт заключительной фазы. Коричневый, тусклый, увлажненный, плотный, тонко слабо пористый, комковато-глыбистый суглинок. В горизонте относительно много конкреций по кротовинам

Продолжение таблицы

Глубина, см		№ слоя	Горизонт	Описание
				до 10–15 см. CaCO ₃ по мелким и крупным вертикальным порам до 2 мм толщиной. Переход заметный по цвету и структуре.
329	379	8	Bt	Коричневый, яркий, среднетяжелый суглинок, зернисто-комковатый, менее плотный, чем вышележащий. Fe-Mn пленки на мелких биолитах (5 мм). CaCO ₃ по мелким и крупным вертикальным порам. Есть кротовины с желтым материалом. Более окарбоначенный, переход постепенный.
379	422	9	Bm	Светло-коричневый, увлажненный, среднетяжелый суглинок, более плотный, тонко слабо пористый, комковатый, но есть зерна вверху горизонта. Fe-Mn пленок меньше, есть кротовины с желтым материалом. Переход к подстилающей коре резкий.
422	432	10	Sca	Кора состоит из отдельных конкреций по ходам землероев, средняя мощность коры 10 см, но есть конкреции до 20 см по простиранию. Они не всегда сцементированы между собой, иногда между ними до 30 см материала горизонта LBz. Переход резкий.
432	459	11	LBz	Темно-желтый с коричневым оттенком, средний суглинок, тонко слабо пористый, глыбистый. Много биолитов с ореолами CaCO ₃ . CaCO ₃ много по биолитам, имеются прожилки до 1,5 мм толщиной. Переход постепенный.
459	489	12	Bz	Немного темнее вышележащего, увлажненный, средний суглинок, плотный, тонко слабо пористый, комковато-глыбистый. Биолитов меньше, чем в вышележащем горизонте. CaCO ₃ также меньше, фиксируется и в виде ореолов биолитов, и в виде прожилок. Переход заметный по цвету.
489	500	13	Bm	Коричневый, тусклый, увлажненный, среднетяжелый суглинок, плотный, тонко слабо пористый, комковато-глыбистый. CaCO ₃ встречается в большом количестве по вертикальным и диагональным трещинам до 6 мм толщиной. Переход заметный по цвету и структуре.
500	572	14	Bmt	Темно-коричневый, яркий, увлажненный, тяжелый суглинок, плотный, зернисто-комковатый, тонко слабо пористый. Присутствуют слабые пленки Fe-Mn по структурным граням. CaCO ₃ присутствует в большом количестве по мелким порам и по ходам корней до 15 мм толщиной. Кротовины до 6 см заполнены более светлым материалом и более окарбоначены. Переход заметный по структуре и CaCO ₃ .
572	634	15	Bm1	Светло-коричневый, увлажненный, среднетяжелый суглинок, глыбисто-комковатый, тонко слабо пористый, плотный. В нижней части горизонта появляются зерна и слабые пленки Fe-Mn. CaCO ₃ меньше, чем в выше-

Окончание таблицы

Глубина, см		№ слоя	Горизонт	Описание
				лежащем горизонте. Присутствует по порам и редким вертикальным корешкам до 3 мм в диаметре. Переход заметный по цвету и структуре.
634	679	16	Bm2	Более темный, чем вышележащий, увлажненный, средне-тяжелый суглинок, плотный, тонко слабо пористый, глыбисто-комковатый. Присутствуют редкие пленки Fe-Mn в верхней части горизонта. Встречаются редкие точки CaCO ₃ . Переход резкий.
679	697	17	Sca	Кора плотная, среднепористая. По простиранию меняется от 15 до 21 см. Состоит из конкреций и CaCO ₃ пропитки. Переход резкий.
697	747	18	LBz	Темно-желтый, увлажненный, средний суглинок, плотный, тонко слабо пористый, комковато-глыбистый. Фиксируется обилие биолитов с ореолами CaCO ₃ , CaCO ₃ по ходам педофауны до 10 мм толщиной. Переход постепенный.

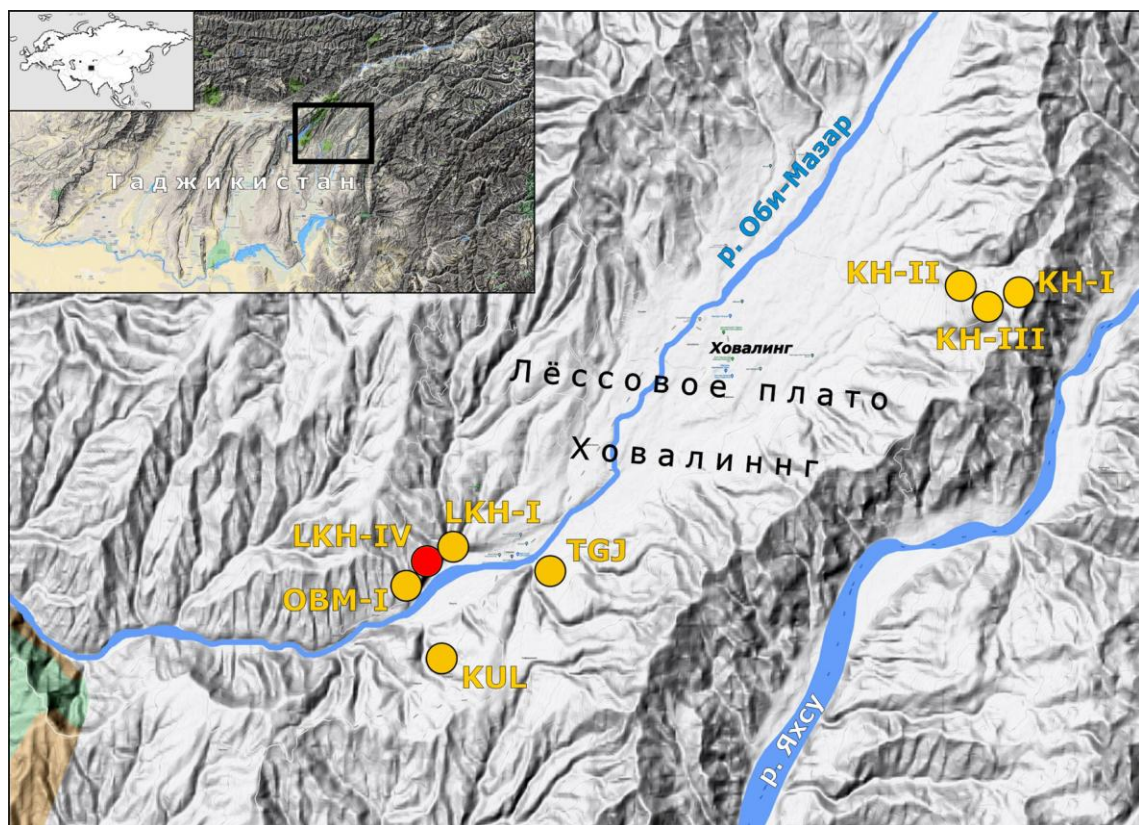

Рис. 2. Лахути IV, раскоп 3:

1 – стратиграфический разрез с уровнями залегания археологического материала; 2 – планиграфия уровня 5.2; 3 – острие из уровня 5.2

Fig. 2. Lakhuti IV, trench 3:

1 – stratigraphic cross-section with archaeological horizons; 2 – spatial organization of horizon 5.2; 3 – point from horizon 5.2

Исследованный комплекс отложений гляциального периода, согласно имеющейся хроно-стратиграфической схеме, имеет возраст ~ 560–520 тыс. л. и соответствует МИС 14, а материалы из ПК 6а и ПК 6б относятся к МИС 15 (~ 600–560 тыс. л.).

Стоянка Лахути IV

Раскоп 3. Отложения гляциального периода МИС 14 (Л6)

Археологический материал

Археологический материал в Л6 был зафиксирован на пяти уровнях: четыре из них связаны со слоем 5 и один выделен в средней части слоя 6. Основная часть артефактов (~ 85 % коллекции) залегала на двух уровнях в кровле слоя 5.

Уровень 5.1. Археологический материал представлен 16 экз.: одним отщепом средних размеров, краевым техническим сколом, одним техническим сколом декорткации и отходами производства – двумя мелкими сколами (< 1,5 см в наибольшем измерении), восемью обломками, тремя осколками. Ударные площадки сколов, за исключением единственной гладкой, покрыты галечной коркой. Ориентация негативов на дорсальной поверхности сколов указывает на использование приемов продольного (1 экз.) и ортогонального (1 экз.) скалывания. У остальных сколов дорсальная поверхность гладкая. Массивный удлиненный краевой скол треугольной формы преобразован в выемчатое орудие.

Коллекцию каменных артефактов дополняют три неопределимых фрагмента кости.

Уровень 5.2. В коллекции каменных изделий (100 экз.) представлены: галька, колотые гальки – 3 экз., нуклевидные формы – 3 экз., технические сколы – 10 экз. (девять сколов декорткации и один краевой), «дольки» и «клинья» – 8 экз., крупный отщеп, отщепы средних размеров – 26 экз. (в том числе один пластинчатый). Практически половину коллекции составляют отходы производства: мелкие сколы – 14 экз., обломки – 12 экз., осколки – 22 экз.

Кроме того, было найдено 28 неопределимых фрагментов кости.

Типологически выраженных нуклеусов в коллекции нет. Нуклевидные формы включают три обломка средних размеров, возможно являющихся фрагментами сильно истощенных или бессистемных ядрищ. По огранке дорсальных поверхностей сколы разделяются на три примерно равные группы: с гладкой огранкой, с субпараллельными негативами (свидетельствует об использовании приема простого параллельного скалывания) и с радиальной / ортогональной огранкой (центростремительное скалывание). Индустрии свойственно отсутствие подготовки ударных площадок: представлены только естественные и гладкие. Первые встречаются в 1,5 раза чаще.

Орудийный набор (3 экз.) включает острие (рис. 2, 3), выемчатое изделие с ретушированным анкошем и отщеп с ретушью.

Планиграфическая ситуация на уровне 5.2. (рис. 2, 2) интересна следующими деталями.

- Распределение артефактов по исследованной площади неравномерно. Основная масса обнаружена по линии квадратов 1–3, отдаленной от края обнажения (обозначена на плане волнистой пунктирной линией). При этом нет свидетельств того, что в пространственном распределении находок значительную роль играли гравитационные или какие-либо постдепозиционные процессы.

- Плотная концентрация каменных изделий с небольшим разбросом значений по высотам (около 5–6 см) фиксируется на границе квадратов 1 и 2. На этом участке в основном были обнаружены колотые гальки, отщепы и обломки. Данный участок может быть интерпретирован как фрагмент небольшой рабочей площадки, на которой проводилась первичная обработка каменного сырья.

- Фаунистический материал не образует каких-либо скоплений и не группируется в соответствии с распределением каменных артефактов. По этой причине проблематично установить связь каких-либо участков на исследованной площади с деятельностью, связанной с разделкой и / или потреблением биоресурсов.

Уровень 5.3. Всего обнаружено три каменных изделия: средний отщеп с естественной площадкой и гладкой дорсальной поверхностью, некрупный скол-«долька» с гладкой площадкой и продольной огранкой, а также обломок.

Также на этом уровне было найдено три неопределимых фрагмента кости.

Уровень 5.4. Коллекция представлена исключительно отходами производства: семью мелкими отщепами, двумя обломками, 15 осколками. Также обнаружено 11 мелких неопределимых фрагментов кости.

Уровень 6. Найдено 11 каменных изделий: три гальки без следов обработки, одно нуклеидное изделие (галька с негативами бессистемных сколов), один отщеп средних размеров с необработанными площадкой и дорсальной поверхностью, а также отходы производства: два мелких отщепа, обломок и три осколка.

При зачистке верхней части склона в месте будущего раскопа было обнаружено еще 4 каменных артефакта (галька без следов обработки, отщеп, скол-«долька» и обломок), точная стратиграфическая принадлежность которых не установлена, но они явно связаны с отложениями Л6.

Стоянка Лахути IV Раскоп 3. Почвенные комплексы (ПК 6а и ПК 6б) Археологический материал.

Археологический материал, полученный при изучении почвенных комплексов 6а (слои 10–7) и 6б (слои 17–12) в раскопе 3, очень немногочислен. В ПК 6а зафиксировано 12 каменных предметов, происходящих из слоев 7 и 8. Это 10 галек разных размеров и два первичных отщепа – крупный и мелкий, без следов дополнительной подработки. Крупная уплощенная галька имеет на одном из торцов следы забитости и, возможно, использовалась в качестве отбойника. В ПК 6б (слои 12 и 15) обнаружено 12 артефактов, среди которых более половины (7 экз.) составляют мелкие и средние гальки без следов антропогенного воздействия. Также присутствуют четыре небольших скола и крупный пластинчатый отщеп (выполнен в долечной технике), не имеющие следов вторичной обработки.

Обсуждение результатов

Результаты анализа археологической коллекции из раскопа 3 стоянки Лахути IV, полученные при изучении отложений гляциального периода Л6 (МИС 14, ~ 560–520 тыс. л.), залегающих между ПК 6 (МИС 15, ~ 600–560 тыс. л.) и ПК 5 (МИС 13, ~ 520–480 тыс. л.), позволяют вписать эти технокомплексы в общий контекст ранних этапов лессового палеолита Таджикистана. Ассамбляж комплекса гляциального периода Л6 (МИС 14) по характеристикам первичного расщепления полностью соответствует тем параметрам, что имеют залегающие как выше, так и ниже нее археологические индустрии из ПК 5 и ПК 6 [Аношкин и др., 2022а]. Немногочисленная коллекция археологических материалов из почвенных горизонтов ПК 6а и ПК 6б (МИС 15) находит полное соответствие в материалах ПК 6 стоянки Оби-Мазар-VI [Ранов, Шефер, 2000; Худжагелдиев, 2007].

Представительный артефактный набор был зафиксирован только на уровне 5.2. Проведенные в отношении материалов этого уровня планиграфические наблюдения требуют еще раз обратиться к материалам исследования ПК 5 данной стоянки. Установлено, что каменные артефакты из ПК 5 связаны с отложениями заключительной и оптимальной стадий почвообразования. Они залегали субгоризонтально, согласно общему простираению вмещающих отложений, и фиксируются на 8-ми уровнях, отделенных друг от друга в вертикальной проекции стерильными в археологическом отношении зонами. При этом в верхней и нижней частях полученного разреза исследователями выделены как минимум четыре зоны концентрации артефактов с разбросом находок в пределах 5–10 см, что позволило атрибутировать

их в качестве выраженных горизонтов обитания [Анойкин и др., 2022а]. Следует отметить, что до начала работ на Лахути IV хорошо читаемый культурный горизонт мощностью ≤ 10 см был обнаружен на объектах лессового палеолита Таджикистана лишь однажды в ПК 4, на небольшом участке памятника Оби-Мазар IV (зачистка 2, 1984 г.) [Ранов, 2005]. Также в ПК 5 на Лахути IV в культурном горизонте 6 впервые были зафиксированы остатки рабочей площадки – в виде локального скопления ($0,5 \times 0,5$ м) из нескольких галек, имеющих признаки использования в качестве отбойников.

Результаты планиграфического анализа материалов из Лб позволяют дополнить полученную ранее картину. Во-первых, они свидетельствуют о том, что в гляциальные периоды на этой территории не происходило полной депопуляции, как предполагалось ранее, и она продолжала регулярно посещаться древним человеком, хотя антропогенная активность и носила менее интенсивный характер. Во-вторых, наблюдения, сделанные в результате работ на раскопе 3, позволяют заключить, что культурная последовательность Лахути IV содержит каменные артефакты, попавшие в нее в результате многократных эпизодов посещения этой местности древним человеком, отделенных друг от друга разными временными интервалами, иногда очень кратковременными. Зафиксированные эпизоды обитания имели разную продолжительность и интенсивность, вплоть до формирования полноценных культурных горизонтов с массовым археологическим материалом и выделенными зонами хозяйственной активности: рабочая площадка в к. г. 6 в ПК 5 или локальное скопление продуктов дебитаж и отходов в к. г. 5.2 в Лб. В-третьих, совокупность полученных данных позволяет утверждать, что человеческая деятельность на стоянках была связана в первую очередь с первичной обработкой галечного сырья, источник которого (аллювий р. Оби-Мазар) находился в шаговой доступности. Какая-либо деятельность, связанная с разделкой и утилизацией продуктов охоты, может только предполагаться на основе немногочисленных разрозненных остатков фауны.

Заключение

Исследованные на стоянке Лахути IV (раскоп 3) археологические комплексы предположительно относятся к МИС 14–15 и хорошо вписываются в общий контекст нижнего палеолита Таджикистана. Характеризующие этот период каменные индустрии относятся к позднему этапу каратауской культуры [Ранов, 1988; Додонов и др., 1989], существовавшей в регионе, по мнению выделившего ее В. А. Ранова, на протяжении значительной части среднего плейстоцена, в интервале $\sim 0,6$ – $0,4$ млн л. [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, Каримова, 2005]. Кроме Лахути IV, к данной культурной традиции относятся памятники Оби-Мазар VI (ПК6), Лахути-I (ПК5), Оби-Мазар-IV (ПК 4), Хонако-III (ПК 4), находящийся в среднем течении р. Оби-Мазар, а также Каратау (ПК6), локализованная в верхнем течении р. Вахш.

Наиболее близкие аналоги комплексов позднего этапа каратауской нижнепалеолитической культуры прослеживаются в соанских галечно-отщеповых индустриях на севере п-ва Индостан. Они имеют близкий к таджикским материалам возраст (вторая половина среднего плейстоцена), геоморфологическую позицию (отложения высоких террас в верхнем течении рек Инд, Соан и др. в предгорной зоне Гималаев), аналогичную сырьевую базу (речной аллювий), а также несомненные параллели в технико-типологических характеристиках (долечное и радиальное расщепление; большой процент крупных отщепов и «долек»; чопперы, простые скребла и унифасы в орудийных наборах; отсутствие бифасиальной техники) [Sali, 1990; Chauhan, 2005; 2007; Petraglia, 2010].

Дальнейшее пополнение эмпирической базы исследований стоянки после получения возрастных определений U/Th методом, а также путем геохимического определения состава отложений позволит вплотную подступить к кардинальному переосмыслению принципов хозяйственного освоения человеком этой территории в среднем плейстоцене. Можно предположить, что в результате нового этапа исследований нижнепалеолитический комплекс

лессового палеолита на смену главенствующей сейчас гипотезе о наличии прямого соответствия эпизодов присутствия на этой территории древнего населения и межгляциальных климатических условий, с соответствующими им типами почв и биотой, будет предложена иная модель, согласно которой территория региона осваивалась человеком непрерывно, а гляциальные условия влияли только на интенсивность этих процессов.

Список литературы

- Аношкин А. А., Рыбалко А. Г., Худжагелдиев Т. У., Сосин П. М., Курбанов Р. Н.** Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 29–37.
- Аношкин А. А., Филатов Е. А., Чистяков П. В., Сосин П. М., Шарипов А. Ф., Мещерякова О. А., Токарева О. А., Павленок Г. Д., Курбанов Р. Н.** Исследование раннепалеолитических комплексов времени МИС 14–15 в долине р. Оби-Мазар (Таджикистан) в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022а. Т. 28. С. 36–42. DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0036-0042
- Аношкин А. А., Филатов Е. А., Чистяков П. В., Сосин П. М., Шарипов А. Ф., Мещерякова О. А., Токарева О. А., Курбанов Р. Н.** Исследование педокомплекса 5 стоянки Лахути-IV (Южный Таджикистан) в 2022 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022б. Т. 28. С. 29–35. DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0029-0035
- Аношкин А. А., Рыбалко А. Г., Худжагелдиев Т. У., Сосин П. М., Шарипов А. Ф., Курбанов Р. Н.** Лахути IV – новая стоянка лессового палеолита в Таджикистане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. № 2. С. 3–13. DOI 10.17746/1563-0102.2023.51.2.003-013
- Додонов А. Е., Ранов В. А., Шарапов Ш. Ш.** Карамайдан – новая точка с палеолитическими орудиями и среднеплейстоценовой фауной в палеопочвах Южного Таджикистана // Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода. М.: Наука, 1989. № 58. С. 26–36.
- Ранов В. А.** Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1988. 52 с.
- Ранов В. А.** Раскопки в 4–6 палеопочвах лёссово-почвенного разреза Оби-Мазар в 1995 и 1997 годах // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2005. Вып. 30. С. 14–32.
- Ранов В. А., Каримова Г. Р.** Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. Душанбе: Деваштич, 2005. 248 с.
- Ранов В. А., Шефер Й.** Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 20–32.
- Розанов Б. Г.** Морфология почв. М: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. 320 с.
- Худжагелдиев Т. У.** Каменная индустрия из педокомплекса 6б разреза Обимазар (Южный Таджикистан) по раскопкам 1997 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Дониш, 2007. Вып. 31. С. 169–197.
- Chauhan P. R.** The technological organization of the Soanian palaeolithic industry: a general “typo-qualitative” description of a large core-and-flake assemblage in surface context from the Siwalik Hills of Northern India // Issues and Themes in Anthropology: A Festschrift in Honour of Professor D.K. Bhattacharya. Delhi, Palaka Prakashan, 2005, pp. 287–336.
- Chauhan P. R.** Soanian cores and core-tools from Toka, northern India: Towards a new typo-technological organization // Journal of Anthropological Archaeology. 2007. Vol. 26. P. 412–441.

- Petraglia M. D.** The Early Paleolithic of the Indian Subcontinent: Hominin Colonization, Dispersals and Occupation History // *Out of Africa I. The First Hominin Colonization of Eurasia*. Springer. 2010. P. 165–180.
- Ranov V. A.** The “Loessic Palaeolithic” in South Tadjikistan, Central Asia: its industries, chronology and correlation // *Quaternary Science Reviews*. 1995. No. 14. P. 731–745.
- Sali S. A.** *Stone Age India*. Aurangabad: Shankar Publ., 1990. 288 p.

References

- Anoikin A. A., Rybalko A. G., Khudzhageldiev T. U., Sosin P. M., Kurbanov R. N.** Lakhuti IV – novaya stoyanka rannego paleolita v doline reki Obi-Mazar (Yuzhny Tadjikistan) [Lakhuti IV – a new Early Paleolithic site in the Obi-Mazar river valley (Southern Tajikistan)]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021, vol. 27, pp. 29–37. (in Russ.).
- Anoikin A. A., Filatov E. A., Chistyakov P. V., Sosin P. M., Sharipov A. F., Meshcheryakova O. A., Tokareva O. A., Kurbanov R. N.** Issledovanie pedokompleksa 5 stoyanki Lakhuti-IV (Yuzhny Tadjikistan) [Study of the pedocomplex 5 Lakhuti-IV site (Southern Tajikistan) in 2022]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 29–35. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0029-0035
- Anoikin A. A., Filatov E. A., Chistyakov P. V., Sosin P. M., Sharipov A. F., Meshcheryakova O. A., Tokareva O. A., Pavlenok G. D., Kurbanov R. N.** Issledovanie rannepaleoliticheskikh kompleksov vremeni MIS 14–15 v doline r. Obi-Mazar (Tadjikistan) v 2022 godu [Study of the Early Paleolithic complexes of the time MIS 14–15 in the valley of the river Obi-Mazar (Tajikistan) in 2022]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 36–42. (in Russ.) DOI: 10.17746/2658-6193.2022.28.0036-0042
- Anoikin A. A., Rybalko A. G., Khudzhageldiev T. U., Sosin P. M., Sharipov A. F., Kurbanov R. N.** Lakhuti IV – novaya stoyanka lessovogo paleolita v Tadjikistane [Lakhuti IV – a new Loess Paleolithic site in Tajikistan]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2023, no. 2, pp. 3–13. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2023.51.2.003-013
- Chauhan P. R.** Soanian cores and core-tools from Toka, northern India: Towards a new typotechnological organization. *Journal of Anthropological Archaeology*, 2007, vol. 26, pp. 412–441.
- Chauhan P. R.** The technological organization of the Soanian palaeolithic industry: a general “typo-qualitative” description of a large core-and-flake assemblage in surface context from the Siwalik Hills of Northern India. In: *Issues and Themes in Anthropology: A Festschrift in Honour of Professor D.K. Bhattacharya*. Delhi, Palaka Prakashan, 2005, pp. 287–336.
- Dodonov A. E., Ranov V. A., Sharapov Sh. Sh.** Karamaidan – novaya tochka s paleoliticheskimi orudiyami i srednepleistotsenovoi faunoi v paleopochvakh Yuzhnogo Tadjikistana [Karamaidan is a new point with Paleolithic tools and Middle Pleistocene fauna in the paleosols of South Tajikistan]. In: *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Bulletin of the commission for the study of the Quaternary period]. Moscow, Nauka, 1989, no. 58, pp. 26–36. (in Russ.)
- Khujageldiev T. U.** Kamennaya industriya iz pedokompleksa 6b razreza Obimazar (Yuzhny Tadjikistan) [Stone industry from pedocomplex 6b of the Obi Mazar section (South Tajikistan) according to excavations in 1997]. In: *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. Dushanbe: Donish, 2007, iss. 31, pp. 169–197. (in Russ.)

- Petraglia M. D.** The Early Paleolithic of the Indian Subcontinent: Hominin Colonization, Dispersals and Occupation History. In: Out of Africa I. The First Hominin Colonization of Eurasia. Springer, 2010, pp. 165–180.
- Ranov V. A.** Kamenny vek Yuzhnogo Tadzhikistana i Pamira [Stone Age of Southern Tajikistan and the Pamirs]. Dr. of Hist. Sci. Diss. in the form of a scientific report. Novosibirsk, 1988, 52 p. (in Russ.)
- Ranov V. A., Karimova G. R.** Kamenny vek Afgano-Tadzhikskoi depressii [Stone Age of the Afghan-Tajik depression]. Dushanbe, Devashtich, 2005, 248 p. (in Russ.)
- Ranov V. A., Schaefer J.** Lessovy paleolit [Loess Paleolithic]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2000, no. 2, pp. 20–32. (in Russ.)
- Ranov V. A.** Raskopki v 4–6 paleopochvakh lyossovo-pochvennogo razreza Obi-Mazar v 1995 i 1997 godakh [Excavations in 4–6 paleosols of the loess-soil section of Obi-Mazar in 1995 and 1997]. In: *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. Dushanbe, Donish, 2005, vol. 30, pp. 14–32. (in Russ.)
- Ranov V. A.** The “Loessic Palaeolithic” in South Tadjikistan, Central Asia: industries, chronology and correlation. *Quaternary Science Reviews*, 1995, no. 14, pp. 731–745.
- Rozanov B. G.** Morfologiya pochv [Morphology of soils]. Moscow, MSU Press, 1983, 320 p. (in Russ.)
- Sali S. A.** Stone Age of India. Aurangabad, Shankar Publ., 1990, 288 p.

Информация об авторах

Антон Александрович Анойкин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Scopus Author ID 57193948842

WoS Researcher ID Q-2849-2016

RSCI Author ID 73176

SPIN 6047-6365

Петр Михайлович Сосин, старший научный сотрудник

Сергей Александрович Когай, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Scopus Author ID 36239257800

WoS Researcher ID M-7071-2014

RSCI Author ID 159078

SPIN 3115-8950

Константин Константинович Павленок, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 55249971300

WoS Researcher ID Q-5415-2016

RSCI Author ID 625148

SPIN 7155-1950

Абдулло Фатхуллоевич Шарипов, младший научный сотрудник

Ольга Александровна Токарева, младший научный сотрудник

Scopus Author ID: 57211364194

Реджеп Нурмурадович Курбанов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник

Scopus Author ID 55354945600

WoS Researcher ID: N-6468-2016

Information about the Authors

Anton A. Anoikin, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher

Scopus Author ID 57193948842

WoS Researcher ID Q-2849-2016

RSCI Author ID 73176

SPIN 6047-6365

Petr M. Sosin, Senior Researcher

Sergei A. Kogai, Candidate of Sciences (History), Researcher

Scopus Author ID 36239257800

WoS Researcher ID M-7071-2014

RSCI Author ID 159078

SPIN 3115-8950

Konstantin K. Pavlenok, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 55249971300

WoS Researcher ID Q-5415-2016

RSCI Author ID 625148

SPIN 7155-1950

Abdullo F. Sharipov, Junior Researcher

Olga A. Tokareva, Junior Researcher

Scopus Author ID: 57211364194

Redzhap N. Kurbanov, Candidate of Sciences (Geography), Leading Researcher

Scopus Author ID 55354945600

WoS Researcher ID: N-6468-2016

Вклад авторов:

А. А. Анойкин – разработка концепции исследования, анализ материала, обобщение результатов.

П. М. Сосин – геологическое описание разреза.

С. А. Когай – компоновка иллюстраций, доработка текста.

К. К. Павленок – формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

А. Ф. Шарипов – анализ материала.

О. А. Токарева – анализ материала, доработка текста.

Р. Н. Курбанов – интерпретация геологических данных, доработка текста.

Contribution of the Authors:

Anton A. Anoikin developed the concept of the study, analyzed the material and summarized the results.

Petr M. Sosin conducted a geological description of the section.

Sergei A. Kogai arranged the illustrations, finalized the text.

Konstantin K. Pavlenok formulated the conclusions, prepared the first version of the article.

Abdullo F. Sharipov analyzed the materials.

Olga A. Tokareva analyzed the materials, finalized the text.

Redzhap N. Kurbanov interpreted geological data, finalized the text.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023;

одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 30.03.2023

The article was submitted on 21.02.2023;

approved after reviewing on 30.03.2023; accepted for publication on 30.03.2023

Научная статья

УДК 903(571.53)"6325"

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-34-48

Бескерамический комплекс Шаманка 8 на Южном Байкале

Алексей Михайлович Кузнецов ¹
Дмитрий Николаевич Молчанов ²
Владимир Иванович Базалийский ³
Мария Евгеньевна Абрашина ⁴

¹⁻⁴ Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

¹ golos_siberia@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0903-4728>

² dmi_molchanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

³ bazalirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6940-7592>

⁴ mariya28_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7357-8642>

Аннотация

До недавнего времени на территории Южного Байкала не было известно ни одного донеолитического местонахождения. В ходе работ в этом регионе на ансамбле Шаманского мыса в 2012 и 2022 гг. был зафиксирован новый бескерамический комплекс, получивший название Шаманка 8. Находки залегают в буровато-желтых суглинках ниже слоя голоценового оптимума. В составе коллекции отсутствует кость, продукты литорасщепления представлены преимущественно кварцевым сырьем. Индустрия характеризуется высокой степенью фрагментации сколов, своеобразными формами заготовок, типологически слабовыраженным орудийным набором. В силу невозможности провести прямое датирование материалов комплекса предложено опираться на совокупность стратиграфических и технико-типологических данных. Последнее позволяет провести некоторые параллели в орудийном наборе Шаманки 8 с финальносартанскими комплексами Байкальской Сибири. Однако не исключается и вариант раннеголоценового возраста объекта с учетом датировок раннеолитических погребений Шаманки 2.

Ключевые слова

Байкальская Сибирь, Южный Байкал, голоцен, плейстоцен, сартан, неолит, палеолит, кварц, литорасщепление, продольный излом, фрагментация

Для цитирования

Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н., Базалийский В. И., Абрашина М. Е. Бескерамический комплекс Шаманка 8 на Южном Байкале // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 34–48. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-34-48

© Кузнецов А. М., Молчанов Д. Н.,
Базалийский В. И., Абрашина М. Е., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 34–48

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 34–48

Non-Ceramic Site of Shamanka 8 on the Southern Coast of Baikal Lake

Aleksei M. Kuznetsov¹, Dmitry N. Molchanov²
Vladimir I. Bazalysky³, Mariya E. Abrashina⁴

^{1–4} Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

¹ golos_siberia@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0903-4728>

² dmi_molchanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2789-6316>

³ bazalirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6940-7592>

⁴ mariya28_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7357-8642>

Abstract

Purpose. The southern coast of lake Baikal is a territory known in Siberian archaeology for its Kitoi cemeteries. Besides burials of the Shaman capes there are some Neolithic and Bronze age complexes at Circum-Baikal railway. In 2012 the first non-ceramic site was discovered in South Baikal, which was named Shamanka 8. This paper presents the assemblage of this complex and discusses its chronological and cultural features.

Results. The Shamanka 8 site is located on the top of the third hill of the Shaman cape. The cultural layer lies under the Holocene Optimum sediments. The site stratigraphic structure is characterized by compression. There is no bone fragments and ceramic. For lithic knapping, mainly local raw material (quartz) were used. The quartz assemblage has such features as poor formal standardization, high degree of flake fragmentation, cores with the orientation of fracture plane relative to the longitudinal axis, bipolar reduction. All of these specifics are explained by uneven fracture characteristics and bad workability of quartz, as well as its breakage patterns. Some artifacts, including single non-quartz tool, suggest that there may be a connection between the Shamanka 8 site and the industries of the Final Paleolithic sites in the Northern Baikal region and the Irkutsk region. Quartz small knife (?), carinated end-scraper and tubular core have analogies in the 2nd cultural layer of the Kurla II site, dated by 13.5 uncal kya. Similarly dated quartz components of Nirikan I and flint tool-kit of Verkhovenskaya Gora I include other cultural link types.

Conclusion. The similarity in the morphology of some tools with Final Paleolithic counterparts and stratigraphic position of finds allow us to assume the Final Sartan age of the Shamanka 8 site and dates it to the Bølling – Allerød warming. However, in the absence of direct radiocarbon dating, an Early Holocene/Early Neolithic attribution of the site is also possible. Further studies may help resolve this issue.

Keywords

Baikal Siberia, Southern Baikal, Holocene, Pleistocene, Sartan, Neolithic, Paleolithic, quartz, lithic knapping, Siret flakes, flake fragmentation

For citation

Kuznetsov A. M., Molchanov D. N., Bazalysky V. I., Abrashina M. E. Non-Ceramic Site of Shamanka 8 on the Southern Coast of Baikal Lake. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 34–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-34-48

Введение

Археологические исследования байкальского побережья, стартовавшие в середине XVIII в., продолжают уже почти три столетия (см. обзор: [Медведев и др., 2015]). Наиболее выдающиеся результаты получены в деле изучения эпохи неолита и бронзового века, чему способствовали раскопки и изучение многослойных стоянок Малого моря и многочисленных байкальских некрополей. Донеолитический период освоения древним человеком крупнейшего водоема Северной Азии представлен к настоящему времени в археологической летописи в гораздо меньшей степени.

Нижние горизонты маломорских стоянок (Улан-Хада, Саган-Нугэ, Берлога, Итырхей и др.), датируемые по радиоуглероду 8–10 тыс. л. н., содержат материалы пребореального и бореального периодов голоцена, отнесенные к мезолиту [Горюнова, Новиков, 2017]. Для них характерно развитое производство правильных призматических пластин и орудий из них, призматические и клиновидные формы нуклеусов, различные типы резцов, шлифованные орудия, вкладышевая техника [Новиков, Горюнова, 2017]. К этому времени также

относят нижний горизонт многослойной стоянки в бухте Ая, расположенной к югу от о. Ольхон [Новиков и др., 2016].

К переходному периоду от палеолита к неолиту относятся «эпипалеолитические» стоянки Лударской бухты на Северном Байкале с нечеткой хронологической позицией. Типологический набор этих местонахождений содержит ножи типа «улу», скребки с крутой ретушью, тесла с перехватом, клиновидные нуклеусы, полиэдрические резцы – формы, которые приближают эту индустрию к финальносартанским комплексам Южного Приангарья [Хлобыстин, 1965]. Экспонированный комплекс Балтаханова V и еще ряд стоянок в этой же части Байкала с призматическими пластинами, вкладышами, угловыми резцами, концевыми скребками также отнесены исследователями к периоду позднего палеолита – мезолита [Тетенькин и др., 2019].

Комплекс объектов Курлы I–III (Северный Байкал), характеризующийся микролитической индустрией и наиболее представительным набором костяных и каменных орудий среди байкальских донеолитических стоянок, до недавнего времени датировался средней порой верхнего палеолита [Шмыгун, 1981; Стратиграфия..., 1990]. Однако последние опубликованные данные опровергли этот возраст, поместив объект в ряд финальносартанских памятников с датами около 13,5 тыс. некал. л. н. [Молчанов и др., 2019].

Наиболее древний, среднепалеолитический, период представлен на Байкале, по мнению ряда исследователей, стоянками «кварцевого палеолита» с поверхностным залеганием материала – падь Малая Орса, Иванов Взвоз, распадок Ангаси-Елга [Окладников, 1975; Конопацкий, 1982]. Они характеризуются кварцевым и кварцитовым субстратом, следами коррозии на артефактах, архаичными формами – дисковидными нуклеусами мустьерского типа, чоппингами, чопперами, массивными скреблами, подтреугольными остроконечниками. Однако существует мнение, что техноморфология этих ансамблей, приведенная в литературе, неоднозначна и сомнительна [Стратиграфия..., 1990; Медведев и др., 2015].

Как видно из представленного краткого обзора, донеолитические ансамбли Байкала отличаются крайне неравномерное территориальное распространение. Как наименее обследованную в этом отношении можно выделить юго-восточную часть озера. Здесь до последнего времени были открыты и исследованы только голоценовые объекты: стоянки, расположенные в пределах Кругобайкальской железной дороги, и ансамбль Шаманского мыса [Бердникова, 2003]. На этом фоне особый интерес представляют раскопки бескерамических комплексов на этой территории, одним из которых является не так давно выявленное местонахождение Шаманка 8. Целью настоящей работы является ввод в научный оборот сведений об этом объекте, обсуждение его возраста и особенностей индустрии.

Общие сведения

Шаманский мыс находится в юго-западной части оз. Байкал, в 4 км на северо-северо-запад от пос. Слюдянка. В геоморфологическом отношении он является крайней частью высокой водораздельной поверхности между долинами рек Талая и Похабиха, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад. Сам мыс представляет собой цепь из трех холмов, располагающихся на правом приустьевом участке р. Талая. Южные склоны первых двух холмов круто обрываются к воде, северные – полого понижаются в сторону Култукского залива. Формально мысом можно считать только первый холм с высотой 7–8 м от уреза воды – останец, резко выступающий в акваторию озера и отделенный от второго холма размываемым перешейком. Однако, так как левый приустьевой участок р. Талой на сегодняшний день затоплен в результате поднятия уровня озера после строительства плотины Иркутской ГЭС, к территории мыса также относят второй и третий холмы, разделенные ныне уничтоженным Кругоморским трактом. Второй холм имеет гипсометрические отметки 28–30 м над урезом Байкала, третий – 35–40 м. Весь комплекс холмов Шаманского мыса отделяется от остальной цепи возвышенностей Кругобайкальской железной дорогой, «прорезающей» четвертый холм.

Холмы Шаманского мыса сложены скальными породами (гнейсо-граниты, доломитовые и кварцитовые мрамора), которые перекрыты рыхлыми отложениями четвертичного возраста. Последние практически повсеместно имеют малую мощность (до 0,5–0,7 м) и компрессионный характер, за исключением некоторых участков первого холма, который находится в зоне активного эолового переноса рыхлого материала с береговой линии. Обобщенное описание разрезов выглядит следующим образом: (а) гумусо-аккумулятивный горизонт и подстилающие светло-серые гумусированные суглинки, представляющие собой отложения позднего голоцена; (б) ярко-бурый средний суглинок среднеголоценового возраста; (в) буровато-желтый легкий суглинок, опесчаненный и обогащенный в подошве дресвой; (г) отложения цоколя, представленные либо скальным массивом, либо разрушенными мраморами элювиального генезиса.

Рис. 1. Карта археологических объектов Шаманского мыса на оз. Байкал
Fig. 1. The location of archaeological sites of the Shaman cape on Baikal Lake

Первые свидетельства о находках на этой территории относятся предположительно еще к концу XIX в. [Медведев и др., 2015]. На сегодняшний день археологический ансамбль Шаманского мыса включает в себя несколько местонахождений с названием одноименного топонима и разными порядковыми номерами (рис. 1). Это могильники с локальными стоячными участками Шаманка 2 и Шаманка 3 (юго-западный склон второго холма), стоянки Шаманка 1 (первый холм – останец) и Шаманка 8 (третий холм). Если Шаманка 1 по орудиному набору датируется эпохой позднего неолита – ранней бронзы, то некрополи включают в себя погребальные комплексы раннего неолита, раннего бронзового века, раннего железного века, ритуальные объекты, локальные пятна культурного слоя, причем погребения раннего неолита с китойской традицией доминируют в количественном отношении (см. [Свинин, 1971; Тиваненко, 1979; Туркин, Харинский, 2004; Базалийский и др., 2006; 2021] и др.). Остальные объекты, выделенные в свое время в рамках охранных мероприятий, либо

не имеют статуса реально существующих, либо уже объединены с упомянутыми комплексами.

Материалы исследования

Стояночный бескерамический комплекс Шаманка 8 был открыт В. И. Базалийским в ходе плановых работ по исследованию ансамбля Шаманского мыса в 2012 г. В седловине между вершинами третьего холма было заложено два шурфа общей площадью 8 кв. м, один из которых показал наличие археологического материала. Коллекция ($n = 31$) была представлена исключительно каменными артефактами из кварца, единичными предметами из туфоаргиллита и кварцита. В 2022 г. рекогносцировочные работы были продолжены Слюдянским отрядом ООО НПО «Экспертиза» в составе В. И. Базалийского, А. М. Кузнецова, Д. Н. Молчанова. Три шурфа исследовано 12 кв. м площади. Археологический материал ($n = 24$), по облику аналогичный находкам 2012 г., был зафиксирован в той же стратиграфической ситуации в шурфах № 1 и 2. В результате были уточнены границы распространения культуросодержащего горизонта, стратиграфическая ситуация, сделан отбор проб грунта, высотная съемка местности.

Археологический материал залегает в буровато-коричневых легких неслоистых суглинках на глубине около 0,25–0,3 м. Культуросодержащий горизонт в подошве насыщен продуктами разрушения мраморного цоколя. Сверху он перекрыт ярко-бурыми суглинками, предварительно датированными атлантическим оптимумом (АТ). Четкой границы перехода от плейстоцена к голоцену, выраженной стратиграфически (карбонаты) или геохимически (зона вскипания HCl), в разрезе не фиксируется. Горизонт залегания находок достаточно ровный, без резких перепадов высотных отметок. Кострищ или следов конструкций не обнаружено.

Совокупная коллекция находок 2012 и 2022 гг. на Шаманке 8 составляет 55 артефактов из камня. Сырьевая база представлена белым, молочным, льдистым, дымчатым кварцем (85 %), микрокварцитом (4 %), туфоаргиллитом (5 %), горнблендит-пироксенитом (5 %), песчаником (2 %). Кварц разнится по внутреннему строению – от неявно выраженной зернистости до разной степени однородности и прозрачности трещиноватой структуры. Тем не менее четкую границу между этими группами провести трудно, что объясняется жильным генезисом сырья, когда в пределах одной жилы могут фиксироваться значительные изменения в структуре и цветности [Васильев и др., 1981].

При анализе материалов комплекса сырьевая специфика отразилась на методах исследования. Орудийный инвентарь был идентифицирован и описан в рамках стандартной процедуры типологического анализа, однако выделенные типы скорее предлагаются к рассмотрению, так как высокая отражательная способность кварца и его зернистость препятствуют идентификации оформляющей / утилизационной ретуши и негативов мелких сколов. Для исследования продуктов и техники расщепления, кроме морфометрических процедур, был использован анализ механики разрушения (*fracture analysis*), специально разработанный для изучения кварцевых комплексов [Rankama, 2002; Tallavaara et al., 2010]. В его основе лежат экспериментальные данные, свидетельствующие о наличии определенных шаблонов фрагментации кварцевого сырья.

Результаты исследования

Общий технологический облик индустрии Шаманки 8 определяется артефактами из кварца вследствие того, что они составляют подавляющее большинство коллекции. Треть из них (34 %) несет следы галечной корки. Морфология кварцевых сколов характеризуется объемными, непластинчатыми формами (рис. 2). По размерам основная часть (64 %) представлена мелкими обломками с линейными размерами менее 3 см. В числе типологически определимых орудий из кварца можно предложить следующие формы: концевой (ногтевидный) скре-

бок из фрагмента трехгранной в сечении пластины (рис. 3, 2), ножевидное орудие из отщеп (рис. 3, 4), скребок высокой формы из обломка гальки (рис. 3, 3), скребок из фрагмента крупного, треугольного в плане скола (рис. 3, 1). Нуклеусы представлены двумя вариантами: с продольным (рис. 4, 5–7) и поперечным (рис. 4, 4) снятием заготовок. Первые – подтреугольные в поперечном сечении, вытянутые формы с негативами снятий пластинок (6 ед.), вторые – низкофронтальные варианты с разнонаправленными снятиями коротких отщепов (5 ед.). В единственном экземпляре зафиксирован нуклеус для снятия пластинок со скошенной к контрфронту подготовленной площадкой и негативом снятия (рис. 4, 3). Среди дебитажа можно выделить серию прямоугольных фрагментированных сколов с выраженным продольным изломом (сколы типа сире) (рис. 4, 1, 2). Если ориентироваться на схемы фрагментации кварца при расщеплении (см. рис. 4), кварцевый инвентарь Шаманки 8 совпадает с вариантами А, В и С.

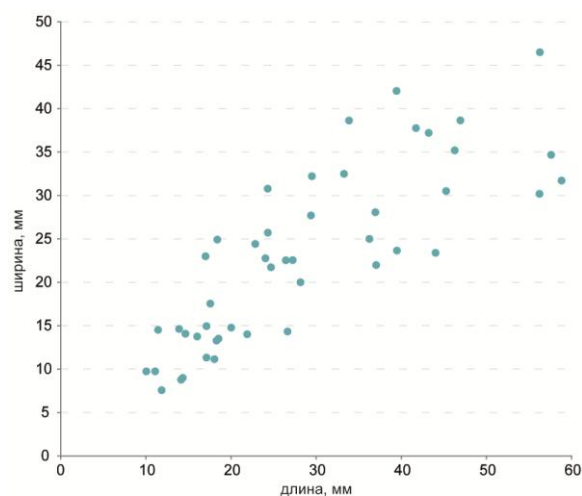

Рис. 2. Метрические параметры кварцевых сколов стоянки Шаманка 8
Fig. 2. Metric parameters of quartz flakes from the Shamanka 8 site

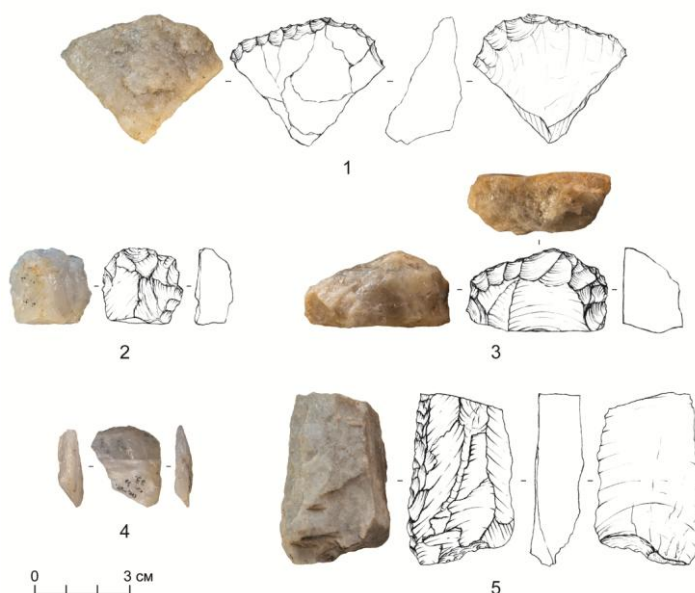

Рис. 3. Каменные орудия стоянки Шаманка 8: 1–3 – скребки; 4 – ножевидное орудие; 5 – унифас
Fig. 3. Lithic tools of the Shamanka 8 site: 1–3 – scrapers; 4 – knife-like tool; 5 – uniface

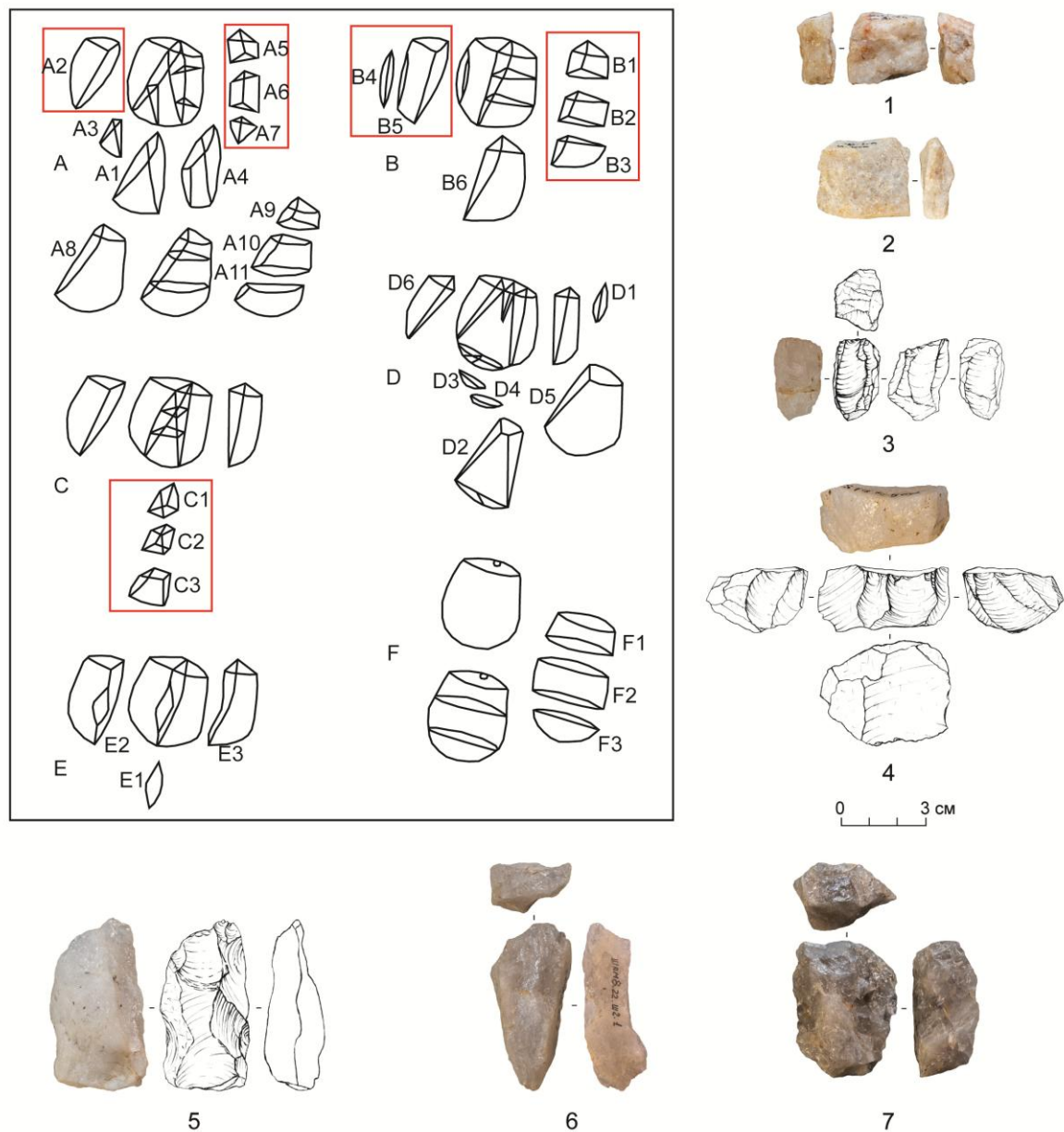

Рис. 4. Схемы фрагментации кварца (по: [Rankama, 2002, p. 82, fig. 2; Tallavaara, et al., 2010, p. 2443, fig. 1]) с выделенными вариантами, которые встречены на Шаманке 8. Кварцевая индустрия стоянки Шаманка 8: 1, 2 – сколы с продольным изломом; 3–7 – нуклеусы

Fig. 4. Exploded views of quartz fragment types (from: [Rankama, 2002, p. 82, fig. 2; Tallavaara, et al., 2010, p. 2443, fig. 1]) with highlighting types of Shamanka 8. Quartz industry of Shamanka 8: 1, 2 – Siret flakes; 3–7 – cores

Немногочисленная некварцевая часть коллекции состоит из двух фрагментов колотой гальки, двух обломков сколов, фрагмента горнблендита, сколов из микрокварцита и песчаника. Примеры кварцевых комплексов из других регионов Евразии говорят о том, что артефакты из некварцевого сырья в среднем тоньше, чем кварцевые изделия, что объясняется технологической адаптацией к высокой фрагментации кварца [Tallavaara et al., 2010]. В случае Шаманки 8 этого не наблюдается. Единственный скол из микрокварцита со следами вто-

ричной обработки (рис. 3, 5), который можно интерпретировать как унифас из крупной пластины, по толщине сопоставим с кварцевыми снятиями.

Зафиксированная на основе вскрытых площадей (20 кв. м) ситуация пространственного залегания материала свидетельствует о кратковременных производственных операциях полного цикла литорасщепления, направленных на получение сколов-заготовок и орудий. Это косвенно подтверждается составом коллекции, включающей как нуклеусы, так и орудия, процентом сколов с галечной коркой, наличием небольшого скопления ($n = 21$) в шурфе 2012 г., а также общим весом артефактов из кварца. Последний составляет 621 г, что соответствует, для сравнения, весу одной крупной гальки. Обращает на себя внимание полное отсутствие палеофауны. Кость как материал должна сохраняться в отложениях Шаманского мыса, что очевидно на примере могильников Шаманка 2 и 3 (второй холм). Соответственно, ее отсутствие на Шаманке 8 можно трактовать либо как свидетельство кратковременности осуществлявшихся на стоянке производственных операций, либо как следствие уникальных геохимических свойств рыхлых отложений на третьем холме.

Обсуждение

Главный вопрос, связанный с индустрией Шаманки 8, – это возрастные и культурные характеристики комплекса. На современном этапе исследования из-за отсутствия костного материала невозможно получить прямые радиоуглеродные датировки. Стратиграфическая позиция находок позволяет исключить варианты средне-позднеголоценового возраста, т. е. самые «молодые» датировки могут быть связаны с переходом от раннего к среднему голоцену, а самые «древние» – с широким донеолитическим позднеплейстоценовым диапазоном.

Основной датирующий элемент связан с технико-типологическими характеристиками каменной индустрии. Кварцевые индустрии, как правило, обладают низкой типологической вариативностью вследствие применения строго ограниченного набора приемов расщепления, которые включают в себя в первую очередь прямой удар твердым отбойником и биполярную технику (расщепление на наковальне) [de Lombera-Hermida, Rodríguez-Rella, 2016], что является следствием физических особенностей кварца: зернистой структуры, в том числе скрытой; наличием внутренней трещиноватости; анизотропности кристаллов. Коллекция Шаманки 8 подтверждает эти наблюдения – здесь зафиксирована характерная фрагментация сколов, продольный излом (сколы типа сире), ориентация на продольные снятия с массивными талонами. Однако имеющиеся типологически выраженные формы, несмотря на свою немногочисленность, позволяют предварительно провести некоторые аналогии с другими кварцевыми компонентами бескерамических комплексов региона.

Прежде всего прослеживается некоторое сходство форм с инвентарем 2-го культурного горизонта многослойного местонахождения Курла I на Северном Байкале – кварцевый нуклеус, скребок высокой формы, ножевидное орудие [Молчанов и др., 2019, с. 11, рис. 5.6; с. 15, рис. 9.3]. Концевой ногтевидный скребок с округлым лезвием аналогичен предмету из кварца со стоянки Нириякан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) [Тетенькин, 2021, с. 6, рис. 6]. Оба упомянутых комплекса датируются финально-сартанским временем (ок. 13,5 тыс. некал. л. н.) – интерстадиалом Бёллинг-Аллерёд, который характеризуется потеплением и гумидизацией климата [Воробьева, 2010]. Подобной оценке возраста Шаманки 8 не противоречит и единственное некварцевое орудие – унифас из микрокварцита с дорсальной ретушью и прямым рабочим краем из крупной пластины, который имеет определенное сходство в технике исполнения и характере заготовки с ножами из местонахождения Верхолесенская Гора I с датами около 12 тыс. некал. л. н. [Аксенов, 1980; Стратиграфия..., 1990; Когай, 2007]. Позицию стоянки на высоких гипсометрических отметках (около 30 м над урезом воды) в таком случае можно объяснить высоким уровнем Байкала в период термохрона.

Другая трактовка возраста Шаманки 8 связана с голоценовым временем. В этом случае безусловна связь стоянки с ранне-неолитическим китойским компонентом могильника Ша-

манка 2. Специфика комплекса в этой интерпретации может иметь культовые черты, учитывая примеры неолитических и этнографических обществ, где кварц играл важную роль в ритуальной практике [de Lombera-Hermida, Rodríguez-Rella, 2016]. Однако здесь можно найти несоответствие в составе погребального инвентаря, т. е. в китойских погребениях Шаманки 2 практически отсутствуют изделия из кварца. Тем не менее, учитывая невозможность восстановить погребальный обряд и связанные с ним символические действия, категорически отрицать вероятность раннеголоценовых датировок на современном этапе исследований не стоит.

Еще одна возможная датировка Шаманки 8 гипотетически связана с индустриями «кварцевого палеолита» побережья Байкала, но значительные отличия в технологии и типологии этих ансамблей от шаманских материалов и отсутствие датировок для сравнения комплексов делают эту версию маловероятной.

Заключение

Археологические исследования на Шаманском мысе оз. Байкал показывают, что эта морфоскульптура привлекала внимание человека уже в эпоху раннего неолита, начиная с 7 тыс. л. н. Открытие каменного ансамбля Шаманки 8, судя по результатам технико-типологического анализа, удревяняет этот возраст до 13–14 тысячелетия. Причиной такой концентрации разновременных стоянок именно на Шаманском мысе может быть его положение в рельефе юго-западного Байкала. Он располагается на пологом участке побережья, с двух сторон ограниченном горными хребтами, вплотную подступающими к озеру. Кроме того, отсюда к западу начинается коридор Тункинской долины, освоение которой относится как минимум к раннему этапу верхнепалеолитического времени [Kozurev et al., 2014; Shchetnikov et al., 2019].

Статус Шаманки 8 как единичного форпоста финальносартанской культуры на Южном Байкале как в географическом, так и в хронологическом отношении, по мнению авторов, связан скорее не с культурно-историческими факторами, а со степенью исследованности этой территории. На сегодняшний день на всем протяжении побережья Байкала от пос. Култук до г. Байкальск (около 40 км) неизвестно ни одного археологического местонахождения, кроме Шаманского ансамбля. Причиной этого является как эпизодический пунктирный характер проводимых рекогносцировочных исследований, так и колебания уровня Байкала в позднелепестовое и голоценовое время. Фактические подтверждения освоения древним человеком Южного Байкала в палеолитическую эпоху в виде остатков мегафауны со следами утилизации периодически находят по долинам рек и в прибрежных водах озера [Бердникова, 2003; Снопков, Хобта, 2018].

Дальнейшие изыскания на Шаманке 8 должны быть направлены на решение проблемы возраста комплекса, его производственной и адаптационной специфики. Один из важных вопросов связан с сырьевой спецификой индустрии: чем обусловлено использование кварца – вотивными или практическими нуждами? Расширение коллекции артефактов и уточнение пространственной структуры стоянки в будущем могут помочь ответить на этот и другие вопросы.

Список литературы

- Аксенов М. П.** Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской Горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1980. Вып. 2: Памятники Иркутского района. С. 45–93.
- Базалийский В. И., Ливерс А. Р., Хаверкорт К. М., Пежемский Д. В., Тютрин А. А., Туркин Г. В., Вебер А. В.** Ранненеолитический комплекс погребений могильника Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) // Изв. лаборатории древних технологий. 2006. Т. 4. С. 80–103.

- Базалийский В. И., Тютрин А. А., Вебер А. В.** Морфологический анализ зубчатых остриев из ранненеолитических комплексов могильника Шаманка II // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. № 35. С. 17–51. DOI 10.26516/2227-2380.2021.35.17.
- Бердникова Н. Е.** Археологическое наследие КБЖД // Земля иркутская. 2003. № 2–3. С. 43–46.
- Васильев Е. П., Резницкий Л. З., Вишняков В. Н., Некрасова Е. А.** Слюдянский кристаллический комплекс. Новосибирск: Наука, 1981. 198 с.
- Воробьева Г. А.** Почва как летопись природных событий Прибайкалья (проблемы эволюции и классификации почв). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2010. 205 с.
- Горюнова О. И., Новиков А. Г.** Радиоуглеродные даты комплексов раннего голоцена Приольхонья (озеро Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. № 23. С. 75–78.
- Когай С. А.** О возрасте, стратиграфии и планиграфии техноморфологического ансамбля Верхоленской Горы // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М. М. Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. Т. 1. С. 290–296.
- Конопацкий А. К.** Древние культуры Байкала. Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.
- Медведев Г. И., Бердникова Н. Е., Горюнова О. И., Липнина Е. А., Новиков А. Г., Бердников И. М.** Геоархеологическое байкаловедение: становление, современное состояние, специфика // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. № 11. С. 3–38.
- Молчанов Г. Н., Молчанов Д. Н., Липина Е. А.** Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла I на Северном Байкале // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. № 28. С. 3–37. DOI 10.26516/2227-2380.2019.28.3
- Новиков А. Г., Горюнова О. И.** Новый взгляд на комплексы раннего голоцена побережья Байкала: пересмотр стратиграфического анализа и радиоуглеродного датирования объекта Саган-Нугэ // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 58–81.
- Новиков А. Г., Новосельцева В. М., Клементьев А. М.** Новые многослойные стоянки в бухте Ая на Байкале (по материалам раскопок 2014 г.) // Изв. ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 3–22.
- Окладников А. П.** К изучению древнейших следов деятельности человека на озере Байкал: «Кварцевый палеолит» // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 11–21.
- Свинин В. В.** Энеолитический памятник на Шаманском мысу (Южный Байкал) // Учен. зап. ВСОГО СССР / Иркут. обл. музей краеведения. Иркутск, 1971. Вып. 4, ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 45–55.
- Снопков С. В., Хобта А. В.** Култук. Историческая хроника от глубины веков до начала XX века. Иркутск: Репроцентр А1, 2018. 233 с.
- Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII Конгрессу ИНКВА (КНР, 1991) / Отв. ред. Г. И. Медведев, Н. А. Савельев, В. В. Свинин.** Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. 165 с.
- Тетенькин А. В.** Новый палеолитический комплекс местонахождения Нирикан I на р. Мама (Байкало-Патомское нагорье) // Изв. лаборатории древних технологий. 2021. Т. 3 (40). С. 9–21. DOI 10.21285/2415-8739-2021-3-9-21
- Тетенькин А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М.** Новое археологическое местонахождение эпохи каменного века Балтаханова V (Северный Байкал) // Изв. лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15 (1). С. 46–63. DOI 10.21285/2415-8739-2019-1-46-63.

- Тиваненко А. В.** Новый энеолитический могильник на берегах Байкала // Краеведение Бурятии. Улан-Удэ, 1979. С. 181–188.
- Туркин Г. В., Харинский А. В.** Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Изв. лаборатории древних технологий. 2004. Т. 2. С. 124–158.
- Хлобыстин Л. П.** Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. М., Л.: Наука, 1965. Т. 5. С. 252–279.
- Шмыгун П. Е.** Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. М., 1981. С. 120–128.
- Lombera-Hermida A. de, Rodríguez-Rellán C.** Quartzes matter. Understanding the technological and behavioural complexity in quartz lithic assemblages // Quaternary International. 2016. Vol. 424. P. 2–11. DOI 10.1016/j.quaint.2016.11.039
- Kozyrev A., Shchetnikov A., Klemenov A., Filinov I. A., Fedorenko A., White D.** The early upper palaeolithic of the Tunka rift valley, lake Baikal region, Siberia // Quaternary International. 2014, Vol. 348. P. 4–13. DOI 10.1016/j.quaint.2014.06.012
- Rankama T.** Analyses of the quartz assemblages of houses 34 and 35 at Kauvonkangas in Tervola // Huts and Houses. Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Helsinki: National Board of Antiquities, 2002. P. 79–108.
- Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Ivanova V. V., Danukalova G. A., Filinov I. A., Khenzykhenova F. I., Osipova E. M., Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Rogovskoi E. O., Lipnina E. A., Vorobyeva G. A.** Upper Paleolithic site Tuyana – a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region // Quaternary International. 2019. Vol. 534. P. 138–157. DOI 10.1016/j.quaint.2019.02.043
- Tallavaara M., Manninen M. A., Hertell E., Rankama T.** How flakes shatter: A critical evaluation of quartz fracture analysis // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37. P. 2442–2448. DOI 10.1016/j.jas.2010.05.005

References

- Aksenov M. P.** Arkheologicheskaya stratigrafiya i posloinoe opisanie inventarya Verkholskoi Gory I [Archaeological stratigraphy and layer-by-layer description of the inventory of Verkholskaya Gora I]. In: Mezolit Verkhnego Priangar'ya [Mesolithic of Upper Angara]. Irkutsk, ISU Press, 1980, vol. 2, pp. 45–93. (in Russ.)
- Bazalysky V. I., Livers A. R., Khaverkort K. M., Pezhemsky D. V., Tyutrin A. A., Turkin G. V., Veber A. V.** Ranneneoliticheskii kompleks pogrebenii mogil'nika Shamanka II (po materialam raskopok 1998–2003 gg.) [Early Neolithic burials of Shamanka II (based on materials of excavations in 1998–2003)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2006, vol. 4, pp. 80–103. (in Russ.)
- Bazalysky V. I., Tyutrin A. A., Veber A. V.** Morfologicheskii analiz zubchatykh ostriev iz ranneneoliticheskikh kompleksov mogil'nika Shamanka II [Morphological analysis of the bone serrated points from Early Neolithic complexes of Shamanka 2 Burial Ground]. *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology], 2021, vol. 35, pp. 17–51. (in Russ.) DOI 10.26516/2227-2380.2021.35.17
- Berdnikova N. E.** Arkheologicheskoe nasledie KBZhD [Archaeological heritage of the Circum-Baikal railway]. *Zemlya irkutskaya* [Irkutsk Ground], 2003, no. 2–3, pp. 43–46. (in Russ.)
- Goryunova O. I., Novikov A. G.** Radiouglerodnye daty kompleksov rannego golotsena Priol'khon'ya (ozero Baikal) [Radiocarbon dates of the Early Holocene complexes in the Olkhon Region (Lake Baikal)]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh

- territorii [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and neighboring territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, vol. 23, pp. 75–78. (in Russ.)
- Khlobystin L. P.** Drevneishie pamyatniki Baikala [The oldest sites of Baikal]. In: Paleolit i neolit SSSR [Paleolithic and Neolithic of USSR]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, vol. 5, pp. 252–279. (in Russ.)
- Kogai S. A.** O vozraste, stratigrafii i planigrafii tekhnomorfologicheskogo ansamblya Verkholskoi Gory [Dating, stratigraphy and spatial distribution of technomorphological assemblage of Verkholskaia Gora Site]. In: Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya [North Asia in Anthropogenic: the man, paleotechnology, geoecology, ethnology and anthropology]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, vol. 1, pp. 290–296. (in Russ.)
- Konopatsky A. K.** Drevnie kul'tury Baikala [Ancient cultures of Baikal]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 176 p. (in Russ.)
- Kozyrev A., Shchetnikov A., Klemenov I. A., Filinov I. A., Fedorenko A., White D.** The early upper palaeolithic of the Tunka rift valley, lake Baikal region, Siberia. *Quaternary International*, 2014, vol. 348, pp. 4–13. DOI 10.1016/j.quaint.2014.06.012
- Lombera-Hermida A. de, Rodríguez-Rellán C.** Quartzes matter. Understanding the technological and behavioural complexity in quartz lithic assemblages. *Quaternary International*, 2016, vol. 424, pp. 2–11. DOI 10.1016/j.quaint.2016.11.039
- Medvedev G. I., Berdnikova N. E., Goryunova O. I., Lipnina E. A., Novikov A. G., Berdnikov I. M.** Geoarkheologicheskoe baikalovedenie: stanovlenie, sovremennoe sostoyanie, spetsifika [Geoarchaeological Baikal study: formation, current status, specificity]. *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology], 2015, vol. 11, pp. 3–38. (in Russ.)
- Medvedev G. I., Saveliev N. A., Svinin V. V.** (eds.). Stratigrafiya, paleogeografiya i arkhologiya yuga Srednei Sibiri: K XIII Kongressu INKVA (KNR, 1991) [Stratigraphy, paleogeography and archaeology of South of Middle Siberia: XIII INQUA]. Irkutsk, ISU Press, 1990, 165 p. (in Russ.)
- Molchanov G. N., Molchanov D. N., Lipina E. A.** Tekhnomorfologicheskii analiz kamennoi i kostyanoi industrii iz kul'turosoderzhashchego gorizonta 2 mnogoslonoogo mestonakhzhdeniya Kurla I na Severnom Baikale [Techno-morphological analysis of the stone and bone industry from the 2nd cultural layer of Kurla 1 multilayered site (Northern Baikal)]. *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology], 2019, vol. 28, pp. 3–37. (in Russ.) DOI: 10.26516/2227-2380.2019.28.3.
- Novikov A. G., Goryunova O. I.** Novyi vzglyad na komplekсы раннего голоцена побережья Байкала: пересмотр стратиграфического анализа и радиуглеродного датирования объекта Саян-Нуге [New look at the Early Holocene complexes of the Lake Baikal coast: a revision of the stratigraphic analysis and radiocarbon dating of the Sagan-Nouge site]. *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology], 2017, vol. 19, pp. 58–81. (in Russ.)
- Novikov A. G., Novoseltseva V. M., Klementiev A. M.** Novye mnogoslonoie stoyanki v bukhte Aya na Baikale (po materialam raskopok 2014 g.) [New multilayer sites in the Aya Bay of the Lake Baikal (based on excavations of 2014)]. *Izvestiya IGU. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology], 2016, vol. 15, pp. 3–22. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** K izucheniyu drevneishikh sledov deyatel'nosti cheloveka na ozere Baikal: “Kvartsevyi paleolit” [The study of the most ancient evidences of human activity on Lake Baikal]. In: Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii [Archaeology of North and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1975, pp. 11–21. (in Russ.)

- Rankama T.** Analyses of the quartz assemblages of houses 34 and 35 at Kauvonkangas in Tervola. In: Huts and Houses. Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Helsinki, National Board of Antiquities, 2002, pp. 79–108.
- Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Matasova G. G., Kazansky A. Yu., Ivanova V. V., Danukalova G. A., Filinov I. A., Khenzykhenova F. I., Osipova E. M., Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Rogovskoi E. O., Lipnina E. A., Vorobyeva G. A.** Upper Paleolithic site Tuyana – a multi-proxy record of sedimentation and environmental history during the Late Pleistocene and Holocene in the Tunka rift valley, Baikal region. *Quaternary International*, 2019, vol. 534, pp. 138–157. DOI 10.1016/j.quaint.2019.02.043
- Shmygun P. E.** Dokeramicheskie komplekсы iz chetvertichnykh otlozhenii Severnogo Baikala [Pre-ceramic assemblages from quaternary deposits in North Baikal]. In: Rel'ef i chetvertichnye otlozheniya Stanovogo nagor'ya [Relief and quaternary deposits of Stanovyi highland]. Moscow, 1981, pp. 120–128. (in Russ.)
- Snopkov S. V., Khobta A. V.** Kultuk. Istoricheskaya khronika ot glubiny vekov do nachala XX veka [Kultuk. Historical chronicle from ancient times to the beginning of 20th century]. Irkutsk, "Reprintsentr A1" Publ., 2018, 233 p. (in Russ.)
- Svinin V. V.** Eneoliticheskii pamyatnik na Shamanskom mysu (Yuzhnyi Baikal) [Eneolithic site on Shamanskii mys (South Baikal)]. In: Uchen. zap. VSOGO SSSR / Irkut. obl. muzei kraevedeniya [Scientific notes. East Siberian branch of Geographic Society, Irkutsk region, museum of local history]. Irkutsk, 1971, vol. 4, pt. 1, pp. 45–55. (in Russ.)
- Tallavaara M., Manninen M. A., Hertell E., Rankama T.** How flakes shatter: A critical evaluation of quartz fracture analysis. *Journal of Archaeological Science*, 2010, vol. 37, pp. 2442–2448. DOI 10.1016/j.jas.2010.05.005
- Tetenkin A. V.** Novy paleoliticheskii kompleks mestonakhozhdeniya Nirikan I na r. Mama (Baikal-Patomskoe nagor'e) [New Paleolithic component of the Nirikan I site on Mama River (Baikal-Patom Upland)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2021, vol. 3 (40), pp. 9–21. (in Russ.) DOI 10.21285/2415-8739-2021-3-9-21
- Tetenkin A. V., Kichigin D. E., Korostelev A. M.** Novoe arkheologicheskoe mestonakhozhdenie epokhi kamennogo veka Baltakhanova V (Severnnyi Baikal) [New Stone Age site Baltakhanova V (Northern Baikal)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2019, vol. 15 (1), pp. 46–63. (in Russ.) DOI 10.21285/2415-8739-2019-1-46-63.
- Tivanenko A. V.** Novy eneoliticheskii mogil'nik na beregakh Baikala [New Eneolithic site on the shores of Baikal]. In: Kraevedenie Buryatii [Regional studies of Buryatia]. Ulan-Ude, 1979, pp. 181–188. (in Russ.)
- Turkin G. V., Kharinsky A. V.** Mogil'nik Shamanka II: k voprosu o khronologii i kul'turnoi pri-nadlezhnosti pogrebal'nykh kompleksov neolita – bronzovogo veka na Yuzhnom Baikale [Burial ground Shamanka II: The issue of chronology and cultural affiliation of Neolithic and Bronze Age cemeteries in South Baikal]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], 2004, vol. 2, pp. 124–158. (in Russ.)
- Vasiliev E. P., Reznitsky L. Z., Vishnyakov V. N., Nekrasova E. A.** Slyudyanskii kristallicheskii kompleks [The Slyudyanka crystalline complex]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 198 p. (in Russ.)
- Vorobieva G. A.** Pochva kak letopis' prirodnykh sobytii Pribaikal'ya (problemy evolyutsii i klassifikatsii pochv) [Soil as a record of natural events in the Cis-Baikal (problems of the evolution and classification of soil)]. Irkutsk, ISU Press, 2010, 205 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Алексей Михайлович Кузнецов, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Scopus Author ID 57201059953
WoS Researcher ID A-7471-2019
RSCI Author ID 822171
SPIN 9867-1560

Дмитрий Николаевич Молчанов, научный сотрудник

Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID A-7554-2019
RSCI Author ID 988329
SPIN 4068-5393

Владимир Иванович Базалийский, научный сотрудник

Scopus Author ID 6506515861
WoS Researcher ID K-9972-2017
RSCI Author ID 133648
SPIN 5189-7009

Мария Евгеньевна Абрашина, стажер-исследователь

Scopus Author ID 57980995400
WoS Researcher ID A-7797-2019
RSCI Author ID 928749
SPIN 1303-0552

Information about the Authors

Aleksei M. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Researcher

Scopus Author ID 57201059953
WoS Researcher ID A-7471-2019
RSCI Author ID 822171
SPIN 9867-1560

Dmitry N. Molchanov, Researcher

Scopus Author ID 56676168000
WoS Researcher ID A-7554-2019
RSCI Author ID 988329
SPIN 4068-5393

Vladimir I. Bazalysky, Researcher

Scopus Author ID 6506515861
WoS Researcher ID K-9972-2017
RSCI Author ID 133648
SPIN 5189-7009

Mariya E. Abrashina, Research Intern

Scopus Author ID 57980995400
WoS Researcher ID A-7797-2019
RSCI Author ID 928749
SPIN 1303-0552

Вклад авторов:

А. М. Кузнецов – разработка концепции исследования, анализ материала, формулирование выводов, подготовка первой версии статьи.

Д. Н. Молчанов – отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций, доработка текста.

В. И. Базалийский – отбор и анализ материала, доработка текста.

М. Е. Абрашина – отбор и анализ материала, подготовка иллюстраций.

Contribution of the Authors:

Aleksei M. Kuznetsov developed the research methodology and approach, analyzed the material, made conclusions, prepared the first draft of the article.

Dmitry N. Molchanov selected and analyzed material, prepared the illustrations and the final draft of the article.

Vladimir I. Bazalysky selected and analyzed material, prepared the final draft of the article.

Mariya E. Abrashina selected and analyzed material, prepared the illustrations.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 01.06.2023
The article was submitted on 16.01.2023;
approved after reviewing on 03.05.2023; accepted for publication on 01.06.2023*

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-49-65

Функционально-технологический анализ артефактов из «погребения литейщика» могильника Сопка-2

Вячеслав Иванович Молодин¹

Павел Владимирович Волков²

Игорь Альбертович Дураков³

^{1–3} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ priemnaya.molodina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² volkov100@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9303-4565>

³ idurakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Аннотация

Статья посвящена изучению сопроводительного инвентаря из уникального погребения № 282 мастера литейщика из могильника Сопка-2. В захоронении найдена значительная коллекция изделий, включающая тигли, формы, в том числе предназначенные для изготовления кельтов сейминско-турбинского типа, и бронзовый сейминско-турбинский кельт. Выделено три типа изделий: каменные, изготовленные из органических материалов (кость и рог) и керамические.

Определен характер использования орудий и их назначение. Большая часть изделий коллекции использовалась в качестве орудий (литейные формы, долото, абразивы, шпатели, накладки на лук) до того, как они оказались в могиле «литейщика». Часть артефактов являются незавершенными или неиспользованными (литейная воронка, заготовки литейных воронок, наконечники стрел). В коллекции имеются также сломанные и уже непригодные для использования изделия.

Ключевые слова

Западная Сибирь, кротовская культура, бронзолитейное производство, погребение литейщика

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006)

Для цитирования

Молодин В. И., Волков П. В., Дураков И. А. Функционально-технологический анализ артефактов из «погребения литейщика» могильника Сопка-2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 49–65. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-49-65

Functional and Technological Analysis of Artifacts from the “Foundryman’s Burial” of the Sopka-2 Burial Ground

Vyacheslav I. Molodin¹, Pavel V. Volkov²
Igor A. Durakov³

^{1–3} Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ priemnaya.molodina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

² volkov100@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9303-4565>

³ idurakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-9257>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the use-ware study of the accompanying inventory from the unique “foundryman’s burial” burial no. 282 of the Sopka-2 burial ground. A significant tools collection was found in the burial, including crucibles and molds intended for the manufacturing Seima-Turbino celts, as well as bronze Seima-Turbino celt. Three types of artefacts were distinguished: made of stone, organic materials (bone and horn) and ceramic.

As a result of the use-ware analysis, the nature of the use of tools and their purpose have been determined. Most of the collection items had already been used as tools (molds, chisels, abrasives, spatulas, bow linings) before they were put in the “foundryman’s grave”. However, some of the artifacts were unfinished or not used (casting funnel, blanks for them, arrowheads). It should also be noted that there are broken and unusable artefacts in the collection.

Keywords

Western Siberia, Krotovo culture, bronze foundry, foundryman’s burial

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the project “Comprehensive studies of ancient cultures of Siberia and adjacent territories: chronology, technology, adaptation and cultural ties” (FWZG-2022-0006)

For citation

Molodin V. I., Volkov P. V., Durakov I. A. Functional and Technological Analysis of Artifacts from the “Foundryman’s Burial” of the Sopka-2 Burial Ground. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 49–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-49-65

Введение

Погребение литейщика, относящееся к периоду развитой бронзы (кротовская культура), было обнаружено В. И. Молодиным в 1983 г. при раскопках разновременного и разнокультурного памятника, имеющего общее название Сопка-2. Напомним, что памятник расположен в Венгеровском районе Новосибирской области [Молодин, Новиков, 1998], и сегодня все захоронения и ритуальные объекты, исследованные в нем, опубликованы в шести томах, посвященных различным хронологическим периодам, выявленным в памятнике.

Захоронение, о котором пойдет речь, несомненно, принадлежало профессиональному литейщику. Об этом свидетельствует многочисленный и разнообразный инвентарь, предназначенный для производства бронзовых орудий сейминско-турбинского типа. Поражала великолепная сохранность как артефактов, так и антропологического материала.

Погребение получило порядковый номер 282 и было оперативно опубликовано в специализированном сборнике [Молодин, 1983]. Интерес к материалу был таков, что его быстро переиздали отечественные специалисты по бронзолитейному производству сейминско-турбинских бронз Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых в обобщающей монографии, посвященной данной проблематике [Черных, Кузьминых, 1987].

Работая над сводной монографией, посвященной материалам кротовской культуры, обнаруженным на Сопке, В. И. Молодин и А. Е. Гришин еще раз обратились к анализу данного захоронения и опубликовали его уже в контексте исследования могильника кротовской культуры, локализованного на Сопке [Молодин, Гришин, 2016]. Напомним читателю основные параметры этого замечательного комплекса.

Погребение № 282 – грунтовое (рис. 1, 1). Прямоугольная в плане могильная яма ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Размеры ее по верхнему контуру – 180 × 86 см, глубина ямы – 62 см. Дно могилы ровное. Могила незначительно сужается ко дну за счет наклона северо-восточной стенки.

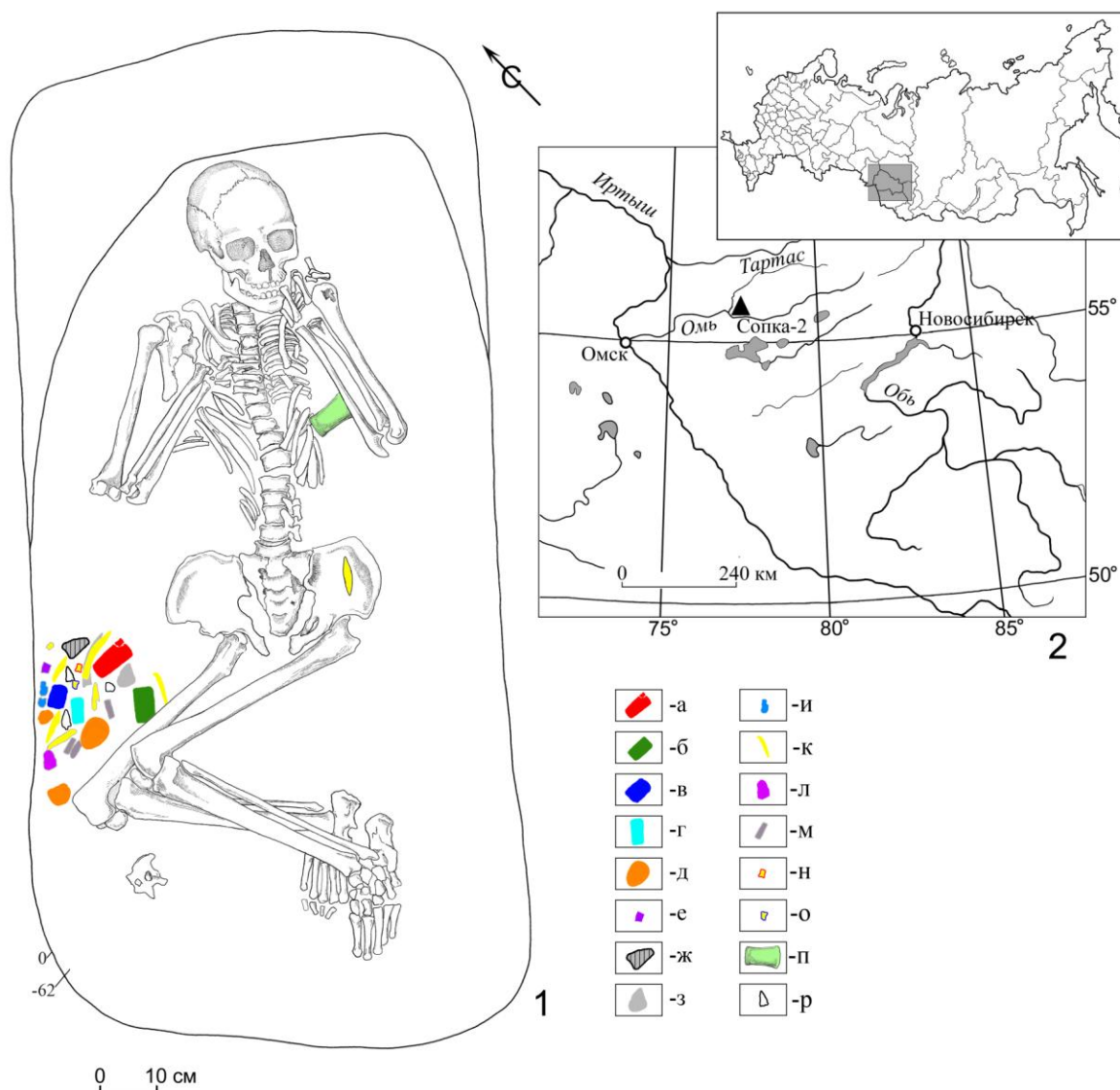

Рис. 1. Погребение № 282. Могильник Сопка-2:

1 – план погребения; 2 – место расположения могильника Сопка-2;

a – двустворчатая каменная форма для отливки кельта; *б* – многокамерная форма из талька; *в* – форма из глины для отливки стержня; *г* – форма из глины для отливки вильчатого стержня; *д* – тигель; *е* – фрагмент каменной формы; *ж* – заготовка для сопла; *з* – терочник; *и* – фрагмент формы из глины; *к* – изделие из кости; *л* – каменное сопло; *м* – абразив; *н* – зуб канисового; *о* – зуб лося; *п* – кельт; *р* – изделия из камня

Fig. 1. Burial no. 282. Sopka-2 burial ground:

1 – burial plan; 2 – location of the Sopka-2 burial ground;

a – double-leaf stone mold for celt casting; *b* – talc multi-chamber form; *v* – clay mold for rod casting; *g* – clay mold for forked rod casting; *d* – crucible; *e* – fragment of a stone mold; *zh* – nozzle blank; *z* – grating; *u* – clay mold fragment; *k* – bone product; *l* – stone nozzle; *m* – abrasive; *n* – canis tooth; *o* – moose tooth; *p* – celt; *p* – stone products

Погребенный мужчина 30–35 лет (*Adultus*) лежал на спине, головой на СВ. Руки его согнуты в локтях так, что кисти находились рядом с лицом. Ноги согнуты, колени направлены вверх. Между левой рукой и левой стороной груди умершего находился бронзовый кельт с шестигранным сечением. На тазовой кости костяной наконечник стрелы. Остальной инвентарь, обнаруженный в могиле, лежал компактным скоплением между правой ногой мужчины и северо-западной стенкой. Часть инвентаря оказалась накрытой коленом правой ноги после того, как кости ног опустились на дно могилы. Вероятно, все эти предметы первоначально находились в какой-то емкости (или в мешке?). Здесь обнаружены два абразива из белого крупнозернистого песчаника, четыре тигля со следами плавки металла, четыре костяные лопатки. Широко представлены литейные формы, среди которых фрагментированная двустворчатая каменная форма для отливки кельта, универсальная литейная форма, формы для отливки вильчатых и простых стержней или втулок, несколько обломков глиняных литейных форм.

Здесь же находились оригинальная каменная воронка, изготовленная из сланца и служившая для разлива металла или нагнетания воздуха (сопло), два сильно сработанных абразива из сланца, три костяные концевые накладки на лук, два каменных и один костяной наконечники стрел. Кроме того, в скоплении обнаружены резцы лошади, лося и зуб собаки, трапециевидный каменный скребок и обработанная плитка крупнозернистого песчаника – абразив [Молодин, Гришин, 2016, рис. 135–139, прилож. 1, табл. 1, 2].

В настоящей работе авторы сконцентрировали внимание на трасологическом анализе серии артефактов из захоронения № 282 кротовского могильника Сопка-2/4Б, В, что позволило в значительно большей полноте представить технологические особенности, характерные для носителей культуры средней бронзы лесостепной части Западной Сибири.

Результаты исследования

Изделия из органических материалов. В изучаемой коллекции из органических материалов выполнено 11 артефактов (рис. 2). Три предмета (№ 3439/12, 3439/13, 3439/14) определены как концевые накладки на лук. Все они в целом сходны по форме и представляют собой изогнутые роговые пластины, завершающиеся опущенными вниз подтреугольными головками с пазом для фиксации тетивы (рис. 2, 1–3).

Три изделия интерпретированы как лопатки – шпатели. Первое (№ 3439/22) изготовлено из подъязычной кости крупного копытного (рис. 2, 4), рабочая часть плоская, ее кончик обломан. Второе изделие (№ 3439/21) выполнено из расколотой трубчатой кости птицы (рис. 2, 5). Третья лопатка (№ 3439/20) сделана из фрагмента заостренной кости крупной птицы с сохранившимся на одном конце эпифизом (рис. 2, 6).

Кроме этого, в коллекцию входят коренной зуб крупной собаки или волка (№ 3439/26) (рис. 2, 7), два резца лошади (№ 3439/23, 3439/24) (рис. 2, 8, 9), зуб лося (№ 3439/25) и костяной наконечник стрелы (№ 3439/27), найденный на тазовой кости погребенного (рис. 2, 11).

Для формообразования вышеописанных артефактов использовался ряд простых, но эффективных технических приёмов: строгание, резьба и скобление ножом, шлифовка и полировка поверхности (табл. 1 и рис. 3). Следы использования этих изделий в качестве орудий выявлены на поверхности шести из них (табл. 2 и рис. 3). Металлический нож употреблялся не только как инструмент строгания или резки каналов на краях артефактов (рис. 3b), но и при скоблении их уплощённых поверхностей (рис. 3e). В процессе формирования изделий шлифовкой активно применялись мелко- и среднезернистые абразивы (рис. 3a), на завершающих этапах изготовления они полировались (рис. 3a).

Следы использования прослежены в виде заглаженности и лёгкой заполировки (рис. 3f) на орудиях, определённых как шпатели для работы с глиной. Характерным признаком износа можно считать следы трения тетивы (рис. 3c) и вязки крепления (рис. 3d) на накладке на лук (№ 3439/13).

Рис. 2. Артефакты из органических материалов:

- 1–3 – концевые накладки лука (№ 3439/12; 3439/13; 3439/14);
 4–6 – костяные лопаточки (№ 3439/20; 3439/21; 3439/22);
 7 – зуб собаки (№ 3439/26);
 8, 9 – зубы лошади (№ 3439/23; 3439/24);
 10 – зуб лося (№ 3439/25);
 11 – костяной наконечник стрелы (№ 3439/27)

Fig. 2. Artifacts from organic materials:
 1–3 – bow end plates (no. 3439/12; 3439/13; 3439/14);
 4–6 – bone spatulas (no. 3439/20; 3439/21; 3439/22);
 7 – dog tooth (no. 3439/26);
 8, 9 – horse teeth (no. 3439/23; 3439/24);
 10 – moose tooth (no. 3439/25);
 11 – bone arrowhead (no. 3439/27)

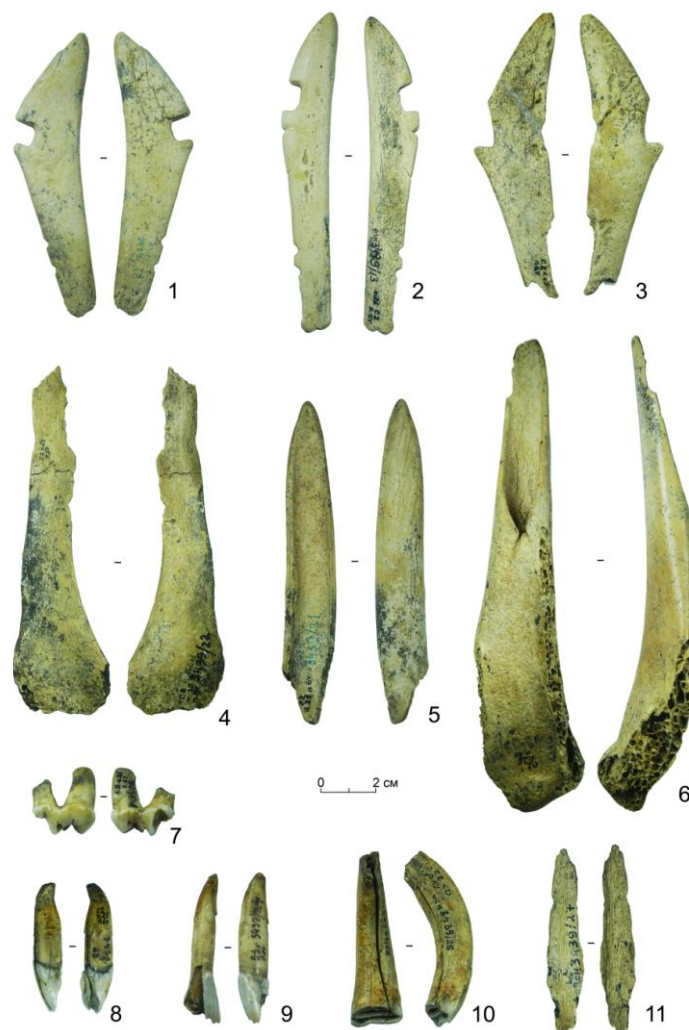

Таблица 1

Использование технических приёмов
при обработке поверхности изделий из органических материалов.

Table 1

The use of techniques
in the surface treatment of products made of organic materials.

Номер артефакта	Строгание	Резьба	Скобление	Шлифовка	Полировка
3439/12	+	+	+	+	+
3439/13	+	+	+	+	+
3439/14	+	+	+	+	+
3439/20				+	+
3439/21			+	+	+
3439/22			+		+
3439/27		+	+	+	+

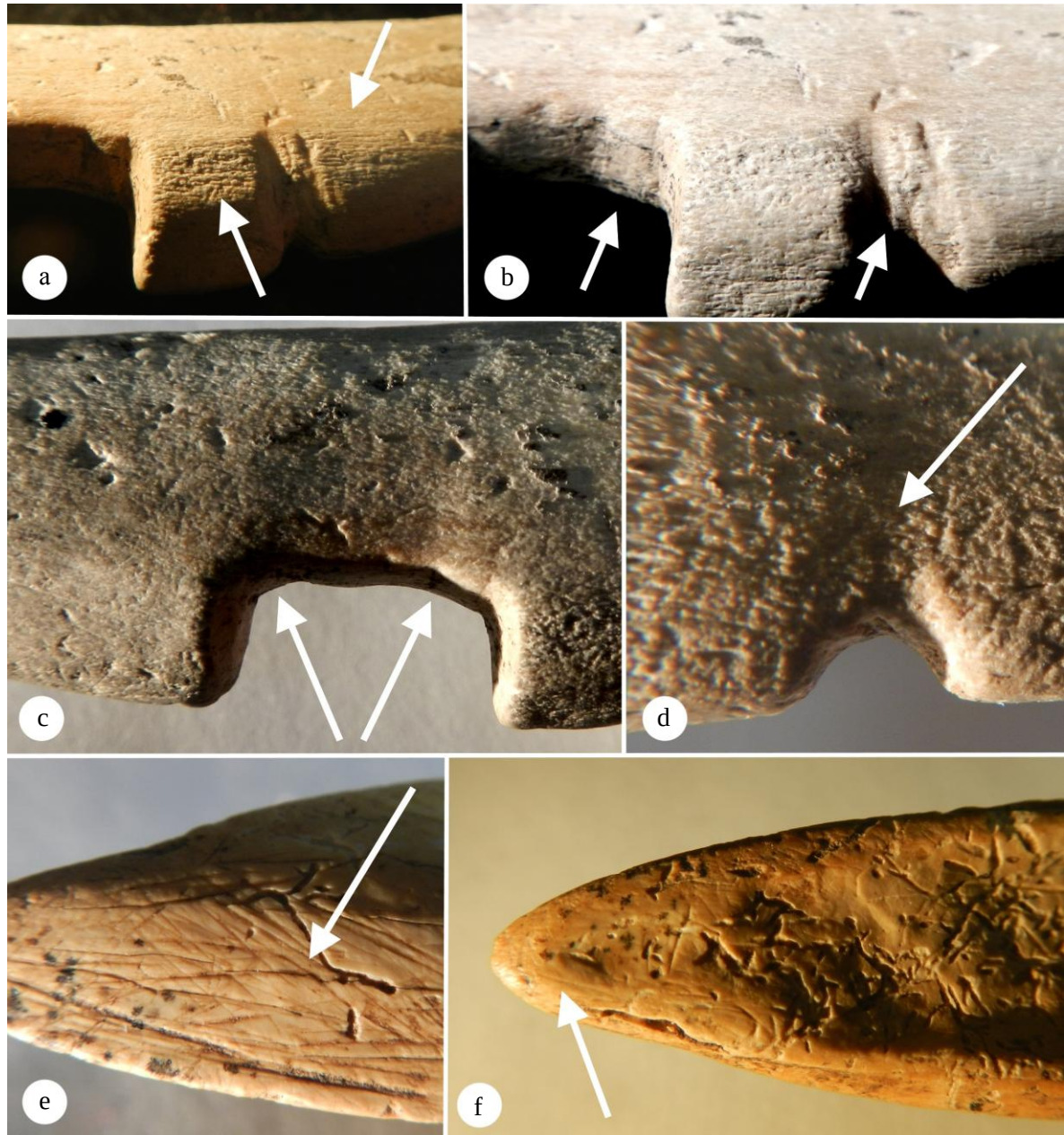

Рис. 3. Микроследы на изделиях из органических материалов.

Следы шлифовки, полировки (а) и резьбы (b) на поверхности концевой накладки лука (№ 3439/13). Границы истертости в результате трения тетивы (c) и вязки крепления (d) на поверхности артефакта (№ 3439/13). Линейные следы (e) и заглаженность (f) на поверхности рабочего участка изделия № 3439/21

Fig. 3. Microtraces on products made of organic materials.

Traces of grinding, polishing (a) and carving (b) on the bow endplate surface (no. 3439/13). The boundaries of wear as a result of friction of the bowstring (c) and knitting of the fastening (d) on the artifact surface (no. 3439/13). Linear traces (e) and smoothness (f) on the surface of the product no. 3439/21 working area.

Изделия из камня представлены коллекцией из 13 предметов. Следы инструментов, использованных для обработки поверхности, выявлены на 12 изделиях (рис. 4, 1–11). На экземпляре с шифром № 3439/5 признаков воздействия на камень не выявлено.

Таблица 2
Функциональное назначение изделий
из органических материалов.

Table 2
Functional purpose of products from organic materials.

Номер артефакта	Накладка на лук	Шпатель
3439/12	+	+
3439/13	+	+
3439/14	+	+
3439/20		+
3439/21		+
3439/22		?

Среди исследованных предметов присутствовали 2 створки литейной формы (№ 3439/1, 3439/2), изготовленной из песчаника и предназначенной для отливки классического кельта сейминско-турбинского типа (рис. 4, 1, 2). Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых относят этот кельт к разряду К-18 [1989, с. 49, рис. 14, 6]. Кроме створок также были обнаружены: фрагмент створки ещё одной формы (№ 3439/11) (рис. 4, 3), а также тальковая мультиформа (№ 3459) для отливки кельта, 2 шилья и нож (рис. 4, 4), Воронка (№ 3344/1) из красноватого сланца (рис. 4, 5), каменный тёрочник (№ 3344/2) (рис. 4, 6), точило (№ 3439/17) (рис. 4, 7), обломок песчаника (№ 3439/8) (рис. 4, 8).

Кроме этого, изучены трапециевидное орудие (№ 3439/15) (рис. 4, 11) и два каменных наконечника стрел. Один из них (№ 3439/19) – подтреугольный с черешковым основанием (рис. 4, 9), второй (№ 3439/18) – с прямым основанием (рис. 4, 10).

В процессе формообразования каменных изделий использовался ряд технических приёмов: строгание, резьба, скобление ножом. Отмечены следы кернения (предположительно ножом) поверхности перед началом сверления цилиндрическим и коническим сверлом, шлифовки и полировки поверхности. Выявлены несколько изделий, полученных в результате расщепления камня (табл. 3 и рис. 4). Следы использования выявлены на поверхности шести артефактов (табл. 4 и рис. 5).

На поверхности каменной воронки (рис. 4, 5) в устьевой зоне выявлены следы формообразования шлифовкой (рис. 5d), целью которой было сужение сырьевой формы. Обработка производилась на среднезернистом абразиве с характерным дискретным («ступенчатым») поворотом изделия вокруг своей длинной оси в процессе его обработки. Изделие сверлилось с двух сторон во встречных направлениях с использованием различающихся формой рабочих краев сверл, работа которых оставила характерные следы скоростного станкового сверления (рис. 5e, 5f) без каких-либо признаков прецессионного колебания инструментов. На боковой поверхности изделия отмечены признаки работы резчика в виде отчетливо выраженных параллельных линий (рис. 5c).

Подготовка к сверлению отмечена на торцовых плоскостях артефакта № 3344/2 (рис. 4, 6). Кернение, предваряющее процесс сверления изделия, выполнено проверткой, в качестве которой мог использоваться нож с рабочим участком на его острие (рис. 5g, 5h).

Тальковая многокамерная форма (№ 3459) (рис. 4, 4) обрабатывалась шлифовкой с использованием средне- и мелкозернистого абразива (рис. 5a, 5b), выскабливанием (рис. 5m), предположительно, металлическим ножом. При формировании углублений орнамента использовались резчики (вероятно, острия ножей) с прямым и криволинейным рабочим ходом (рис. 5n, 5o).

Рис. 4. Каменные изделия:

1, 2 – каменная литейная форма (№ 3439/1, 3439/2); 3 – фрагмент формы (№ 3439/11); 4 – тальковая форма (№ 3459); 5 – каменная воронка (№ 3344/1); 6 – тёрочник (№ 3344/2); 7 – точило (№ 3439/17); 8 – обломок песчаника (№ 3439/8); 9, 10 – каменные наконечники стрел (№ 3439/19; 3439/18); 11 – долото (№ 3439/15)

Fig. 4. Stone products:

1, 2 – stone mold (no. 3439/1, 3439/2); 3 – form fragment (no. 3439/11); 4 – talc form (no. 3459); 5 – stone funnel (no. 3344/1); 6 – grater (no. 3344/2); 7 – whetstone (no. 3439/17); 8 – sandstone fragment (no. 3439/8); 9, 10 – stone arrowheads (no. 3439/19; 3439/18); 11 – chisel (no. 3439/15);

Таблица 3

Использование технических приёмов
при обработке поверхности изделий из камня

Table 3

The use of techniques in the treatment of the surface of stone products

Номер артефакта	Расщепление и ретушь	Строгание	Резьба	Кернение	Сверление	Скобление	Шлифовка
3344/1			+			+	+
3344/2			+			+	+
3439/1			+	?	+	+	+
3439/2			+	+	?		+
3439/7							+
3439/8							+
3439/11			+				+
3439/15	+						
3439/17		+	+			+	+
3439/18	+						
3439/19	+						
3459			+			+	+

Таблица 4

Функциональное назначение изделий из камня

Table 4

Functional purpose of stone products

Номер артефакта	Наконечник стрелы	Долото	Абразив	Литейная форма или ее фрагмент	Литейная воронка или ее заготовка
3344/1				+	
3344/2				+	
3439/1					+
3439/2					+
3439/7			?		
3439/8			+		
3439/11				+	
3439/15		+			
3439/17				+	
3439/18	+				
3439/19	+				
3459				+	

Трапециевидное орудие № 3439/15 (рис. 4, 11) изготовлено из отщепавшимся посредством формообразующего и приостряющего ретуширования его дистального участка; подправка краев незначительна. На основе трасологического анализа следов износа орудие (рис. 5i–l) определено как тесло-долото, использовавшееся для работы с деревом (функциональную типологию подробнее см.: [Семенов, 1957, с. 110–111; Волков, 2013, с. 94–154]). Характерно распространение заполировки износа преимущественно на дорсальную часть орудия. Отмечена

неравномерность износа рабочего края. Локализация участков интенсивного контакта с обрабатываемым материалом по длинной оси рабочего края дает основание предполагать контакт инструмента преимущественно с выпуклыми участками обрабатываемых поверхностей, которые могли образоваться, например, при снятии коры со сравнительно тонких прутьев.

Рис 5. Микроследы на изделиях из камня.

Шлифовка на крупно- и среднезернистом абразиве (a, b) литейной формы (№ 3344/1). Следы резьбы (c), дискретной шлифовки (d), цилиндрического (e) и конического (f) сверления артефакта № 3439/1; следы кернения (g, h) перед началом сверления на артефакте № 3439/2. Заполировка износа на дорасле (i, j) и вентрале (k, l) долота (артефакт № 3439/15). Следы скобления (m), прямолинейной (n) и криволинейной (o) резьбы на артефакте № 3344/2

Fig. 5. Microtraces on stone products.

Grinding on coarse- and medium-grained abrasive (a, b) of a casting mold (no. 3344/1). Traces of carving (c), discrete grinding (d), cylindrical (e) and conical (f) drilling on the artifact no. 3439/1; traces of punching (g, h) preceding drilling on the artifact no. 3439/2. Polishing of wear on the bit's dorsal (i, j) and ventral (k, l) (artifact no. 3439/15). Traces of scraping (m), rectilinear (n) and curvilinear (o) threads on the artifact no. 3344/2

Рис. 6. Керамические изделия и бронзовый кельт:

1–3 – тигли (№ 3439/4, 3458, 3439/3); 4 – фрагмент стенки составного тигля (№ 3439/9); 5, 6 – литейные формы (№ 3340, 3439/10); 7 – фрагмент формы для отливки кельта (№ 3439/6); 8 – фрагмент формы (№ 3439/16); 9 – бронзовый кельт

Fig. 6. Pottery and bronze celt:

1–3 – crucibles (no. 3439/4, 3458, 3439/3); 4 – fragment of the composite crucible wall (no. 3439/9); 5, 6 – casting molds (no. 3340, 3439/10); 7 – fragment of a mold for celt casting (no. 3439/6); 8 – mold fragment (no. 3439/16); 9 – bronze celt

На поверхности литейной формы (№ 3344/2) для изготовления кельта (рис. 4, 2) обнаружены следы чистки ее от остатков металла и многократного переоформления рабочей камеры. Изделие интенсивно использовалось в литейном производстве.

В целом в процессе формирования предметов из камня в изучаемой коллекции и обработки их поверхности использовались следующие технические приёмы: расщепление и ретушь,

резьба литейных форм и каналов, прямолинейная и криволинейная орнаментальная резьба, кернение и скоростное станковое сверление разнотипными по форме сверлами, шлифовка поверхности изделий средне- и мелкозернистыми абразивами.

Керамические изделия представлены серией из 8 артефактов (рис. 6, 1–8), из них четыре тигля: три целых (№ 3439/4, 3458, 3439/3) (рис. 6, 1–3), а от четвертого (№ 3439/9) сохранилась только часть стенки (рис. 6, 4). Остальные предметы коллекции – литейные формы. Одна из них (№ 3340) предназначена для отливки вильчатого стержня (рис. 6, 5), вторая (№ 3439/10) – для отливки втулки (рис. 6, 6). Рабочая камера третьей (№ 3439/6) сохранила отпечаток части лезвия кельта (рис. 6, 7). В четвертой форме (№ 3439/16) отливали прямоугольный в сечении предмет (возможно, нож) (рис. 6, 8)

Таблица 5

Использование технических приёмов
при обработке поверхности керамических изделий

Table 5

The use of techniques in the surface treatment of ceramic products

Номер артефакта	Лепка	Заглаживание	Шлифовка	Резьба по глиняной заготовке
3439/3	+			
3439/4	+			
3439/6		+		
3439/9	+			
3439/10		+		?
3439/16		+		+
3439/28	+			
3340		+		+
3458	+			

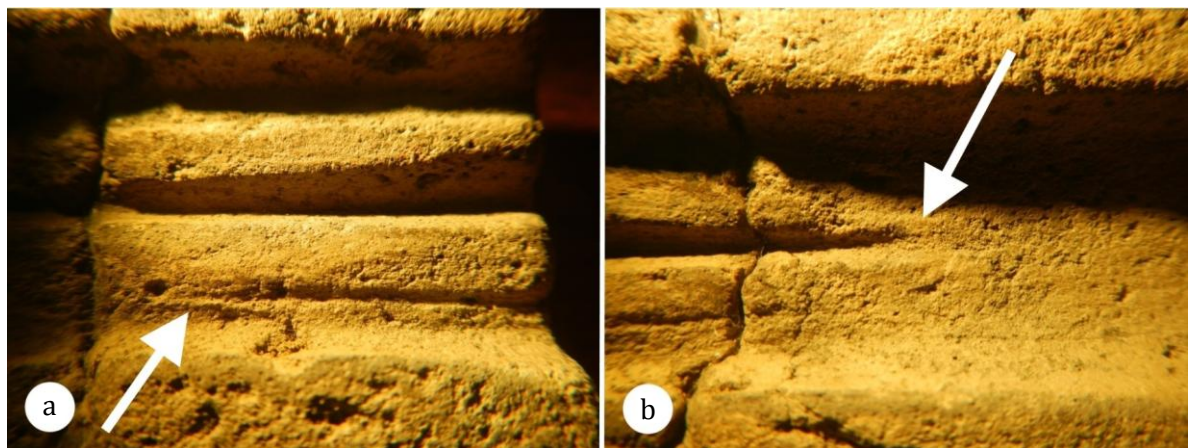

Рис 7. Микроследы на керамических изделиях.

Формовка желобов рабочей камеры литейной формы № 3340 и отмеченные стрелкой участки наплыва глины на плоскость при движении резчика (a, b)

Fig. 7. Microtraces on ceramic products.

Formation of the working chamber troughs of the casting mold no. 3340 and areas of clay influx onto the plane (marked by an arrow), formed as a result of the curver movements (a, b)

Рис. 8. Микроследы на бронзовом кельте: ковка (а), заточка (b) и следы утилизации (с)
Fig. 8. Microtraces on the bronze celt: forging (a), sharpening (b) and disposal (c) traces

В процессе изготовления керамических артефактов использовался ряд технических приёмов: лепка, заглаживание, шлифовка, резьба (табл. 5, рис. 6, 1–8). Их анализ позволил проследить все этапы формообразования от лепки и заглаживания поверхности заготовок до пришлифовки уже обожжённых изделий. Отмечен вариант формирования углублений внутри литейной камеры еще по сырой глине, до обжига самой литейной формы № 3340 (рис. 6, 5; 7a, 7b).

В качестве инструмента резьбы плоскостей и углублений форм на участках орнамента будущей литейной продукции использовался нож с рабочими участками на его жале и на подъеме клинка или шпатель аналогичной формы из органического материала.

Металлическое изделие в изученной коллекции представлено бронзовым кельтом сейминско-турбинского типа (рис. 6, 9). Кельт небольшой ($7,5 \times 4,9 \times 2,7$ см), имеет шестигранное сечение. Верхняя часть втулки оконтурена рельефным валиком с примыкающими к нему

равнобедренными треугольниками. По классификации Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых данный кельт относится к разряду К-18 [1989, с. 46, рис. 5, 1]. На одной из сторон лезвия кельта хорошо просматриваются следыковки (рис. 8а), а также заточки с помощью среднезернистой абразивной поверхности (рис. 8б). Следы утилизации орудия локализованы на краю лезвия с двух его плоскостей (рис. 8с), что дает основания предполагать употребление его в качестве топора [Семенов, 1957, с. 109–111, 152–164; Волков, 2013, с. 109–111].

Завершая оценку применявшихся технологий для изготовления артефактов коллекции, следует отметить, что наиболее широкий спектр технических приемов применялся в работах с каменным сырьем. Помимо архаичной технологии расщепления и ретуширования изделий из камня, в процессе формирования их из относительно мягких пород применялись строгание и резба камня, выполнявшиеся металлическими инструментами. Для формирования отверстий в артефактах использовалась сравнительно совершенная технология станкового конического и прямого сверления сверлами большого и малого диаметра. Почти на всех изделиях присутствуют следы формообразующей шлифовки.

Большая часть изделий данной коллекции употреблялась в качестве орудий (литейные формы, долото, абразивы, шпатели, накладки на лук) до того, как оказалась в могиле «литейщика». Однако часть артефактов представляет собой незавершенные или неиспользованные изделия (литейная воронка, заготовки литейных воронок, наконечники стрел). Следует отметить также наличие в коллекции сломанных, фрагментированных литейных форм и нескольких непригодных для работы абразивных инструментов – в силу их слишком уж малого размера.

Заключение

Погребения «литейщиков» являются интересным и поистине эпохальным явлением периода становления металлообрабатывающего производства на Евразийском континенте. Практически одновременно на огромной территории, простирающейся от Западной Европы до Сибири, появляются могилы с кузнечно-литейным инвентарем. Погребения с каменными кузнечными орудиями найдены в могильниках культуры колоколовидных кубков у Штедтена в Саксонии и у Лунтерена и Состерберга в Нидерландах [Matthias, 1964, S. 19–20; Bulter, Waals, 1967, p. 68–73]. Известны такие могилы и в Средней Европе [Mozsolics, 1967, S. 28].

В Восточной Европе захоронения кузнецов-литейщиков имеются в памятниках фатьяновской, полтавкинской, катакомбной, абашевской культур [Шилов, 1959, с. 13–19; 1966; Каховский, 1963, с. 175–176; Крайнов, 1971, с. 13; Державин, Тихонов, 1981; Ильюков, 1986; Черных и др., 2005, с. 29–32]. Отмечены они также в Зауралье [Корочкова, 2022, с. 64–67].

В Западной Сибири наиболее раннее появление таких захоронений зафиксировано в одиновской культуре конца IV – начала III тыс. до н. э. [Дураков, Мыльникова, 2021, с. 59–70]. Дальнейшее развитие этого явления в Сибири связано в первую очередь с распространением сейминско-турбинской литейной традиции. Могилы с кузнечно-литейным инвентарем имеются в могильниках Сатыга-XVI, Сайгатино VI [Корочкова, 2022, с. 67, рис. 7, 8], Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 30–34, 46–47], Тартас-1. В некрополе Сопка-2/4Б, В выявлены 4 такие могилы [Молодин, Гришин, 2016].

Появление «погребений литейщиков», как правило, считается бесспорным признаком специализации металлообрабатывающего производства и выделения групп мастеров-профессионалов [Бочкарев, 1978, с. 48; Childe, 1947, p. 163]. Они возникают в самый ранний период становления металлообработки и указывают на организацию производства внутри каких-то традиционных довольно замкнутых групп: патриархальных семей, кланов, линджей.

Следует отметить, что маркирующий могилы производственный инвентарь встречается в захоронениях всех половозрастных групп (мужчин, женщин, подростков и детей), что указывает на включенность в металлообрабатывающую деятельность всех возрастных и гендерных групп, а также на передачу с производственными навыками определенного общественного статуса. На высокое положение умерших и значительную милитаризацию этой

социальной группы указывает наличие в могилах статусных вещей (каменных булав, металлического оружия и т. п.). Видимо, торгово-обменные операции с металлом, его обработка и распределение вели к определенному имущественному расслоению общества и появлению зачатков политической организации.

Список литературы

- Бочкарев В. С.** Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л.: Наука, 1978. С. 48–53.
- Волков П. В.** Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
- Державин В. Л., Тихонов Б. Г.** Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. 1981. № 3. С. 252–258.
- Дураков И. А., Мыльникова Л. Н.** На заре металлургии: бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. 203 с.
- Ильюков Л. С.** Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья // СА. 1986. № 2. С. 226–231.
- Каховский В. Ф.** Чурачигский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3. С. 169–177.
- Корочкова О. Н.** Погребения литейщиков Урала и Западной Сибири // Stratum Plus. 2022. № 2. С. 63–81.
- Крайнов Д. А.** Металлургия у племен фатьяновской культуры // Памятники эпохи неолита и бронзы. КСИА. 1971. Вып. 127. С. 10–17.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 135 с.
- Молодин В. И.** Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 96–109.
- Молодин В. И., Гришин А. Е.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. 452 с. + 2 вкл.
- Молодин В. И., Новиков А. В.** Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск: Изд-во НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. 139 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 3)
- Семенов С. А.** Первобытная техника // МИА. М.; Л.: Наука, 1957. № 54. 240 с.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.** Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Кузьминых С. В., Луньков В. Ю.** Першинский некрополь: курган № 1 // Каргалы: Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования. М.: ЯСК, 2005. Т. 4. С. 21–47.
- Шилов В. П.** О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Древности Нижнего Поволжья. МИА. М.: АН СССР, 1959. № 60. С. 11–38.
- Шилов В. П.** Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. 1966. № 106. С. 88–91.
- Bulter I. I., Waals J. J.** Bell beakers and early metal-working in the Netherlands // Palaeohistoria. 1967, no. 12, pp. 41–139.
- Childe G.** Prehistoric Communities of the British Isles. London: Chambers, 1947, 290 p.
- Matthias W.** Ein reich ausgestattetes Grab der Glockenbecherkultur bei Stedten, Kreis Eisleben // Ausgrabungen und Funde. 1964. № 9. S. 19–22.
- Mozsolics A.** Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1967, 280 S.

References

- Bochkarev B. C.** Pogrebeniya liteishchikov epokhi bronzы (metodologicheskii peresmotr) [Burials of foundry workers of the Bronze Age (methodological revision)]. In: Problemy arkheologii [Problems of Archeology]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 48–53. (in Russ.)
- Bulter I. I., Waals J. J.** Bell beakers and early metal-working in the Netherlands. *Palaeohistoria*, 1967, no. 12, pp. 41–139.
- Chernykh E. N., Kuzminykh S. V.** Pamyatniki seiminsko-turbinskogo tipa v Evrazii. Arkheologiya SSSR. Epokha bronzы lesnoi polosy SSSR [Sites of the Seima-Turbino type in Eurasia. Archeology of the USSR. The Bronze Age of the forest zone of the USSR]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 84–105. (in Russ.)
- Chernykh E. N., Kuzminykh S. V.** Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinsky fenomen) [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (the Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow, Nauka, 1989, 320 p. (in Russ.)
- Chernykh E. N., Lebedeva E. Yu., Kuzminykh S. V., Lunkov V. Yu.** Pershinsky nekropol': kurgan no. 1 [Pershinsky necropolis: mound No. 1]. In: Kargaly: Nekropoli na Kargalakh; naselenie Kargalov: paleoantropologicheskie issledovaniya [Kargaly: Necropolises on Kargaly; Population of the Kargals: paleoanthropological studies]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2005, vol. 4, pp. 21–47. (in Russ.)
- Childe G.** Prehistoric Communities of the British Isles. London, Chambers, 1947, 290 p.
- Derzhavin V. L., Tikhonov B. G.** Pogrebenie liteishchika epokhi srednei bronzы na Stavropol'e [The burial of a caster in the Middle Bronze Age in the Stavropol Territory]. *Soviet Archeology*, 1981, no. 3, pp. 252–258. (in Russ.)
- Durakov I. A., Mylnikova L. N.** Na zare metallurgii: Bronzolitinoe proizvodstvo naseleniya Ob'-Irtyskoi lesostepi v epokhu rannei bronzы [At the dawn of metallurgy: Bronze foundry production of the population of the Ob-Irtys forest-steppe in the early Bronze Age]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2021, 203 p. (in Russ.)
- Ilyukov L. S.** Pogrebeniya liteishchikov epokhi srednei bronzы iz Severo-Vostochnogo Priazov'ya [Burials of foundry workers of the Middle Bronze Age from the North-Eastern Azov region]. *Soviet Archeology*, 1986, no. 2, pp. 226–231. (in Russ.)
- Kakhovsky V. F.** Churachigskii kurgan v Chuvashii [Churachig mound in Chuvashia]. *Soviet Archeology*, 1963, no. 3, pp. 169–177. (in Russ.)
- Korochkova O. N.** Pogrebeniya liteishchikov Urala i Zapadnoi Sibiri [Burials of foundry workers in the Urals and Western Siberia]. *Stratum Plus*, 2022, no. 2, pp. 63–81. (in Russ.)
- Krainov D. A.** Metallurgiya u plemen fat'yanovskoi kul'tury [Metallurgy among the tribes of the Fatyanovo culture]. *Pamyatniki epokhi neolita i bronzы. KSIA* [Monuments of the Neolithic and Bronze Ages. Brief Communications of the Institute of Archeology], 1971, iss. 127, pp. 10–17. (in Russ.)
- Matthias W.** Ein reich ausgestattetes Grab der Glockenbecherkultur bei Stedten, Kreis Eisleben. *Ausgrabungen und Funde*, 1964, № 9, S. 19–22.
- Matyushchenko V. I., Sinitsyna G. V.** Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska [Burial ground near the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk, TSU Press, 1988, 135 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Pogrebenie liteishchika iz mogil'nika Sopka-2 [The burial of a caster from the Sopka-2 burial ground]. In: Drevnie gorniki i metallurgi Sibiri [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul, AltSU Press, 1983, pp. 96–109. (in Russ.)
- Molodin V. I., Grishin A. E.** Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Site Sopka-2 on the Om River]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury [Cultural and chronological analysis of the burial complexes of the Krotovo culture], 452 p. + 2 attachments. (in Russ.)
- Molodin V. I., Novikov A. V.** Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti [Archaeological sites of the Vengerovo district of the Novosibirsk region]. Novosibirsk,

NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Publ., 1998, 139 p. (Materials of the "Code of sites of history and culture of the peoples of Russia"; iss. 3). (in Russ.)

Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1967, 280 S.

Semenov S. A. Pervobytnaya tekhnika [Primitive technology]. In: Materials and research on the archeology of the USSR. Moscow; Leningrad, Nauka, 1957, no. 54, 240 p. (in Russ.)

Shilov V. P. O drevnei metallurgii i metalloobrabotke v Nizhnem Povolzh'e [On ancient metallurgy and metalworking in the Lower Volga region]. In: Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. MIA [Antiquities of the Lower Volga region. Materials and research on the archeology of the USSR]. Moscow: AS SSSR Publ., 1959, no. 60, pp. 11–38. (in Russ.)

Shilov V. P. Pogrebenie liteishchika katakombnoi kul'tury v Nizhnem Povolzh'e [Burial of a caster of the Catacomb culture in the Lower Volga region]. In: Brief reports of the institute of archeology, 1966, no. 106, pp. 88–91. (in Russ.)

Volkov P. V. Opyt eksperimenta v arkheologii [Experimental experience in archeology]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, 416 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Вячеслав Иванович Молодин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 6506558021

WoS Researcher ID Q-3253-2016

RSCI Author ID 71340

SPIN 9764-0369

Павел Владимирович Волков, доктор исторических наук

Scopus Author ID 36939331700

RSCI Author ID 72875

SPIN 9552-5492

Игорь Альбертович Дураков, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 26422977200

WoS Researcher ID ABA-5998-2020

RSCI Author ID 315988

SPIN 6006-5750

Information about the Authors

Vyacheslav I. Molodin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 6506558021

WoS Researcher ID Q-3253-2016

RSCI Author ID 71340

SPIN 9764-0369

Pavel. V. Volkov, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 36939331700

RSCI Author ID 72875

SPIN 9552-5492

Igor A. Durakov, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 26422977200

WoS Researcher ID ABA-5998-2020

RSCI Author ID 315988

SPIN 6006-5750

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;

одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 15.07.2023

The article was submitted on 05.05.2023;

approved after reviewing on 05.07.2023; accepted for publication on 15.07.2023

Научная статья

УДК 903.5; 597.2/.5

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-66-79

Рыба в погребальной практике населения саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи (по материалам кургана № 51 Усть-Тартасского могильника)

Елена Николаевна Ядренкина¹
Людмила Николаевна Мыльникова²
Алина Анатольевна Некраш³
Александра Вячеславовна Титова⁴

¹ Институт систематики и экологии животных
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

²⁻⁴ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ yadrenkina@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0246-4285>

² l.mylnikova@yandex.ru

³ nekrash.alina@mail.ru

⁴ alexandratitv@gmail.com

Аннотация

Выполнено описание останков рыбы, найденных при раскопках кургана № 51 Усть-Тартасского могильника саргатской культуры раннего железного века. Выявлена закономерность: объекты с костями животных располагались в западном крыле рва, объекты с останками рыб – в восточном крыле, приклад находился в южной оконечности западного крыла. Кроме объектов раннего железного века исследованы более ранние артефакты из прилегающей к кургану площади. Представлена методика анализа ихтиологического материала. В процессе формирования коллекции установлено, что лучшую сохранность образцов обеспечивают материалы без предварительного отмывания и чистки: костные структуры менее ломкие. Для установления таксономического статуса рыб использованы экспонаты остеологической коллекции Института систематики и экологии животных СО РАН. Идентифицированный видовой состав рыб в образцах раннего железного века включает представителей сем. *Cyprinidae* (язь *Leuciscus idus*, серебряный карась *Carassius gibelio*) и сем. *Percidae* (окунь *Perca fluviatilis*). В более ранних объектах кроме перечисленных видов зафиксированы останки сем. *Acipenseridae* (стерляди *Acipenser ruthenus*) и сем. *Cyprinidae* (золотой карась *C. Carassius*). Скопления рыб представлены крупными особями старших возрастных групп (от 7+ лет, преимущественно 10+ и более).

Останки рыбы свидетельствуют о том, что население саргатской культуры, оставившее данный памятник, практиковало рыболовство наряду со своим основным занятием – скотоводством. В данном случае это пример адаптации населения к окружающей природной среде, главным фактором которой выступает урочище Тай – уникальный оазис, представляющий в любые периоды трансгрессивных или регрессивных проявлений климата чрезвычайно привлекательную зону для человека, в том числе в плане обеспечения рыбными запасами. Рыболовство не было жизнеобеспечивающей отраслью, однако адаптация человека к естественным природным условиям Барабинского региона была довольно успешной, так как рыба стала частью погребального обряда наряду с продуктами животного происхождения. Зачастую она находилась с ними в одних объектах и была включена в приклады, что соотносится с ритуальными действиями.

Ключевые слова

саргатская культура, ранний железный век, погребальный обряд, рыба, Барабинская низменность, Западная Сибирь

© Ядренкина Е. Н., Мыльникова Л. Н., Некраш А. А., Титова А. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 66–79

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 66–79

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 22-18-00012 «Элитные курганы саргатской культуры раннего железного века в Обь-Иртышской лесостепи (Новосибирская область)»

Для цитирования

Ядренкина Е. Н., Мыльникова Л. Н., Некраш А. А., Титова А. В. Рыба в погребальной практике населения саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи (по материалам кургана № 51 Усть-Тартасского могильника) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 66–79. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-66-79

Fish in Burial Practice of the Sargat Culture Population of the Early Iron Age of the Baraba Forest-Steppe (According to the Materials of the Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground)

Elena N. Yadrenkina¹, Lyudmila N. Mylnikova²
Alina A. Nekrash³, Alexandra V. Titova⁴

¹ Institute of Systematics and Ecology of Animals
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

²⁻⁴ Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ yadrenkina@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0246-4285>

² l.mylnikova@yandex.ru

³ nekrash.alina@mail.ru

⁴ alexandrativ@gmail.com

Abstract

Purpose. The Sargat culture fish remains are still given very little attention. The purpose of this work is to present materials that testify to the use of fish in the burial practice of the Sargat population of Baraba.

Finds (artefacts). In the field season of 2022, the Toguchin team of the IAET SB RAS explored the mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground of the Sargat culture. Among the various artifacts found on the mound territory there were objects containing animal bones, and objects containing fish remains, as well as objects containing both animal bones and fish remains.

Methods. Preparation of the osteological collection of fish remains was carried out in 2022–2023 using a cameral processing method. The collection contains mainly scales, bones of the visceral part of the skeleton of the head, bones of the skull. Fragments of the axial skeleton (vertebrae, Weberian apparatus, urostyle) and pharyngeal teeth appear in a smaller number. In the process of the collection formation, it was found that the best preservation of samples is ensured by materials that have not been preliminary washed and cleaned: the bone structures are less brittle. Therefore, fragments of the fish skeleton were separated from the soil in the laboratory.

Results. For the most part, accumulations of fish remains are represented by large specimens of older age groups (from 7+ years, mostly 10+ and more). The identified species composition of fish in samples of the Early Iron Age includes representatives of the family *Cyprinidae* (ide *Leuciscus idus*, goldfish *Carassius gibelio*) and family *Percidae* (perch *Perca fluviatilis*). In addition to the listed species, remains of the family *Acipenseridae* (sterlet *Acipenser ruthenus*) and the family *Cyprinidae* (golden crucian carp *C. Carassius*) were noted in the earlier objects. Object 10 stands out: it is a butt containing not only tools and animal bones, but also fish remains. For the first time, the fact of fish use in the funeral rite of the Sargatians was revealed. The fish remains in the mound testify that the population of the Sargat culture who created this site practiced fishing along with their main occupation – cattle breeding.

Conclusion. Materials of the mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground, containing fish remains, are an example of the local population adaptation to the natural environment. The Tai tract was a natural oasis, which not only provided a forage base for livestock but also ensured an easy catch of fish. Human adaptation to the natural conditions in the Baraba region was quite successful, as evidenced by the fact that fish was a part of the funeral rite along with products of animal origin. It was often included in butts in some objects, which correlates with sacred actions.

Keywords

Sargat culture, Early Iron Age, funeral rite, fish, Baraba forest-steppe

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the Russian Science Foundation project no. 22-18-00012 "Elite burial mounds of the Sargat culture of the early Iron Age in the Ob-Irtysh forest-steppe (Novosibirsk region)".

For citation

Yadrenkina E. N., Mylnikova L. N., Nekrash A. A., Titova A. V. Fish in Burial Practice of the Sargat Culture Population of the Early Iron Age of the Baraba Forest-Steppe (According to the Materials of the Mound No. 51 of the Ust-Tartas Burial Ground). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 66–79. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-66-79

Введение

Судя по опубликованным материалам [Корякова, 1988; Матвеева, 1993а; 1993б; 1994; Полосьмак, 1987], кости животных являются довольно частой находкой в погребальных памятниках саргатской культуры. Костные останки животных зафиксированы в насыпях курганов, в заполнении могил, ям, ровиков, в могилах вместе с погребальным инвентарем. Н. П. Матвеева считает, что кости животных могли быть как остатками заупокойной пищи, так и остатками тризны [Матвеева, 1993а; 1994].

В эпоху бронзы рыба была важной составляющей частью погребального обряда населения одиновской, кротовской и андроновской культур Барабинской лесостепи, и эта ее роль отмечена рядом исследователей [Молодин и др., 2012; 2015; 2019].

Рыбным останкам саргатской культуры раннего железного века до сих пор уделялось очень мало внимания. Например, Н. П. Матвеева отмечает, что в материалах Тютринского, Савиновского и Гаевского могильников, где в качестве сопроводительной пищи было использовано мясо как домашних (лошадь, баран), так и диких (заяц, косуля, бобр) животных, изредка встречаются кости птиц и рыб [1993а; 1993б, с. 55], не указывая их роли в погребальных практиках. Короткие сведения о рыбных останках в памятниках Барабы представлены Л. С. Кобелевой [2014].

Цель данной работы – ввести в научный оборот новые материалы, свидетельствующие об использовании рыбы в погребальной практике саргатского населения Барабы, и дать характеристику ихтиологическим останкам.

Материалы

В течение полевого сезона 2022 г. Тогучинским отрядом ИАЭТ СО РАН был исследован курган № 51 Усть-Тартасского могильника саргатской культуры [Мыльникова и др., 2022]. Среди различных находок, зафиксированных на площади кургана, были выявлены объекты, содержащие кости животных, и объекты, включающие останки рыбы (объекты 8, 12), а также объекты, в которых зафиксированы как кости животных, так и останки рыбы (объекты 7, 10, 13) (рис. 1).

Объект 7 (рис. 1; 2, 1; табл.) находился в кв. Г-Д/65-66, над рвом кургана на высоте 0,16 м над уровнем материка, в погребенной почве. Там было выявлено компактно залегавшее скопление останков рыбы (кости, чешуя), среди которых зафиксированы и кости птицы. Скопление имеет размеры 0,86 × 0,52 м, ориентировано по линии север – юг.

Объект 8 (рис. 1; 2, 2; табл.) выявлен в кв. Я/68, в заполнении рва, горизонт 1. Представлен скоплением останков рыбы (чешуя, кости) на площади 0,45 × 0,4 м.

Объект 10 (рис. 1; 2, 4–7; табл.) выявлен в кв. Х/63, в заполнении рва, горизонт 1. При выборе заполнения в северной стенке рва зафиксировано расширение, в котором на глубине 0,02 м от уровня материка располагалось компактное скопление предметов:

- 1) челюсть рыбы, кости, фрагмент керамики среди рыбных останков;
- 2) бронзовая игла (длина 9,5 см, ушко обломано наполовину);
- 3) бронзовый нож (длина лезвия 10,5 см, длина рукояти 3,1 см);
- 4) роговое изделие с сужающимся концом (долото?), его размеры 6,0 × 3,5 × 0,5–2,0 см;

- 5) роговой футляр (ножны?) очень плохой сохранности;
- 6) изделие из кости (неопределимой формы);
- 7) кости животных, среди неопределимых обломков выявлены: нижний конец лучевой кости лося, обломок ребра коровы.

Местонахождение объекта и набор вошедших в него предметов говорят о его необычном – сакральном – статусе.

Объект 12 (рис. 1; 2, 3; табл.) выявлен в кв. Ч–Ц/66, в заполнении рва, представлен скоплением останков рыбы.

Объект 13 (рис. 1; табл.) выявлен в кв. Ш/67, в заполнении рва, представлен скоплением останков рыбы. Среди них найден обломок зубной кости из нижней челюсти лошади.

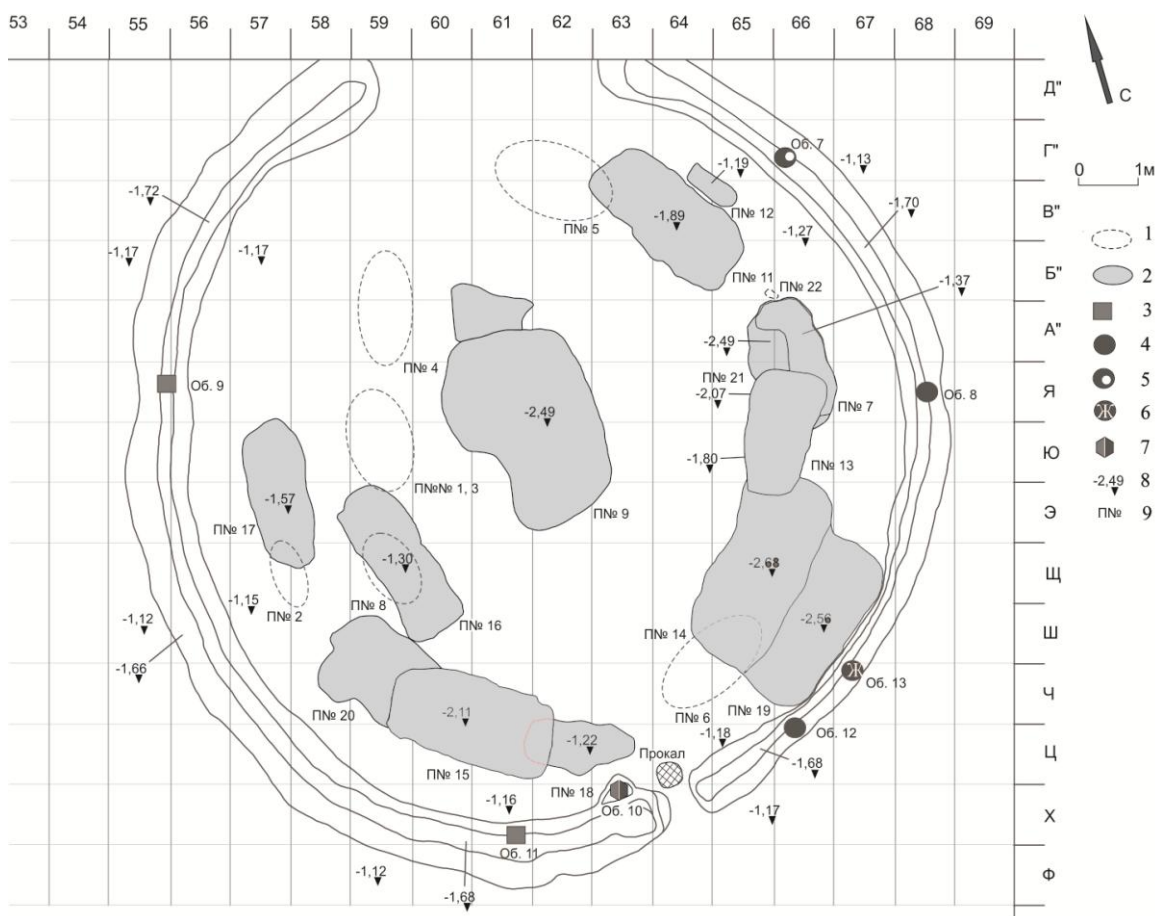

Рис. 1. План кургана № 51 Усть-Тартасского могильника:

1 – впускные погребения; 2 – погребения, углубленные в материк; 3 – объекты, содержащие кости животных; 4 – объекты, содержащие останки рыбы; 5 – объекты, содержащие останки рыбы и кости птицы; 6 – объекты, содержащие останки рыбы и кости животных; 7 – объекты, содержащие орудия, останки рыбы, кости животных; 8 – нивелировочные отметки; 9 – номер погребения

Fig. 1. Plan of mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground:

1 – inlet burials; 2 – burials deepened into the mainland; 3 – objects containing animal bones; 4 – objects containing fish remains; 5 – objects containing fish remains and bird bones; 6 – objects containing fish remains and animal bones; 7 – objects containing tools, fish remains, animal bones; 8 – leveling marks; 9 – burial number

Останки рыб обнаружены и в ямах более раннего времени на окружающем курган пространстве (объект 1; ямы 12, 16, 19, 20, 32, 33, 35), но данные материалы обсуждаются в работе лишь частично.

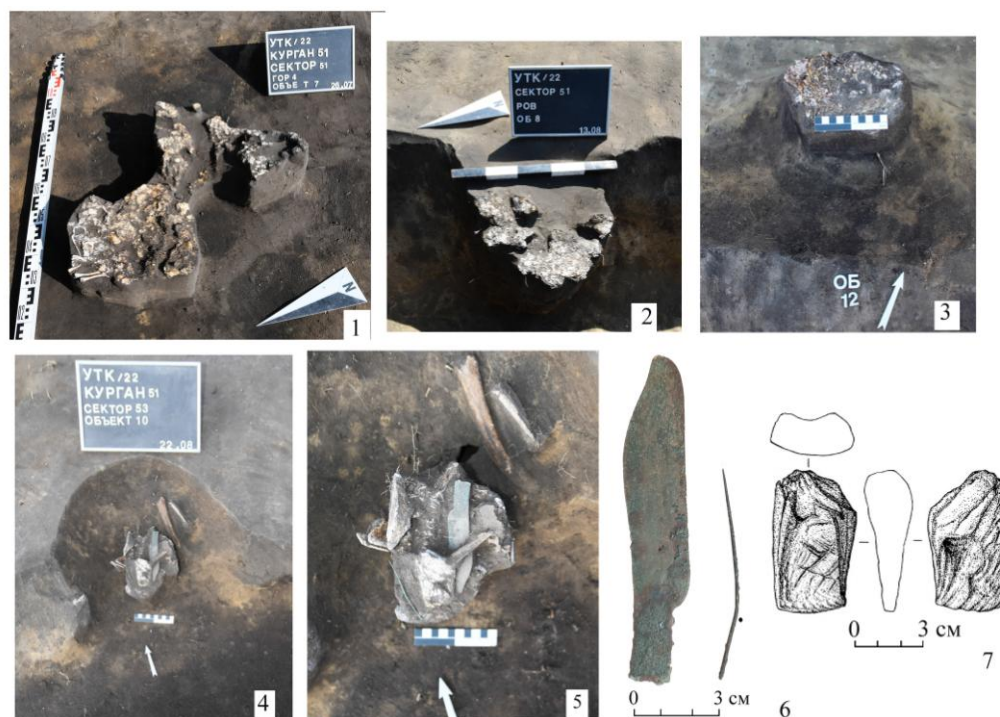

Рис. 2. Объекты саргатской культуры с останками рыбы из рва кургана № 51 Усть-Тартасского могильника: 1 – объект 7; 2 – объект 8; 3 – объект 12; 4–7 – объект 10 (4, 5 – фото); 6 – нож и игла (бронза); 7 – изделие из рога (долото?)

Fig. 2. Sargat culture objects with fish remains from the ditch of the mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground: 1 – object 7; 2 – object 8; 3 – object 12; 4–7 – object 10 (4, 5 – photo); 6 – knife and needle (bronze); 7 – horn product (chisel?)

Видовой состав рыб
из кургана № 51 Усть-Тартасского могильника и прилегающего пространства
Species composition of fish
from the mound no. 51 of the Ust-Tartas burial ground and adjacent area

№ образца	Вид					Всего, экз.	Общая масса, кг
	язь	серебряный карась	золотой карась	окунь	стерлядь		
Объект 1	70	–	–	1	–	71	175
Яма 12	–	3	–	–	–	3	3
Яма 16	15	1	–	–	–	16	38
Яма 19	–	1	–	–	1	2	2
Яма 20	10	–	–	–	–	10	25
Яма 32	–	3	–	–	–	3	3
Яма 32	–	45	1	–	–	46	41
Яма 33	1	–	–	–	15	16	20
Яма 35	236	26	3	–	1	266	615
Объект 7	1	1	–	1	1	4	5
Объект 8	–	1	–	–	–	1	1
Объект 10	2	–	–	–	–	2	5
Объект 12	2	–	–	–	–	2	5

Методы исследования рыбы

Подготовка остеологической коллекции останков рыб была проведена камерально в 2022–2023 гг. Коллекция содержит преимущественно чешую, кости висцерального отдела скелета головы, кости черепа, в меньшем количестве фрагменты осевого скелета (позвонки, веберов аппарат, уростиль) и глоточные зубы. В процессе формирования коллекции установлено, что лучшую сохранность образцов обеспечивают материалы, не подвергнувшиеся предварительному отмыванию и чистке: их костные структуры менее ломки. По этой причине фрагменты скелета рыб отделялись от грунта в условиях лаборатории.

Установление таксономического статуса рыб. В качестве привязки были использованы экспонаты остеологической коллекции рыб Института систематики и экологии животных СО РАН. Комплекс диагностически значимых признаков костистых рыб включает: тип чешуи (циклоидная, ктеноидная) и ее морфологические особенности (в частности рисунок внешнего края, соотношение показателей длины и ширины, расположение центроида), морфологические особенности костей висцерального отдела (жаберные крышки *operculum* и *praeoperculum*, окологлазничные кости *sub-orbitale*, кости челюстного аппарата *dentale*) и морфология глоточных зубов. Наличие представителей хрящевых ганоидов (осетровых рыб) устанавливали по структуре первого луча грудных плавников.

Возраст рыб фиксировался по числу годовых колец на склеритограммах чешуи с использованием бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51). Сезон года, когда был произведен вылов рыбы, определялся по относительной ширине прироста на внешнем крае годового кольца чешуи.

Численность рыб оценивалась по числу парных костей (жаберные крышки – *operculum*, предкрышки – *praeoperculum*, челюстные кости – *dentale*) и по числу уростиля (конечный отдел осевого скелета, представляющий собой комплекс из четырех сросшихся позвонков). Следует подчеркнуть, что из-за плохо сохраняющихся в грунте парных костей численность особей – один из трудно восстанавливаемых параметров. Масса рыб. Реконструкция массы рыб производилась методом аналогов: по зависимости средней массы и возраста представителей разных видов. Используются данные научных публикаций по размерно-возрастной структуре рыб, обитающих на современном этапе в бассейне р. Иртыш и в озерном комплексе Обь-Иртышского междуречья [Третьякова, 2014; Шерышова, Ефимов, 2014; Либерман, Чемагин, 2017; Промоторова, 2019].

Результаты

В большинстве своем скопления рыб представлены крупными особями старших возрастных групп (от 7+ лет, преимущественно 10+ и более) (рис. 3; 4). Эта особенность может быть связана не только с отбором крупных особей для ритуала захоронений, но и с техническими приемами отлова рыб. Например, плетеные ловушки или неводы могли иметь относительно крупные промежутки между рядами плетений, через которые мелкая рыба уходила из ловушек.

Идентифицированный видовой состав рыб в образцах раннего железного века включает: представителей семейства *Cyprinidae* – язь *Leuciscus idus* (рис. 3, 3, 5, 6; 4, 1), серебряный карась *Carassius gibelio* (рис. 3, 2, 4); представителей семейства *Percidae* – окунь *Perca fluviatilis*. В более ранних объектах кроме перечисленных видов зафиксированы останки рыб семейства *Acipenseridae* – стерлядь *Acipenser ruthenus* (рис. 4, 3) и семейства *Cyprinidae* – золотой карась *C. Carassius* (рис. 3, 1; 4, 2).

Язь – обитатель крупных рек и озер, характеризуется высокой миграционной активностью, в период нерестовых и зимовальных миграций может перемещаться на сотни километров.

Рис. 3. Остеологические останки рыбы:

1 – чешуя золотого карася *Carassius carassius*, возраст 9+; 2 – чешуя серебряного карася *Carassius gibelio*, возраст 8+; 3 – чешуя язя *Leuciscus idus*, возраст 10+; 4 – жаберные крышки серебряного карася *Carassius gibelio*; 5 – годовые кольца на чешуе язя *Leuciscus idus*, возраст 9+; 6 – жаберные крышки язя *Leuciscus idus*

Fig. 3. Osteological fish remains:

1 – scales of golden carp *Carassius carassius*, age 9+; 2 – scales of silver carp *Carassius gibelio*, age 8+; 3 – scales of ide *Leuciscus idus*, age 10+; 4 – gill covers of silver carp *Carassius gibelio*; 5 – annual rings on ide scales *Leuciscus idus*, age 9+; 6 – gill covers of ide *Leuciscus idus*

Окунь широко распространен как в крупных, так и в мелких реках и озерах региона. Однако он очень чувствителен к газовому режиму, требователен к содержанию растворенного в воде кислорода, поэтому в заморных озерах, не сообщаемых с речной сетью, не выживает.

Серебряный карась предпочитает агрегировать в условиях стагнации воды (типичный обитатель озер и равнинных рек с замедленным течением).

Золотой карась – типичный обитатель мелководных озер.

Стерлядь – типичный обитатель крупных рек.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что местные жители в различные хронологические периоды могли осуществлять отлов разных видов рыб не одновременно (в разные сезоны) и в разных водоемах. В пользу этой версии свидетельствует выявленный видовой состав рыб (см. табл.).

Зафиксировано, что если объект характеризуется большим количеством рыб, то чаще представлен преимущественно одним видом (с единичными включениями других) – либо язем, либо серебряным карасем. Только в самой крупной по объему рыб яме 35 (кротовская культура бронзового века) на фоне преобладания язя на долю серебряного карася приходится около 10 % общей численности рыб. В некоторых образцах с небольшим количеством рыбы (менее 5 экз.) встречаются представители нескольких видов (объект 7, саргатская культура).

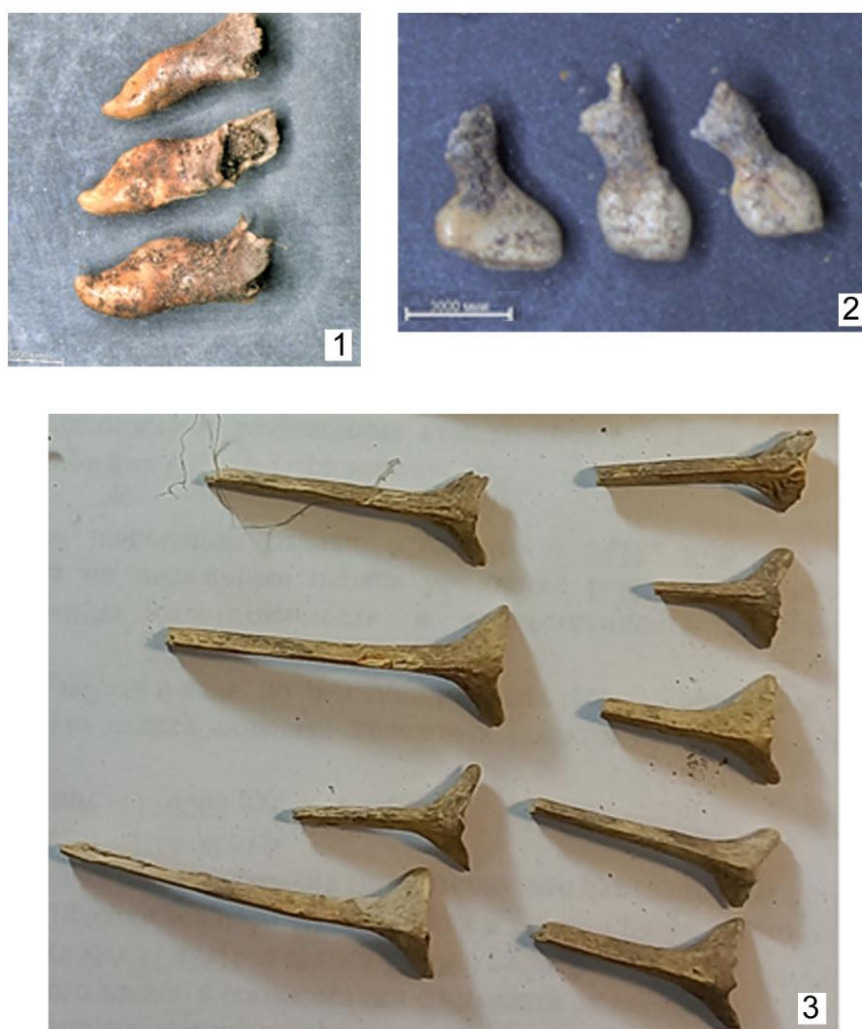

Рис 4. Остеологические останки рыбы:

1 – глоточные зубы язя *Leuciscus idus*; 2 – глоточные зубы золотого карася *Carassius carassius*; 3 – лучи грудных плавников стерляди *Acipenser ruthenus*

Fig. 4. Osteological fish remains:

1 – pharyngeal teeth of ide *Leuciscus idus*; 2 – pharyngeal teeth of crucian carp *Carassius carassius*; 3 – pectoral fins rays of sterlet *Acipenser ruthenus*

В период весеннего паводка язи единым стадом движутся на нерест вверх по течению притоков крупных рек (в данном случае – Иртыша, Оми и Тартаса). В летний период они распределяются по всему бассейну, в осенний – выходят в основное русло Иртыша, перемещаясь на зимовальные ямы. О том, что язи отловлены в весенний период, свидетельствует укороченная зона прироста годового кольца на внешнем крае чешуи этого вида (см. рис. 3, 3). Стерлядь осуществляет нерестовые миграции в течение июня, придерживаясь придонных горизонтов крупных рек. Карасям миграционная активность не свойственна, они размножаются в летний период, агрегируя в скопления в хорошо прогреваемых мелководьях озера и в разливах поймы рек. Таким образом, преобладание карасей в образце из ямы 32 и стерляди в образце из ямы 33 показывает, что лов рыб проведен в летний сезон, но на разных участках рек или в разных водоемах / водотоках.

Низкая численность рыб в образцах раннего железного века (объекты 7, 10, 12), по всей видимости, связана с периодом межени (июль – август), поскольку во второй половине лета рыба распределяется по гидросети на нагул, не образует каких-либо скоплений, что отражается в низкой эффективности лова. Эту версию подтверждает широкая зона прироста годового кольца на внешнем крае чешуи рыб в образцах из объекта 7 и ямы 32 (см. рис. 3).

Таким образом, различия в сезонном поведении и закономерностях распределения рыбы – основная причина монотипного состава рыб (явного преобладания одного из видов) в образцах. Следовательно, по видовому составу и численности рыбы в сравниваемых образцах можно предположить существенные различия во времени захоронения останков рыбы (см. табл.), поскольку ее отлов осуществляли в разные сезоны года и, возможно, разными орудиями лова и носителями разных культурных традиций.

Объекты саргатской культуры. Очевидно, большое значение имеет ситуация, создаваемая в процессе совершения обряда: кости животных были сосредоточены в объектах, расположенных в западном крыле рва, а объекты с останками рыбы – в восточном (см. рис. 1). Однако среди них имеются объекты, в которых находились не только рыба, но и кости птицы (объект 7) и кости животных (объект 13, лошадь). Особо следует выделить объект 10 – он представляет собой приклад, куда вошли не только орудия и костные останки животных, но и рыба. Определение рыбы как части погребального обряда саргатского населения предложено впервые.

Останки рыбы в кургане, бесспорно, свидетельствуют о том, что население саргатской культуры, оставившее данный памятник, практиковало рыболовство наряду со своим основным занятием – скотоводством. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с адаптацией населения к окружающей природной среде. Бараба привлекала человека обилием природных ресурсов, способствующих развитию экономики, достаточно мягким для высоких широт климатом, наличием водных и сухопутных путей [Миддендорф, 1871; Панаяди, 1953], а также богатством флоры, фауны, ихтиофауны. Ведущую роль здесь играл уникальный природный оазис, каким является так называемое «урочище Таи», расположенное в месте слияния Оми и Тартаса. В весенние паводки огромные пространства поймы, которые были сформированы ледником еще в плейстоцене, затопляются (и в настоящее время). При этом вторая надпойменная терраса не затопляется даже в годы самых активных паводков. Уже неоднократно было отмечено, что урочище Таи являло собой уникальный оазис, представляющий в любые периоды трансгрессивных или регрессивных проявлений климата чрезвычайно привлекательную зону для человека [Молодин, 2016; Молодин, Мыльникова, 2021]. Во времена сильных обводнений Таи становится огромным проточным озером, богатым рыбой. Огромная площадь водоема, обогащаемого кислородом, при незначительной глубине и сегодня является нерестилищем и одновременно легко доступным для человека водоемом с большими рыбными запасами. Существенно и то, что добыча рыбы здесь не составляла особого труда и включала самые разные (в том числе простейшие) приемы рыболовства.

В фазы регрессии (периоды низкой водности) в первую половину лета площади открытой воды резко сокращались с запада до основного русла реки Тартас, а с юга – до «очерчиваю-

щей» урочище реки Омь. В этот период пространство урочища Таи освобождалось от воды и превращалось в луга с богатейшими запасами травы, служившими прекрасной кормовой базой для скота. Такая ситуация способствовала развитию разных форм скотоводческого уклада.

Усть-Тартасский могильник – не исключение, останки рыбы в Барабе найдены также на памятнике Венгерово-6. В погребении № 2, в юго-восточном углу могилы, неглубокая ямка была заполнена чешуей и костями [Молодин и др., 2011, с. 190]. В погребении № 5 были найдены кости и клюв водоплавающей птицы, а также жаберные крышки крупной щуки. В заполнении погребений № 1 и 3 также зафиксированы кости рыбы. Среди ихтиологических останков выявлены такие виды рыбы, как щука и карась [Кобелева, 2014].

Заключение

Как отмечено выше, в Притоболье останки рыбы обнаружены в материалах Тютринского, Савиновского и Гаевского могильников [Матвеева, 1993а; Матвеева и др., 2005]. Имеются сведения об использовании рыбы в погребальном обряде сарматского населения (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Исследователи отмечают, что останки рыбы свидетельствуют о существовании рыболовства у сармат, однако оно не получило широкого распространения. В то же время, видимо, у кочевников некоторые кости рыб наделялись сакральными функциями, выполняли роль амулетов или ритуальных предметов, использовавшихся преимущественно в женском обиходе [Купцов, Крюкова, 2016].

Обнаружение останков рыбы в погребальном комплексе кургана № 51 Усть-Тартасского могильника имеет большое значение для характеристики культуры саргатского населения Барабы. Для скотоводов любого типа рыболовство не было жизнеобеспечивающей отраслью. Однако их адаптация к естественным природным условиям Барабинского региона с его природными оазисами, как мы можем заключить, была довольно успешной, так как рыба стала частью погребального обряда, наряду с продуктами животного происхождения. Зачастую она находилась с ними в одних объектах, была включена в приклады, что соотносится с ритуальными действиями.

Список литературы

- Кобелева Л. С.** Культурная адаптация населения раннего железного века барабинской лесостепи на основе исследования ихтиологических и орнитологических материалов // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдилов, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань, 2014. С. 205–207.
- Корякова Л. Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 239 с.
- Купцов Е. А., Крюкова Е. А.** Кости рыб в сарматских погребениях VI в. до н. э. – IV в. н. э. // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: Сб. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 131–137.
- Либерман Е. Л., Чемагин А. А.** Некоторые морфометрические и биологические характеристики язя *Leuciscus idus* (Linnaeus, 1758) Нижнего Иртыша // Вестник АГТУ. Серия: Рыбное хозяйство. 2017. № 1. С. 46–51.
- Матвеева Н. П.** Саргатская культура на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993а. 175 с.
- Матвеева Н. П.** Рафайловское городище – памятник Саргатской культуры Среднего Притоболья // РА. 1993б. № 1. С. 148–163.
- Матвеева Н. П.** Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

- Матвеева Н. П., Ларина Н. С., Берлина С. В., Чикунова И. Ю.** Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
- Миддендорф А. Ф.** Бараба. Записки Академии наук. СПб., 1871. 123 с.
- Молодин В. И.** Природные оазисы в Барабинской лесостепи как основа жизнеобеспечения древнего человека // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2016. Вып. 5.4.2. С. 121–124.
- Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Конева Л. А.** Рыба в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2015. № 3 (43). С. 59–72.
- Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Конева Л. А.** Рыба в погребальной и ритуальной практике одиновской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь) // Вестник ТГУ. История. 2019. № 62. С. 170–179.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. П., Сальникова И. В., Борzych К. Л.** Аварийные раскопки могильника саргатской культуры Венгерово-6 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 188–194.
- Молодин В. И., Конева Л. А., Чемякина М. А., Степаненко Д. В., Позднякова О. А.** Икhtiологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 25–36.
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н.** Концентрация элитных курганов в Барабе: природные и социокультурные факторы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. Вып. 27. С. 237–249.
- Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Кудинова М. А., Ненахов Д. А., Ненахова Ю. Н., Нестерова М. С., Селин Д. В., Борzych К. А., Бобин Д. Н., Кравцова А. С., Некраш А. А., Попова Б. С., Титова А. А., Харитонов Р. М., Швецова Е. С.** Элитный курган № 51 Усть-Тартасского могильника. Общие сведения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 647–655.
- Панади А. Д.** Барабинская низменность. М., 1953. 231 с.
- Полосьмак Н. В.** Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Промоторова Е. Ю.** Экология карповых рыб бассейна нижнего Иртыша: Монография / Минобрнауки России, ТГУ. Тамбов: Юком, 2019. 80 с.
- Третьякова Т. В.** Анализ размерно-возрастной структуры стерляди нижнего течения реки Иртыш в аспекте сохранения ее запасов // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (часть 6). С. 1306–1310.
- Шерышова А. В., Ефимов С. Б.** О внутривидовой структуре язя *Leuciscus idus* (L., 1758) Нижней Оби и Нижнего Иртыша // Вестник рыбохозяйственной науки. 2014. Т. 1, № 3 (3). С. 70–74.

References

- Kobeleva L. S.** Kul'turnaya adaptatsiya naseleniya rannego zheleznogo veka barabinskoi lesostepi na osnove issledovaniya ikhtiologicheskikh i ornitologicheskikh materialov [Cultural adaptation of the population of the Early Iron Age of the Barabinsk forest-steppe based on the study of ichthyological and ornithological materials]. In: Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.). Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceed-

- ings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, 2014, pp. 205–207. (in Russ.)
- Koryakova L. N.** Rannii zhelezny vek Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: UrSU Press, 1988, 239 p. (in Russ.)
- Kuptsov E. A., Kryukova E. A.** Kosti ryb v sarmatskikh pogrebeniyakh VI v. do n. e. – IV v. n. e. [Fish bones in Sarmatian burials of the VI century BC – IV century AD] In: Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX Mezhdunar. nauch. konf. “Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii”, posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova [Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology. Materials of the IX International Scientific Conference “Problems of Sarmatian archeology and History” dedicated to the 100th anniversary of the birth of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Collection of articles. Orenburg, OSPU Press, 2016, pp. 131–137. (in Russ.)
- Liberman E. L., Chemagin A. A.** Nekotorye morfometricheskie i biologicheskie kharakteristiki yazya *Leuciscus idus* (Linnaeus, 1758) Nizhnego Irtysha [Some morphometric and biological characteristics of the Lower Irtysh ide *Leuciscus* (Linnaeus, 1758)]. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University Series: Fisheries*, 2017, № 1, pp. 46–51. (in Russ.)
- Matveeva N. P.** Sargatskaya kul'tura na Tobole [Sargat culture on Tobol]. Novosibirsk: Nauka, 1993, 175 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P.** Rafailovskoe gorodishche – pamyatnik Sargatskoi kul'tury Srednego Pritabol'ya [Rafailovskoye settlement – a monument of the Sargat culture of the Middle Pritoboliya]. *Russian Archaeology*, 1993, no. 1, pp. 148–163. (in Russ.)
- Matveeva N. P.** Rannii zhelezny vek Priishim'ya [Early Iron Age of Priishimya]. Novosibirsk, Nauka, 1994, 152 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Larina N. S., Berlina S. V., Chikunova I. Yu.** Kompleksnoe izuchenie uslovii zhizni drevnego naseleniya Zapadnoi Sibiri (problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii v rannem zheleznom veke) [Comprehensive study of the living conditions of the ancient population of Western Siberia (problems of socio-cultural adaptation in the early Iron Age)]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 228 p. (in Russ.)
- Middendorf A. F.** Baraba. Zapiski Akademii Nauk [Baraba. Notes of the Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1871, 123 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Prirodnye oazisy v Barabinskoi lesostepi kak osnova zhizneobespecheniya drevnego cheloveka [Natural oases in the Barabinsky forest-steppe as the basis for the life support of an ancient person]. In: *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of Ancient and Traditional Societies]. Tyumen, 2016, iss. 5.4.2, pp. 121–124. (in Russ.)
- Molodin V. I., Durakov I. A., Kobeleva L. S., Koneva L. A.** Ryba v pogrebal'noi praktike andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury (po materialam mogil'nika Tartas-1, Barabinskaya lesostep', Zapadnaya Sibir') [Fish in the funerary practice of the Andronovo (Fedorovskaya) culture (based on the materials of the burial ground Tartas-1, Barabinsk forest-steppe, Western Siberia)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Ethnography of Eurasia], 2015, no. 3 (43), pp. 59–72. (in Russ.)
- Molodin V. I., Durakov I. A., Kobeleva L. S., Koneva L. A.** Ryba v pogrebal'noi i ritual'noi praktike odinovskoi kul'tury v Barabinskoi lesostepi (po materialam mogil'nika Tartas-1, Barabinskaya lesostep') [Fish in the funerary and ritual practice of the Odin culture in the Barabinsk forest-steppe (based on the materials of the burial ground Tartas-1, Barabinsk forest-steppe)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History], 2019, no. 62, pp. 170–179. (in Russ.)
- Molodin V. I., Efremova N. S., Durakov I. A., Mylnikova L. P., Salnikova I. V., Borzyx K. L.** Avariinye raskopki mogil'nika sargatskoi kul'tury Vengerovo-6 [Emergency excavations of the Sargat culture burial ground of Vengerovo-6]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology

- of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2011, vol. 17, pp. 188–194. (in Russ.)
- Molodin V. I., Koneva L. A., Chemyakina M. A., Stepanenko D. V., Pozdnyakova O. A.** Ikhtiologicheskie materialy iz ritual'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury pamyatnika Preobrazhenka-6 [Ichthyological materials from the ritual complexes of the Odin culture of the Preobrazhenka-6 monument]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Ethnography of Eurasia], 2012, no. 2 (50), pp. 25–36. (in Russ.)
- Molodin V. I., Mylnikova L. N.** Kontsentratsiya elitnykh kurganov v Barabe: prirodnye i sotsiokul'turnye faktory [Concentration of elite mounds in Baraba: natural and sociocultural factors]. In: Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. A Collection of scientific articles. Barnaul: Altay State Uni. Press, 2021, iss. 27, pp. 237–249. (in Russ.)
- Mylnikova L. N., Molodin V. I., Durakov I. A., Efremova N. S., Kobeleva L. S., Kudinova M. A., Nenakhov D. A., Nenakhova Yu. N., Nesterova M. S., Selin D. V., Borzykh K. A., Bobin D. N., Kravtsova A. S., Nekrash A. A., Popova B. S., Titova A. A., Kharitonov R. M., Shvetsova E. S.** Elitnyi kurgan № 51 Ust'-Tartasskogo mogil'nika. Obshchie svedeniya [Elite burial mound No. 51 of the Ust-Tartas burial ground. General information]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 647–655. (in Russ.)
- Panadiadi A. D.** Barabinskaya nizmennost' [Barabinsk lowland]. Moscow, 1953, 231 p. (in Russ.)
- Polosmak N. V.** Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 144 p. (in Russ.)
- Promotorova E. Yu.** Ekologiya karpovykh ryb basseina nizhnego Irtysha [Ecology of cyprinid fishes of the Lower Irtysh basin]. Monograph. Tambov, Yukom, 2019, 80 p. (in Russ.)
- Sheryshova A. V., Efimov S. B.** O vnutrividovoi strukture yazya Leuciscus idus (L., 1758) Nizhnei Obi i Nizhnego Irtysha [On the intraspecific structure of the ide Leuciscus idus (L., 1758) of the Lower Ob and Lower Irtysh]. *Vestnik rybokhozyaistvennoi nauki* [Bulletin of Fisheries Science], 2014, vol. 1, no. 3 (3), pp. 70–74. (in Russ.)
- Tretyakova T. V.** Analiz razmerno-voznosnoi struktury sterlyadi nizhnego techeniya reki Irtysh v aspekte sokhraneniya ee zapasov [Analysis of the size and age structure of the sterlet of the lower reaches of the Irtysh River in the aspect of conservation of its reserves] *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 11 (pt. 6), pp. 1306–1310. (in Russ.)

Информация об авторах

Елена Николаевна Ядренкина, доктор биологических наук

Людмила Николаевна Мыльникова, доктор исторических наук

Scopus Author ID 11239899900

WoS Researcher ID ABA-4467-2021

RSCI Author ID 74040

SPIN 2343-4581

Алина Анатольевна Некраш, лаборант ИАЭТ СО РАН

Александра Вячеславовна Титова, лаборант ИАЭТ СО РАН

Information about the Authors

Elena N. Yadrenkina, Doctor of Sciences (Biology)

Ludmila N. Mylnikova, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 11239899900

WoS Researcher ID ABA-4467-2021

RSCI Author ID 74040

SPIN 2343-4581

Alina A. Nekrash, Laboratory Assistant at the IAET SB RAS

Alexandra V. Titova, Laboratory Assistant at the IAET SB RAS

Статья поступила в редакцию 15.09.2022;

одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 14.01.2023

The article was submitted on 15.09.2022;

approved after reviewing on 30.12.2022; accepted for publication on 14.01.2023

Научная статья

УДК 904.59(510)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-80-90

Культовый комплекс в Занскаре: анализ, интерпретация

Наталья Викторовна Полосьмак¹

Мохаммад Ажмал Шах²

Лидия Викторовна Зоткина³

^{1,3} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Кашмирский университет
Шринагар, Индия

¹ polosmaknatalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3760-265X>

² shahajmal7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7545-8233>

³ lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

Аннотация

Рассматривается культовый комплекс у деревни Зангла на севере Занскара (союзная территория Ладак, Индия, на западе Тибета). На этой территории, как и везде в Индийском Тибете, археологические раскопки не проводятся. Только случайно можно найти археологические свидетельства древних культов. При изучении изображения Авалокитешвары, выбитого на большом валуне, рядом с ним в земле был обнаружен глиняный сосудик. Внутри сосудика находились хрустальная бусина, железная пластина, бирюзовая вставка, две косточки с отверстиями. Анализ содержимого сосудика показал, что в нем первоначально находился кусочек мяса. Всё перечисленное являлось подношением бодхисаттве Авалокитешваре, но не только ему. В Тибете буддизм не вытеснил народную религию и древние культы. Предметы, сложенные в сосудик, могли предназначаться местным божествам лха и ценам, от которых зависела судьба человека. Их местом обитания были заметные камни. Само подношение в сосуде каменному изваянию находит близкие аналогии в тюркском мире. В древнетюркских поминальных сооружениях возле основания каменных фигур при раскопках были обнаружены керамические и серебряные сосуды, которые использовались для жертвенных приношений и возлияний при совершении поминальных обрядов. Вероятно, традиция подобных подношений была широко распространена в эпоху Средневековья в Центральной Азии.

Ключевые слова

Тибет, буддийские изображения на камне, Авалокитешвара, приношения божествам, аналогии в культуре центральноазиатских тюрок

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта: Archaeological studies of migration routes from Central Asia to Kashmir AZ 16/BE/15 (Gerda Henkel Stiftung Foundation).

Авторы выражают глубокую признательность Е. Николаевой-Джоши за перевод текста на камне.

Для цитирования

Полосьмак Н. В., Шах М. А., Зоткина Л. В. Культовый комплекс в Занскаре: анализ, интерпретация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 80–90. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-80-90

© Полосьмак Н. В., Шах М. А., Зоткина Л. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 80–90

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 80–90

Cult Complex in Zanskar: Analysis, Interpretation

Natalia V. Polosmak¹, Mohammad Ajmal Shah²

Lydia V. Zotkina³

^{1,3} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² University of Kashmir
Srinagar, India

¹ polosmaknatalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3760-265X>

² shahajmal7@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7545-8233>

³ lidiazotkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1912-3882>

Abstract

Purpose. The study investigates a Buddhist image on a standalone stone and an offering contained in a clay vessel. The cult complex is located near Zangla, not far from the Changut Choeling female monastery, in the north of Zanskar (Ladakh, India).

Results. The image depicts the bodhisattva Avalokiteśvara, the patron deity of Tibet. The clay vessel (73 mm in height) found near the stone contains a square iron plate (~25x25 mm) with traces of insets, one of turquoise; a transparent crystal bead; and two perforated bones. An examination of the vessel contents revealed that it originally contained a piece of meat or some blood. Based on a traceological analysis of the bone items, they appear to have been worn on a cord. All the items in the vessel are of special significance in the Buddhist culture as well as folk religion of Tibet. They could have served as offerings to Avalokiteśvara as well as local patron deities – btsan and lha, who were believed to live in that stone. After all, Buddhism in Tibet became part of the folk religion. The tradition of making offerings in a vessel placed at the foot of a stone with a divine image has parallels in the culture of Central Asian Turks. Excavations of Turkic mortuaries have revealed silver, as well as ceramic, vessels at the foot of heroic figures. Researchers believe that they were used for sacrificial offerings and for drinks in funeral rituals. Like in Zanskar, such vessels were left on the surface, and over a thousand years must have passed before they became fully covered with earth so that they would later be found during excavations.

Conclusion. Offerings in vessels placed at the foot of stone statues of deities and ancestors, as well as stones accommodating local patron spirits, appear to have been common among the peoples of Central Asia in the Middle Ages.

Keywords

Tibet, Buddhist stone images, Avalokiteśvara, divine offerings, parallels in the culture of Central Asian Turks

Acknowledgements

The research was supported by the grant: Archaeological studies of migration routes from Central Asia to Kashmir AZ 16/BE/15 (Gerda Henkel Stiftung Foundation).

The authors express their deep gratitude to E. Nikolaeva-Joshi for the translation of the text on the stone.

For citation

Polosmak N. V., Shah M. A., Zotkina L. V. Cult Complex in Zanskar: Analysis, Interpretation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 80–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-80-90

Введение

Территория Занскара богата буддийскими изображениями на каменных плитах и стелах. Большинство из них известны и неоднократно описаны (см., например: [Devers et al., 2015]). Другие погребены под землей или находятся в недоступной местности, или скрыты от глаз исследователей по другим причинам. Изваяния, с одной стороны, достаточно разнообразны, но в то же время однотипны. Разнообразны они по мастерству исполнения, используемым видам камня, размерам, местам установления, композиции, а сходство проявляют в наборе изображаемых образов, поскольку на них разными средствами и в разных сочетаниях изображались одни и те же образы почитаемых буддийских божеств. Одно из таких изображений возле женского монастыря Чангут чолин в Зангле стало объектом нашего исследования.

Описание изображения на камне

Место, где расположен монастырь, использовалось монахами задолго до его постройки: в округе много пещер, которые служили для уединения и медитации. На склоне горы напротив монастыря возвышаются старые полуразрушенные ступы, и рядом большой валун голубоватого цвета, который стал объектом изучения (рис. 1). Обычно образы буддийского пантеона изображены на гладких плитах либо на специально вырубленных подчетырехугольных стелах. Здесь же была использована природная подтреугольная форма валуна (рис. 1, 2). На его выпуклой гладкой поверхности вырезано изображение одного из самых почитаемых бодхисаттв – Авалокитешвары, который считается покровителем Тибета [Торчинов, 2023, с. 202]. Авалокитешвара и его магическая мантра МА НИ ПАД МЭ ХУМ сопровождают весь жизненный путь тибетца [Туччи, 2005, с. 255].

Рис. 1. Вид на камень с изображением Авалокитешвары со стороны женского монастыря (Зангла, Занскар, долина реки Занскар) (фото Н. В. Полосьмак)

Fig. 1. View of the stone depicting Avalokiteshvara from the nunnery (Zangla, Zanskar, Zanskar river valley) (photo by N. V. Polosmak)

Рис. 2. Изображение Авалокитешвары:

- 1 – фрагмент верхней части изображения Авалокитешвары на камне (фото Н. В. Полосьмак);
2 – прорисовка изображения Авалокитешвары (Зангла, Занскар) (выполнена Е. В. Шумаковой)

Fig. 2. The image of Avalokiteshvara:

- 1 – a fragment of the upper part of the Avalokitesvara image on the stone (photo by N. V. Polosmak);
2 – drawing of the image of Avalokiteshvara (Zangla, Zanskar) (by E. V. Shumakova)

Авалокитешвара в виде Падмапани («имеющий лотос в руке») изображен сидящим на лотосовом троне в позе *лалитасана* – правая нога опущена. Его правая рука находится в жесте *варада-мудра* («дающий блага»), левая рука перед грудью в жесте защиты *абхайя-мудра*, в левой руке он держит свой атрибут – стебель лотоса – символ незапятнанной чистоты и духовного совершенства (см. рис. 2). На нем полный набор украшений: драгоценная корона, в которой изображение Будды Амитабхи заменяет *ратна* – драгоценность [Иванова, 2020, с. 28], венчающаяся полумесяцем, серьги, браслеты на руках, ожерелье на шее и груди. По обе стороны от лика изображены длинные тонкие пряди волос, спускающиеся по плечам. Слева от образа бодхисаттвы находятся изображения ритуальных предметов, которые используются в религиозных тантрических обрядах для символического изображения пяти чувств: зеркало на подставке – зрение; музыкальный струнный инструмент *лютня* – слух; чаша с плодами – вкус; чаша, на которой лежит раковина с благовониями, – обоняние; лента из шелка – осязание [Beer, 2009, p. 27–35].

Нельзя сказать, что это изображение было выполнено с особым мастерством. На камне заметны все недостатки: неуверенность и неточность линий, некоторое нарушение пропорций, безыскусное изображение предметов. Изображение подверглось «доработке» – были углублены линии рисунка на лице, не улучшившие его вид. Такого рода обновление священных изображений на каменных плитах или живописи на стенах монастырей и чортонов –

распространенное явление в Тибете, поскольку представляет собой возможность вновь прикоснуться к святыне и совершить благочестивый поступок. На обратной стороне валуна с изображением Авалокитешвары выбиты слова мантры Манджушри, Авалокитешвары и Ваджрапани¹. Высекание мантры – тоже один из благочестивых поступков, помогающих предотвратить пагубные последствия влияния многочисленных местных духов [Туччи, 2005, с. 223].

*Рис. 3. Святилище из рогов животных (Зангла, Занскар)
(фото Н. В. Полосьмак)*

*Fig. 3. Sanctuary made of animal horns (Zangla, Zanskar)
(photo by N. V. Polosmak)*

¹ На камне тибетскими буквами выбит санскритский текст прихода к Прибежищу: «Слава Учителю! Поклоняюсь Ламе, Поклоняюсь Учителю (Будде), Поклоняюсь Общине (учеников Будды)». И далее – три, известные всем мантры: «Ом ва ги шва ра мум»; «Ом Мани Падме Хум»; «Ом Ваджра Пани Хум» (перевод Е. Николаевой-Джоши).

Этот одинокий камень с изображением Авалакитешвары и сейчас является объектом поклонения местных жителей. Свидетельства тому можно увидеть в приношениях рогов домашних и иногда диких животных, сложенных огромной кучей на прямоугольной каменной кладке под холмом, на котором находится этот камень (рис. 3). Символика рогов уходит корнями в добуддийский период истории Тибета, когда тибетские князья – защитники учения бон – различались между собой рогами, украшавшими их головные уборы. Рога, по легенде, могли быть сделаны из разных материалов – золото, кораллы, бирюза, железо и др. [Туччи, 2005, с. 296–297]. А сейчас рога домашних животных, чаще всего козлов, нередко вместе с черепом, можно увидеть выставленными на подоконниках окон жилых домов, повешенными в буддийских храмах на стенах, колоннах, либо, как в данном случае, они составляют своего рода святилище. Все эти приношения – сохранившиеся знаки древней религии бон, в которую они пришли из еще более древних народных верований и представлений. Как считает Дж. Туччи, в Тибете буддизм в определенной степени стал составной частью народной религии, соединившись с ней во всех сферах [Там же, с. 261].

Результаты исследования содержимого глиняного сосуда

Перед камнем был обнаружен маленький глиняный сосудик: из земли виднелся только крохотный кусочек его венчика. Сосудик высотой 73 мм, был заполнен глинистой почвой (рис. 4; 5). На дне находились железная квадратная пластина (примерно 25 × 25 мм) со следами утраченных вставок. Одна сохранившаяся вставка была сделана из бирюзы (рис. 6, 1). В заполнении сосуда была обнаружена прозрачная бусина цилиндрической формы из горного хрусталя (определения сделаны канд. геол.-минерал. наук Н. А. Кулик) (рис. 6, 2) и остатки двух костяных изделий с просверленными отверстиями (рис. 6, 3, 4). Обнаруженные в сосуде предметы были тщательно изучены, поскольку это первая находка такого рода на территории Занскара, и ей нет аналогов.

Рис. 4. Глиняный сосудик, расчищенный на месте находки (Зангла, Занскар) (фото Н. В. Полосьмак)

Fig. 4. A clay vessel cleared at the place of the find (Zangla, Zanskar) (photo by N. V. Polosmak)

Бусина из горного хрусталя, вероятно, была изготовлена в Кашмире. Известно, что во времена Бируни (XI в.) именно там производилась обработка хрусталя. «Из Кашмира, – пишет Бируни, – вывозят хрусталь или в виде необработанных кусков, или в виде выточенных из него сосудов, чаш, шахматных фигур, пешек для нард и бус величиной с орех» [ал-Бируни, 2011, с. 421]. Возможно, что происхождение обнаруженной в сосуде бусины связано с Кашмиром, как и многое другое в буддийской культуре Ладака. Сама бусина представляет собой буддийскую драгоценность: хрусталь наряду с золотом и серебром состоит в одном из отмеченных в индо-тибетской традиции перечней семи драгоценных металлов и камней [Андросов, 2011, с. 337].

Рис. 5. Глиняный сосудик и его содержимое (фото Л. П. Кундо)
Fig. 5. Clay vessel and its contents (photo by L. P. Kundo)

Рис. 6. Предметы, обнаруженные в сосуде (макросъемка Л. П. Кундо):
1 – бирюзовая вставка; 2 – хрустальная бусина; 3, 4 – косточки с просверленными отверстиями
Fig. 6. Items found in the vessel (macro photography by L. P. Kundo):
1 – turquoise insert; 2 – crystal bead; 3, 4 – bones with drilled holes

Хотя железная пластина с единственной сохранившейся вставкой из бирюзы в настоящее время состоит только из окислов, ее форма и рельеф повторяют известные украшения, которые можно увидеть выгравированными на груди каменных изображений бодхисаттв в Занскаре. Можно предположить, что эта небольшая хрупкая пластина была имитацией драгоценного украшения и приношением божеству.

Из всех обнаруженных в сосуде артефактов наиболее информативными с точки зрения трасологических характеристик оказались два изделия с отверстиями. Первоначально было высказано предположение, что они выполнены из фрагментов ракушечника, однако после консультации со специалистами-геологами удалось выяснить, что оба эти предмета выполнены из субфоссильной кости, т. е. захороненной относительно недавно, вследствие чего замещение органических веществ минеральными произошло не полностью.

Подквадратная подвеска представляет собой небольшой фрагмент субфоссильной кости с отверстием (рис. 6, 3). Нижняя часть предмета обломана, однако большая часть его поверхности сглажена и имеет мягкие и ровные очертания с минимально выраженным макрорельефом. Возможно, в качестве материала был взят фрагмент уже частично окаменевшей или окатанной кости, что может объяснять отсутствие ярко выраженных следов придания предмету формы, а также довольно ровную текстуру поверхности изделия в целом. Другой предмет, выполненный из такого же материала, – это удлиненная пронизка с узким отверстием, сделанным вдоль фрагмента (рис. 6, 4). Этот предмет оказался менее информативен в плане наличия следов. По-видимому, была взята природная форма, и материал не подвергся практически никакой специальной обработке. Единственный признак видоизменения поверхности сырья, который удалось обнаружить, – это сглаженность на краю с одной стороны отверстия. Следы очень схожи с теми, которые рассмотрены выше, при описании подвески. Они тоже могут указывать на использование предмета. Подводя итоги трасологического исследования, можно говорить о следах сверления и заполировки от ношения предметов, вероятно, на шнурке.

Кроме вещей, о которых сообщалось выше, сосудик первоначально был заполнен какой-то мясной пищей. Возможно, там находился кусочек мяса, поскольку внутри было обнаружено большое количество мушиных puparий, скорее всего, из семейства Calliphoridae и, может быть, Sarcophagidae – мясных мух (по определению В. Зеленина). Остатки хитиновых покровов личинок могут указать на сезон, когда сосудик был установлен возле камня с изображением божества: это был летний период, до конца августа.

Кровавые жертвы (мясные или кровавые приношения) являются частью определенных защитных и очистительных ритуалов, посвященных сунма (srung ma), мамо (ma mo) и тэнма (brtan ma) – группе женских божеств-защитниц [Туччи, 2005, с. 260]. Этим божествам приносят в жертву мясо и кровь животных, например мясо черной лошади, дикой ослицы, черной собаки, а лучшей жертвой считается человеческое сердце, но это уже давно не практикующиеся отголоски древних ритуалов.

Всё содержимое сосуда было приношением запечатленному на камне божеству – Авалакитешваре, но не только ему. В Тибете с приходом буддизма народная религия никуда не делась: буддийские божества, привнесенные из Индии, сосуществовали с местными божествами и духами. И обнаруженные нами приношения могли предназначаться и заметному одинокому камню, в котором находят прибежище духи – владыки местности – лха (lha) и центы (btsan), от них зависит судьба человека. Надо полагать, что вокруг в земле находится еще много разных подобных даров, скрытых временем. Раскопки производить в этих местах запрещено традицией.

Аналогии

Аналогичные приношения практиковались перед каменными древнетюркскими изваяниями Саяно-Алтая. Там при раскопках в поминальных сооружениях возле основания каменных фигур были обнаружены не только керамические, но и серебряные сосуды. По мнению исследователей, они использовались для жертвенных приношений и возлияний при совершении поминальных ритуалов [Кубарев, 1984; 1997, с. 27–29].

Аналогии с тюркским миром вполне уместны в данном случае. Тюркские изваяния хотя и являются артефактами иного порядка, нежели синхронные им буддийские, не избежали

влияния буддийской иконографии. Так, целый ряд каменных тюркских женских изваяний имеет трехзубую корону на голове, аналогичную коронам буддийских божеств. Исследователи по-разному трактуют эти образы. Л. Р. и И. Л. Кызласовы считают их изображениями богини Умай [Кызласов, 1949, с. 49–52; Кызласов, 1998, с. 46]. С. М. Ахинжанов называет их шаманками [1978, с. 69]. Схожего мнения придерживались К. М. Байпаков и Г. А. Терновая [2005, с. 135]. Ю. С. Худяков и К. Ш. Табалдиев полагают, что трехзубчатые головные уборы были широко распространены как у знатных, так и у обычных женщин тюркоязычных народов Центрально-Азиатского региона (Тянь-Шаня, Семиречья, Саяно-Алтая) [Худяков и др., 1997; Табалдиев, Худяков, 1999; 2000]. Эту точку зрения разделяет Г. В. Кубарев [2017]. Такое разнообразие мнений свидетельствует о том, что однозначное решение не найдено. Также остается открытым вопрос, откуда и по какой причине появились эти «короны» на головах тюркских женщин. Нам кажется очевидной связь между трехрогими коронами буддийских божеств и трехзубыми коронами тюркских женских изваяний и изображений. Эта корона – то небольшое, что пришло в тюркскую иконографию из буддизма.

Заключение

Случайное обнаружение возле камня с изображением Авалокитешвары сосуда с символическим содержанием, описанным и проанализированным в данной статье, позволяет полагать, что приношения в сосудах каменным изваяниям практиковались не только тюрками, но и тибетцами. Сосуды оставляли на поверхности, и более тысячи лет они покрывались землей. В настоящее время их не видно, и, чтобы найти такие приношения, необходимы раскопки.

Небольшой культовый комплекс в Зангла состоит из изображения бодхисаттвы Авалокитешвары, вырезанного на одиноко стоящем камне, сосуда с приношениями и святилища с рогами диких и домашних животных. Этот комплекс является отражением характерного для этой части Тибета сочетания народной религии и буддийских традиций.

Список литературы

- ал-Бируни** Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого; ст. и примеч. А. М. Беленицкого, Г. Г. Леммлейна; под ред. И. М. Стеблин-Каменского, В. П. Никонорова; вступ. ст. И. М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева, В. П. Никонорова, Н. П. Юшкина. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. 600 с.
- Андросов В. П.** Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011. 448 с.
- Ахинжанов С. М.** Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 65–79.
- Байпаков К. М., Терновая Г. А.** Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы: Баур, 2005. 236 с.
- Иванова Е. В.** Изображения Авалокитешвары и Гуаньинь из материковой Восточной Азии в собрании МАЭ РАН (иконографические формы) // Этнография. 2020. № 1. С. 22–43. DOI 10.31250/2618-8600-2020-1(7)-22-43
- Кубарев В. Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
- Кубарев В. Д.** Каменные изваяния Алтая. Новосибирск; Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1997. 182 с.
- Кубарев Г. В.** Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1. С. 93–103. DOI 10.17746/1563-0110.2017.45.1.093-103

- Кызласов И. Л.** Изображение Тенгри и Умай на Сулукской писанице // ЭО. 1998. № 4. С. 39–53.
- Кызласов Л. Р.** К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 48–54.
- Табалдиев К. Ш., Худяков Ю. С.** Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 55–81.
- Табалдиев К. Ш., Худяков Ю. С.** Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 65–85.
- Торчинов Е. А.** Введение в буддизм. М.: Изд-во АСТ, 2023. 512 с.
- Туччи Дж.** Религии Тибета. СПб.: Евразия, 2005. 448 с.
- Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А.** Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // РА. 1997. № 3. С. 142–147.
- Beer R.** The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Boston: Shambhal, 2009, 262 p.
- Devers Q., Bruneau L., Vernier M.** An archaeological survey of the Nubra Region (Ladakh, Jammu and Kashmir, India) Prospections archéologiques dans la région de la Nubra (Ladakh, Jammu et Cachemire, Inde) // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2015, № 46, pp. 1–64.

References

- al-Biruni.** Abu-r-Raikhan Mukhammed ibn Akhmed. Sobranie svedenii dlya poznaniya dragotsennostei (Mineralogiya) [Collection of information for the knowledge of jewelry (Mineralogy)]. Transl. from Arabic by A. M. Belenitsky; articles and notes by A. M. Belenitsky and G. G. Lemmlein; ed. by I. M. Steblin-Kamensky and V. P. Nikonorov; introductory articles by I. M. Steblin-Kamensky, D. Abdulloev, V. P. Nikonorov and N. P. Yushkin. St. Petersburg, Peterburgskoe Lingvisticheskoe Obshchestvo Publ., 2011, 600 p. (in Russ.)
- Akhinzhanov S. M.** Ob etnicheskoi prinadlezhnosti kamennykh izvayanii v “trekhrogikh” golovnykh uborakh iz Semirech'ya [On the ethnicity of stone sculptures in “three-horned” head-dresses from Semirechye]. In: Arheologicheskie pamyatniki Kazakhstana [Archaeological Sites of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1978, pp. 65–79. (in Russ.)
- Androsova V. P.** Indo-tibetskii buddizm. Entsiklopedicheskii slovar' [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Orientaliya Publ., 2011, 448 p. (in Russ.)
- Baipakov K. M., Ternovaya G. A.** Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana (po materialam gorodischa Kuiryktobe) [Religions and cults of medieval Kazakhstan (based on the materials of the settlement of Kuiryktobe)]. Almaty, Baur Publ., 2005, 236 p. (in Russ.)
- Beer R.** The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. Boston, Shambhal, 2009, 262 p.
- Devers Q., Bruneau L., Vernier M.** An archaeological survey of the Nubra Region (Ladakh, Jammu and Kashmir, India) Prospections archéologiques dans la région de la Nubra (Ladakh, Jammu et Cachemire, Inde). *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 2015, no. 46, pp. 1–64.
- Ivanova E. V.** The images of Avalokiteshvara and Guanyin from the mainland East Asia in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography of the of the Russian Academy of Sciences (iconographic forms). *Etnografika*, 2020, no. 1, pp. 22–43. (in Russ.) DOI 10.31250/2618-8600-2020-1(7)-22-43
- Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Soltobaev O. A.** New Finds of Old Turks Art Objects in Tien-Shan. *Rossiiskaya arkheologiya*, 1997, no. 3, pp. 142–147. (in Russ.)
- Kubarev G. V.** Old Turkic Statues from Apshiyakta, Central Altai: On Female Representations in Turkic Monumental Art. *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, no. 45, pp. 93–103. DOI 10.17746/1563-0110.2017.45.1.093-103

- Kubarev V. D.** Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya [Ancient Turkic statues of Altai]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 232 p. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** Kamennye izvayaniya Altaya [Stone statues of Altai]. Novosibirsk, Gorno-Altaysk, Ak Chechek Publ., 1997, 182 p. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Izobrazhenie Tengri i Umay na Sulekskoy pisanitse [Image of Tengri and Umay on the Sulek petroglyphs]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, no. 4, pp. 39–53. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** K istorii shamanskikh verovanii na Altae [On the history of shamanistic beliefs in Altai]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1949, iss. 29, pp. 48–54. (in Russ.)
- Tabaldiev K. Sh., Khudyakov Yu. S.** Drevnetyurkskii pamyatnik Besh-Tash-Koroo [Ancient Turkic monument Besh-Tash-Koroo]. In: Pamyatniki kul'tury drevnikh tyurok v Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Monuments of the culture of the ancient Turks in South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 1999, pp. 55–81. (in Russ.)
- Tabaldiev K. Sh., Khudyakov Yu. S.** Drevnetyurkskie pominal'nye pamyatniki na Tyan'-Shane (po materialam issledovaniy Narynskogo otryada) [Ancient Turkic memorial complexes in the Tien Shan (based on research materials of the Naryn detachment)]. In: Pamyatniki drevnetyurkskoi kul'tury v Sayano-Altae i Tsentral'noi Azii [Monuments of ancient Turkic culture in the Sayano-Altai and Central Asia]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2000, pp. 65–85. (in Russ.)
- Torchinov E. A.** Vvedenie v buddizm [Introduction to Buddhism]. Moscow, AST Publ., 2023, 512 p. (in Russ.)
- Tucci G.** Religii Tibeta [The Religions of Tibet]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2005, 448 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Викторовна Полосьмак, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
Мохаммад Ажмаль Шах, научный сотрудник
Лидия Викторовна Зоткина, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the Authors

Natalia V. Polosmak, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History)
Mohammad Ajmal Shah, Researcher
Lydia V. Zotkina, Candidate of Sciences (History), Researcher

*Статья поступила в редакцию 02.03.2023;
одобрена после рецензирования 02.04.2023; принята к публикации 02.04.2023
The article was submitted on 02.03.2023;
approved after reviewing on 02.04.2023; accepted for publication on 02.04.2023*

Научная статья

УДК 902.674

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-91-117

Новые страницы истории Берёзово: дендрохронологическое исследование

Владимир Станиславович Мыглан¹, Георгий Петрович Визгалов²
Захар Юрьевич Жарников³, Валентин Викторович Баринов⁴
Елена Николаевна Петрова⁵, Анна Владимировна Тайник⁶
Майя Олеговна Филатова⁷

^{1, 3, 4, 6} Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

² Сургутский государственный университет
Сургут, Россия

⁵ Научно-производственное объединение «Северная археология 1»
Сургут, Россия

⁷ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ v.mygla@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5268-653X>

² vizgalovgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6861-7715>

³ zaxari1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6505-0824>

⁴ nelisgar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3582-3440>

⁵ schoko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1528-4133>

⁶ tainik_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-6947>

⁷ mayaphylatova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>

Аннотация

Берёзов – это город с богатой историей. На территории археологического памятника Берёзовское городище сохранилось значительное количество древесины. Для ее календарной датировки был привлечен дендрохронологический метод, позволяющий установить время сооружения археологических памятников (заготовки древесины) с точностью до года / сезона. Материалом для дендрохронологических исследований, проведенных в Сибирской дендрохронологической лаборатории, послужили 190 образцов археологической древесины в виде спилов. Перекрестное датирование выполнялось по стандартной методике. В результате проведенного исследования была выполнена дендрохронологическая датировка археологических объектов Берёзовского городища (Берёзово, ХМАО). Было датировано 26 построек из девяти усадеб. Новые данные позволили соотнести их с выявленными ранее этапами периодизации застройки города, принять участие в дискуссии о времени основания города и апробировать новую методику пробоподготовки археологической древесины для дендрохронологического анализа.

Ключевые слова

дендрохронология, дендроархеология, археология русских, Берёзов

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00624 «Историческая урбанистика русских городов Севера Сибири: Берёзов»

© Мыглан В. С., Визгалов Г. П., Жарников З. Ю., Баринов В. В.,
Петрова Е. Н., Тайник А. В., Филатова М. О., 2023

Для цитирования

Мыглан В. С., Визгалов Г. П., Жарников З. Ю., Баринов В. В., Петрова Е. Н., Тайник А. В., Филатова М. О. Новые страницы истории Березово: дендрохронологическое исследование // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 91–117. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-91-117

New Pages in the History of Berezovo: A Dendrochronological Study

Vladimir S. Myglan¹, Georgy P. Vizgalov²
Zakhar Yu. Zharnikov³, Valentin V. Barinov⁴
Elena N. Petrova⁵, Anna V. Taynik⁶
Maya O. Phylatova⁷

^{1, 3, 4, 6} Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

² Surgut State University
Surgut, Russian Federation

⁵ Research and Production Association “Northern Archeology 1”
Surgut, Russian Federation

⁷ Institute of Archeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ v.myglan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5268-653X>

² vizgalovgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6861-7715>

³ zaxari1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6505-0824>

⁴ nelisgar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3582-3440>

⁵ schoko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1528-4133>

⁶ tainik_anna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7441-6947>

⁷ mayaphylatova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5828-4809>

Abstract

Berezov is a city with a rich history. A significant amount of wood has been preserved on the territory of the Berezovskoe gorodishe archaeological site. For its dating, the dendrochronological method was used, which makes possible to establish the time of construction of archaeological sites (wood harvesting) with an accuracy of up to a year/season. The material for dendrochronological studies carried out at the Siberian Dendrochronological Laboratory was 190 samples of archaeological wood in the form of saw cuts. Cross-dating was carried out according to the standard method. As a result of the study, dendrochronological dating of the archaeological sites of the Berezovsky settlement (Berezovo, Khanty-Mansi Autonomous Okrug) was carried out. Twenty-six buildings from nine estates were dated. The new data made it possible to correlate the buildings with the previously identified periodization stages in the city development. Also, authors were able to take part in a discussion about the time of the city's foundation, as well as to test a new method of preparing archaeological wood samples for dendrochronological analysis.

Keywords

dendrochronology, dendroarchaeology, archeology of Russians, Berezov

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00624 “Historical urban studies of Russian cities in the North of Siberia: Berezov”

For citation

Myglan V. S., Vizgalov G. P., Zharnikov Z. Yu., Barinov V. V., Petrova E. N., Taynik A. V., Phylatova M. O. New Pages in the History of Berezovo: A Dendrochronological Study. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 91–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-91-117

Введение

Берёзовское городище находится в исторической части поселка Берёзово (ранее город Берёзов) – административного центра Берёзовского района ХМАО, расположенного на левом

берегу реки Северная Сосьва – притока Оби. В прошлом благодаря выгодному географическому положению на пересечении путей из европейской части России к Нижней Оби (и далее по Иртышу в Среднее и Южное Зауралье) Берёзов долгое время был основным опорным пунктом русского освоения Нижнего Приобья. В условиях фронта он почти сразу стал военно-административным центром этой огромной территории.

Несмотря на имеющиеся письменные свидетельства, в настоящее время существуют разные точки зрения на вопрос о времени основания города и этапов его застройки. Согласно архивным источникам, город Берёзов был заложен летом 1593 г. воеводой Н. В. Траханиотовым, князем М. П. Волконским и головой И. Змеевым с целью подчинения и обложения ясаком местных «инородцев», а также осуществления контроля над торговыми путями: «А как де он (воевода П. И. Горчаков. – С. Т.) был на Берёзове, и до него и при нем торговые всякие люди со всякими товары зимним путем ходили на Берёзов с Выми через Камень на собаках, а летним де водяным путем из Сибири ходят с Берёзова и на Тобольской, а коли для поспешания – ино через Камень, не занимая Тобольска» [РИБ, 1875]. Эта же точка зрения нашла отражение в работах А. Т. Шашкова [2003] и Я. Г. Солодкина [2004]. Кроме того, существует альтернативный взгляд на время основания Берёзова. Так, по мнению ряда исследователей, город был основан раньше – в 1586–1587 гг. [Андреев, 1940; Резун, Васильевский, 1989; Миненко, 2000; Ромодановская, 2002]. Другими исследователями было высказано предположение, что на месте будущего Берёзовского острога ранее существовало русско-зырянское торгово-промышленное поселение [Проект зон..., 2011].

Не менее важной темой для исследования развития города является вопрос о периодизации застройки Берёзова. Проведенные в последние годы масштабные археологические раскопки на Берёзовском городище позволили получить большой массив фактических данных для выделения этапов развития города [Визгалов, 2008; 2010; Пархимович С. Ю., 2013; Кардаш, 2019; Пархимович С. Г., 2020; Проект зон..., 2011]. Результаты исследований показали, что в стратиграфии остатки построек разделены угольно-золистыми прослойками, которые предварительно могут быть соотнесены с датами известных крупных пожаров [Визгалов, Пархимович, 2010, с. 391–393]. Однако в историческом прошлом Берёзова пожары случались довольно часто, поэтому использование для календарной привязки только стратиграфического метода чревато ошибками.

Учитывая, что в Берёзовском городище сохранилось значительное количество древесины, наибольшие перспективы открывает привлечение дендрохронологического метода: он дает возможность установить время сооружения археологических памятников (заготовки древесины) с точностью до года / сезона (см. [Черных, 1996; Мыглан, Жарников, 2014] и др.). В нашем случае получение календарных дат сооружения каждой археологической постройки позволит осуществить точную привязку археологических строительных ярусов, т. е. верифицировать существующие варианты периодизации застройки Берёзовского городища.

Материалы и методы

За прошедшее десятилетие в ходе археологических исследований была раскопана значительная часть Берёзовского городища и найдены остатки большого количества археологизированных построек. Как это обычно бывает, после частых городских пожаров от деревянных сооружений сохранились только нижние венцы (от одного до трех). Согласно историческим данным, наиболее сильные пожары пришлось на 1642, 1719, 1764, 1806, 1887 и 1908 гг. [Русское старожильческое население..., 2007; Проект зон..., 2011]. В ходе последующего (послепожарного) строительства нижние венцы построек засыпали глиной и печиной (разбитыми кирпичными и глинобитными печами). Таким образом, нижние венцы руинированных построек становились своеобразным фундаментом для новых строений. Это приводило к тому, что планировка и контуры верхних построек почти полностью соответствовали таковым

из нижележащих. По этим слоям из глины и остатков построек были выделены 6 археологических строительных ярусов.

Первый ярус залегал на глубине от 237–270 до 280–297 см относительно единого репера. Постройки, найденные в нем, предварительно были отнесены к XIX–XX вв. [Пархимович С. Г., 2020]. Второй строительный ярус: найденные на нем постройки датировались по артефактам второй половиной XVIII – начала XIX в. К нему относятся постройки усадьбы № 1. Третий строительный ярус по археологическим находкам датируется XVIII в. К нему относятся постройки усадеб № 3 и 4. На четвертый ярус приходятся постройки усадеб № 5 и 6. Судя по находкам, этот ярус предварительно был датирован второй половиной XVII в. К пятому ярусу относятся постройки усадеб № 7 и 8, по находкам они были отнесены к середине XVII в. К шестому ярусу относятся основания построек № 21 из 7 усадьбы и две ямы хозяйственного назначения. Нижняя граница шестого строительного яруса в настоящий момент точно не установлена и условно относится ко времени основания города – концу XVI в.

Для удобства анализа данных все выделенные объекты (постройки) жилого и хозяйственного назначения были сгруппированы в усадьбы [Кардаш, 2019; Пархимович С. Г., 2020]. Устройство усадеб было выполнено в традициях Русского Севера [Власова, 2001; Ащепков, 1950]. Они представляли собой дома-связи, состоящие из избы на высоком подклете, сеней и клетки, хозяйственных построек (амбаров, стоек, бани) чистого и хозяйственного дворов.

В настоящее время кроме археологического датирования по строительным ярусам существует еще одна периодизация, сделанная на основе анализа исторических планов города [Проект зон..., 2011]. В ней выделяется пять этапов. Первый относится к основанию города (конец XVI в.), второй этап соотносится со временем, когда население начало строить свои дома за стенами острога (первая половина XVII в.), следующие два этапа связаны с последствиями пожаров 1642 и 1719 гг., а последний этап относится ко времени, когда Берёзов утратил свою оборонительную функцию и стал административным и торговым центром.

Материалом для дендрохронологических исследований, проведенных в Сибирской дендрохронологической лаборатории, послужили 190 образцов археологической древесины в виде спилов. Образцы были отобраны с построек под номерами: 1, 2, 10, 11, 12 (изба и сени), 14, 15 (изба и сени), 17, 18 (изба, сени и клеть), 19, 20 (изба и хозяйственная постройка), 21 (изба, сени и хозяйственный двор), 26, 27, 29, 30, 34, 35, 36; кроме образцов бревен построек были взяты спилы с конструкций заплотной стены между постройками № 12 и 15, пролитой ямы, а также с различных деревянных элементов расположенных возле построек – столбы, колья, настилы и прочее (табл. 1).

Обработка дендрохронологического материала проводилась на протяжении последних нескольких лет, но за это время изменилась методика пробоподготовки и измерений, используемая в Сибирской дендрохронологической лаборатории. В ходе работы было использовано два подхода для пробоподготовки и измерения ширины годовых колец: классический, при котором измерение ширины годового кольца выполнялось на полуавтоматической установке Lintab VI [Myglan et al., 2020], и новый, основанный на использовании методов цифровой микроанатомии. Суть подхода заключается в получении изображения годовых колец с высоким разрешением с последующим измерением сразу нескольких параметров: ширины годового кольца, ширины ранней и поздней древесины, оптической плотности поздней древесины, дельты и др. (далее по тексту – новый способ измерения параметров годового кольца). Процесс камеральной подготовки древесины и измерения параметров годовых колец изложен на сайте Сибирской дендрохронологической лаборатории ¹, поэтому в рамках данной статьи мы не будем на нем останавливаться детально.

¹ <https://www.sibdendro.com/>.

Таблица 1
 Общая характеристика датированных образцов из археологического памятника Берёзовское городище
 Table 1
 General characteristics of dated samples from the archaeological site of Bereзов settlement

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
Ярус 2							
Усадьба 1							
Постройка № 1 (изба)							
1	150	169	1551	1719	0.36	от 0 до 10 колец	Северная стена Нижнее бревно
Постройка № 2							
2	109	150	1570	1719	0.44	от 0 до 10 колец	Западная стена Нижнее бревно
3	111	206	1513	1718	0.51	от 0 до 10 колец	Северная стена Нижнее бревно
4	128	198	1521	1718	0.41	от 0 до 10 колец	Западная стена Верхнее бревно
5	131	186	1528	1713	0.30	от 0 до 10 колец	Восточная стена Верхнее бревно
Постройка № 27							
6	105	139	1583	1721	0.40	более 10 колец	Южная стена Второе бревно
7	108	148	1572	1719	0.61	от 0 до 10 колец	Южная стена Окладной венец
8	142	96	1650	1745	0.23	более 10 колец, кедр	Лага у восточной стены
Усадьба 2							
Постройка № 10							
9	104	179	1505	1683	0.54	от 0 до 10 колец	Раскоп 4, траншея. ЮЗ стена, окладной венец

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
10	134	86	1570	1655	0.60	от 0 до 10 колец	Раскоп 4, траншея СЗ стена. Окладной венец
Усадьба 10							
Постройка № 26							
не датируется							
Постройка № 29							
не датируется							
Постройка № 11 (не относится к усадьбам)							
11	139	181	1507	1687	0.46	от 0 до 10 колец	Южная стена Окладной венец
Постройка № 30 (не относится к усадьбам)							
не датируется							
Ярус 3							
Усадьба 3 (дом-связь)							
Постройка № 12 (изба)							
12	137	173	1497	1669	0.50	от 0 до 10 колец	Северная стена 3 венец (верхний)
13	145	177	1494	1670	0.46	от 0 до 10 колец	Северная стена 1 венец (нижний)
14	149	182	1493	1674	0.54	от 0 до 10 колец	Северная стена. 2 венец
15	6	139	1536	1674	0.38	подкоровое кольцо	Западная стена Нижний венец
16	7	170	1505	1674	0.54	подкоровое кольцо	Южная стена Второй венец
17	8	167	1504	1670	0.50	от 0 до 10 колец	Южная стена Нижний венец

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
18	9	154	1519	1672	0.47	подкоровое кольцо, следы короедов	Восточная стена Нижний венец
Постройка № 12 (сени)							
19	102	78	1597	1674	0.49	более 10 колец	Заплотная стена 3 бревно (верхнее)
20	148	99	1576	1674	0.59	подкоровое кольцо	Западный столб
Постройка № 14 (крытый двор с заплотными стенами)							
21	207	139	1508	1646	0.61	от 0 до 10 колец	Северо-западный столб
22	223	108	1538	1645	0.53	от 0 до 10 колец	Северо-восточный столб
23	229	110	1540	1649	0.62	от 0 до 10 колец	Столб № 2 (южный) Западная стена постройки № 14. Низ 76. 3 ярус
24	217	159	1493	1651	0.62	более 10 колец	Столб № 4 (северный) Западная стена постройки № 14. Низ 76
25	219	88	1563	1650	0.61	от 0 до 10 колец	Столб № 3 (средний) Западная стена постройки № 14. Низ 71
26	242	68	1541	1608	0.62	более 10 колец	Нижнее бревно южной стены
Постройка № 17 (хлев)							
27	143	146	1506	1651	0.60	от 0 до 10 колец	Заплотный столб
28	241	122	1522	1643	0.65	более 10 колец	Северная стена Нижний венец

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
Усадьба 4							
Постройка № 15 (изба)							
29	20	82	1569	1650	0.59	от 0 до 10 колец	Столб в завалинке западной стены
30	21	122	1563	1684	0.44	от 0 до 10 колец	Западная стена Второй венец
31	30	139	1509	1647	0.48	пожарная подсушина, от 0 до 10 колец	Подкладка под завалинку у северной стены
Постройка № 15 (сени)							
32	16	131	1513	1643	0.66	от 0 до 10 колец	Столб № 5, кв. Е/1 у южной стены
33	17	120	1516	1635	0.30	от 0 до 10 колец	Столб № 6, кв. Е/0, п. № 15А, у южной стены
34	18	82	1571	1652	0.61	подкоровое кольцо	Столб № 7, кв. Е/0 у южной стены (примыкает к столбу № 6)
35	19	174	1510	1683	0.54	от 0 до 10 колец	Западный столб
Заплотная стена между постройками № 12 и 15							
36	1	147	1491	1637	0.43	пожарная подсушина, от 0 до 10 колец	Северное прясло Второй ряд
37	2	146	1486	1631	0.44	следы короедов, от 0 до 10 колец	Северное прясло Первый ряд
38	3	99	1541	1639	0.60	пожарная подсушина, подкоровое кольцо, следы короедов	Второе (южное) прясло Второй ряд

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
39	4	122	1534	1655	0.53	подкоровое кольцо	Второе (южное) прясло Первый (нижний) ряд
40	15	99	1556	1654	0.63	подкоровое кольцо	Столб № 1 Северный столб
Ярус 4							
Усадьба 5 (дом-связь)							
Постройка № 18 (изба)							
41	224	120	1520	1639	0.53	от 0 до 10 колец	Северная стена Нижнее бревно
42	40	129	1508	1636	0.61	от 0 до 10 колец	Восточное бревно
43	43	115	1529	1643	0.57	подкоровое кольцо	Из ограждения южной завалинки (вторичное использование)
44	57	104	1537	1640	0.53	подкоровое кольцо	Южная стена Нижнее бревно
Постройка № 18 (сени)							
45	39	95	1546	1640	0.62	от 0 до 10 колец	Нижнее бревно
46	58	105	1538	1642	0.49	от 0 до 10 колец	Западный столб
47	225	119	1517	1635	0.62	подкоровое кольцо, следы короедов	Северная стена Верхнее бревно
48	227	104	1542	1645	0.68	от 0 до 10 колец	Северная стена Нижнее бревно
Постройка № 18 (клеть)							
49	38	95	1552	1646	0.66	подкоровое кольцо	Нижнее бревно восточной стены
50	56	102	1546	1647	0.74	от 0 до 10 колец	Южная стена Нижнее бревно

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
51	216	96	1552	1647	0.68	от 0 до 10 колец	Северная стена Верхнее бревно
52	220	91	1557	1647	0.74	от 0 до 10 колец	Северная стена Среднее бревно
53	208	109	1538	1646	0.72	подкоровое кольцо	Северная стена Нижнее бревно
Усадьба 6							
Постройка № 19							
54	45	107	1546	1652	0.62	от 0 до 10 колец	Второе бревно западной стены
55	52	121	1522	1642	0.63	от 0 до 10 колец	Подкладка под северное бревно
56	60	93	1558	1650	0.55	от 0 до 10 колец	Восточная завалинка
57	259	96	1487	1582	0.45	подкоровое кольцо	Западная стена Нижнее бревно
Отдельные элементы без маркировки по постройкам							
58	213	98	1527	1624	0.49	более 10 колец	Бревно в кв. Б'-В'/1 (С-Ю)
59	214	66	1550	1615	0.72	от 0 до 10 колец	Настил в кв. А/1' Бревно № 1 (западное)
60	215	65	1550	1614	0.53	от 0 до 10 колец	Настил в кв. А/1' Бревно № 2 (второе с запада)
61	238	61	1554	1614	0.62	более 10 колец	Настил в кв. А/1' Бревно № 3 (второе с востока)
62	205	60	1555	1614	0.70	от 0 до 10 колец	Настил в кв. А/1' Бревно № 4 (восточное)

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
63	234	88	1566	1653	0.69	подкоровое кольцо	Столб № 1 в кв. Г/О'
Ярус 5							
Усадьба 7							
Постройка № 21 (изба)							
64	274	59	1558	1616	0.71	подкоровое кольцо	Северное прясло двора
65	250	71	1528	1598	0.31	подкоровое кольцо	Под постройкой № 18Б Глиняно-кирпичная засыпка слоя пожараща постройки № 21
66	35	126	1481	1606	0.59	от 0 до 10 колец	Бревно у восточной стены постройки
67	73	102	1487	1588	0.68	от 0 до 10 колец	Западное бревно двора
68	81	128	1482	1609	0.53	подкоровое кольцо	Столб у ЮЗ угла
69	82	121	1493	1613	0.51	от 0 до 10 колец	Припечный столб
70	86	63	1599	1661	0.44	подкоровое кольцо	Лага (обрубок)
71	235	123	1489	1611	0.57	от 0 до 10 колец	Северная стена Окладной венец
72	226	129	1484	1612	0.55	подкоровое кольцо	Северная стена Второе бревно
Постройка № 21 (сени)							
73	70	140	1477	1616	0.54	подкоровое кольцо	Западный столб у порога
74	233	130	1485	1614	0.54	подкоровое кольцо	Северная стена Нижнее бревно
75	218	103	1509	1611	0.69	от 0 до 10 колец	Северо-западный столб
76	212	128	1479	1606	0.63	от 0 до 10 колец	Северная стена Третье бревно

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
77	221	107	1506	1612	0.53	от 0 до 10 колец	Северная стена Среднее бревно
78	211	79	1535	1613	0.37	от 0 до 10 колец	Постройка № 21А Западная стена Нижнее бревно
Постройка № 21 (хозяйственный двор)							
79	232	106	1481	1586	0.63	более 10 колец	Южная стена заплога
80	228	232	1328	1559	0.34	более 10 колец	Заплотный столб постройки (хозяйственный двор)
Постройка № 35 (хозяйственный пристрой)							
81	204	113	1481	1593	0.54	от 0 до 10 колец	Пол
82	210	125	1477	1601	0.59	от 0 до 10 колец	Пол
83	222	131	1484	1614	0.44	от 0 до 10 колец	Северная стена Окладной венец
84	206	73	1547	1619	0.47	от 0 до 10 колец	Подкладка под восточную лагу
85	237	125	1484	1608	0.52	от 0 до 10 колец	Лага пола (центральная)
86	203	112	1501	1612	0.52	более 10 колец	Лага пола (восточная)
87	246	104	1510	1613	0.59	от 0 до 10 колец	Бревно западная стена
Усадьба 8							
Постройка № 20 (изба)							
88	66	114	1509	1622	0.61	от 0 до 10 колец	Бревно завалянки у западной стены
89	67	75	1540	1614	0.61	подкоровое кольцо	Перекрытые погребя.
90	68	75	1541	1615	0.67	подкоровое кольцо, пожарная подсушина, следы короедов	Первое бревно восточного прясла

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
91	69	69	1548	1616	0.68	подкоровое кольцо	Второе бревно восточного прясла
92	88	117	1524	1640	0.56	от 0 до 10 колец	Западное бревно окладного венца
93	89	122	1519	1640	0.60	от 0 до 10 колец	Восточное бревно окладного венца
94	90	148	1496	1643	0.63	от 0 до 10 колец	Северное бревно окладного венца
95	261	97	1546	1642	0.52	от 0 до 10 колец	Западная стена
Постройка № 20 (хозяйственная пристройка)							
96	48	98	1541	1638	0.63	подкоровое кольцо, следы короедов	Второе бревно северной стены
97	49	109	1533	1641	0.53	от 0 до 10 колец	Нижнее бревно
Постройка № 34 (не относится к усадьбам)							
98	209	134	1483	1616	0.57	от 0 до 10 колец	Южная стена Нижнее бревно
99	202	127	1491	1617	0.37	более 10 колец	Северное бревно
100	230	137	1477	1613	0.55	от 0 до 10 колец	Заплотный столб под постройкой № 34
Постройка № 36 (не относится к усадьбам)							
101	231	89	1513	1601	0.64	от 0 до 10 колец	Бревно западной стены (уч. В'-Б'/8)
102	247	127	1526	1652	0.57	более 10 колец	Ограждение западной завалинки

Продолжение табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
Отдельные элементы с неустановленной принадлежностью к определенным ярусам и постройкам							
103	275	63	1551	1613	0.55	от 0 до 10 колец	Бревно (З-В). кв. Б/0, 5 ярус
104	78	120	1494	1613	0.39	пожарная подсушина, от 0 до 10 колец	Второй столб с запада крытого двора. кв. Д/1, 5 ярус
105	84	103	1485	1587	0.63	от 0 до 10 колец	Западное бревно крытого двора в кв. А/0, 5 ярус
106	77	78	1565	1642	0.60	от 0 до 10 колец	Западный столб крытого двора, 5 ярус
107	87	60	1557	1616	0.67	следы короедов, от 0 до 10 колец	Подкладка под восточное бревно крытого двора, 5 ярус
108	76	230	1391	1620	0.41	от 0 до 10 колец	Столб. кв. В/0 (большой), 5 ярус
Ярус 6							
Усадьба 7							
Постройка № 21							
109	71	98	1515	1612	0.59	подкоровое кольцо	Второе бревно южной стены
110	72	107	1491	1597	0.66	более 10 колец	Третье бревно восточной стены
Пролитая яма							
111	122	97	1497	1593	0.51	более 10 колец	Спил из пролитой ямы (глубина 330). Нижний венец. Ул. Сенькина 13

Окончание табл. 1

№ п/п	Лабораторный номер	Количество лет	П. к.	Пр. к.	Коэф. кор.	Примечание	Место отбора образца
112	136	200	1394	1593	0.43	более 10 колец	Спил из пролитой ямы (глубина 320). Верхний венец. Ул. Сенькина 13
Отдельные элементы с неустановленной принадлежностью к определенным ярусам и постройкам							
113	262	65	1549	1613	0.58	подкоровое кольцо	Спил "100"
114	146	121	1481	1601	0.39	от 0 до 10 колец	Столб А в кв. А/1'
115	53	180	1472	1651	0.49	подкоровое кольцо, пожарная подсушина	Столб № 3 заплотной стены
116	54	185	1464	1648	0.47	подкоровое кольцо	Столб № 4 заплотной стены
117	51	181	1499	1679	0.51	от 0 до 10 колец	Подкладка (лага) под настил. Кв. Е/8
118	63	90	1506	1595	0.67	подкоровое кольцо	Столб А
119	64	215	1416	1630	0.43	подкоровое кольцо	Столб Б
120	83	94	1515	1608	0.70	подкоровое кольцо, следы короедов	Столб в кв. В/0 (маленький)
121	55	73	1549	1621	0.73	от 0 до 10 колец	Столб из фундамента поздней постройки. Кв. Е/6
122	79	118	1498	1615	0.43	подкоровое кольцо	Столб, кв. А/0
123	80	279	1336	1614	0.42	подкоровое кольцо, лиственница	Третий столб с запада крытого двора, кв. Д/2-3

Примечание: фразы «от 0 до 10 колец», «более 10 колец» отражают экспертную оценку количества отсутствующих колец.

Измеренные индивидуальные серии прироста по каждому образцу были датированы посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919] и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1983] и “TSAP V3.5” [Rinn, 1996]. Возрастной тренд измеренных серий убирался путем стандартизации сплайном в $\frac{2}{3}$ от длины каждой серии [Cook, Krusic, 2008]. Выбор такого способа стандартизации определялся наличием у образцов пожарных подсушин. Оценка качества построенных хронологий выполнялась на основе применения традиционных показателей: EPS (показывает, на каком периоде древесно-кольцевая хронология отражает сигнал генеральной совокупности), коэффициентов корреляции (Пирсона, межсерийного) и чувствительности, стандартного отклонения и др. [Wigley et al., 1984].

В работе были исследованы образцы древесины, отобранные в ходе археологических работ в 2011, 2012, 2018, 2019 и 2021 гг. Образцы за 2011, 2012, 2018, 2019 гг. первоначально были измерены на установке Lintab VI (классическим способом). Образцы, отобранные в 2021 г., были подготовлены и измерены по новой методике. Для того чтобы оценить эффективность использования этих двух способов измерения ширины годичных колец, нами была повторно проведена работа по пробоподготовке и измерению новым способом. Слепым методом было выбрано шесть образцов (доставленных в лабораторию в 2018 г.), которые датировать ранее не удалось (№ 250, 259, 261, 262, 274, 275).

После проведения процедуры календарного датирования археологических образцов древесины была выполнена визуальная проверка каждого образца на наличие подкорового кольца, так как только при его наличии можно точно (год / сезон) установить время заготовки древесины. Для общего понимания количества отсутствующих на образце периферийных колец в работе была выполнена экспертная оценка. Так, если на образце фиксировались остатки коры или клеток луба, следы жуков-короедов, то считалось, что последнее периферийное кольцо – подкоровое. Если на образце отмечалось только наличие заболони или ровной границы внешнего кольца по всей окружности спила, то считалось, что отсутствует от 0 до 10 периферийных колец. Если на образце были следы рубки, теса или любого другого механического или природного воздействия, то считалось, что на таких образцах отсутствует более 10 периферийных колец. Необходимо пояснить, что при наличии на образце следов повреждений личинками короедов, подкоровый слой не всегда указывает на год заготовки древесины для строительства, поскольку такое дерево могло быть сухостойным, т. е. могло умереть раньше.

Для календарной датировки образцов археологической древесины были использованы две региональные ДКХ (древесно-кольцевые хронологии) по ширине годичного кольца для района исследования, построенные ранее в Сибирской дендрохронологической лаборатории. Это 685-летняя древесно-кольцевая хронология по сосне обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), построенная по материалам из окрестностей п. Берёзово и района среднего течения р. Казым, и 429-летняя древесно-кольцевая хронология по сосне сибирской (*Pinus sibirica* Du Tour), построенная по материалам, собранным в п. Берёзово и его окрестностях. Ксилотомический анализ по различию в выборке образцов археологической древесины между сосной обыкновенной и сосной сибирской не проводился. В зависимости от того, по какой ДКХ (сосна обыкновенная или сосна сибирская) датировались образцы, мы разнесли их по этим двум породам. В выборке присутствовал один образец лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ledeb, № 80).

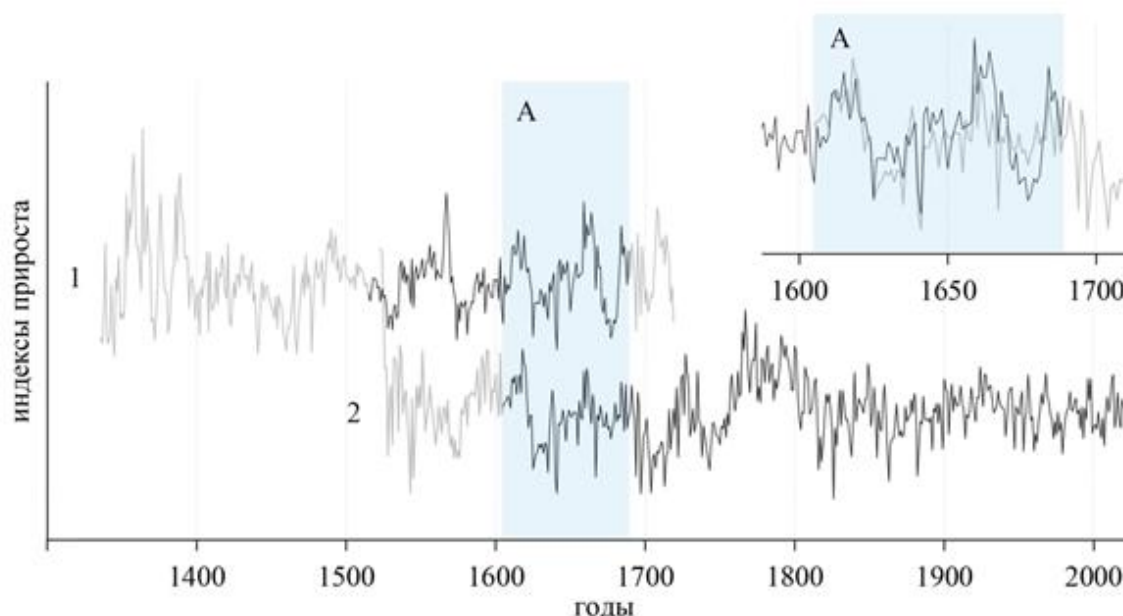
Результаты

Из 190 камерально обработанных образцов, было датировано 123 (65 %). Можно выделить две основные причины, почему образцы не датировались. Первая – в процессе камеральной обработки образцы (17 шт.) были забракованы из-за незначительного количества

годовых колец (менее 50-ти); вторая – оставшиеся образцы (50 шт) не удалось надежно перекрестно датировать.

Распределение образцов, отобранных в разные годы, показало следующую картину: 2011 г. – измерено 4, датировано 2 (50 %); 2012 г. – измерено 10, датировано 3 (30 %); 2018 г. – измерено 90, датировано 57 (63 %), впоследствии количество датированных образцов увеличено до 63 (70 % за счет выполнения процедуры пробоподготовки и измерения новым способом); 2019 г. – измерено 38, датировано 15 (39 %); 2021 г. – измерено 48, датировано 40 (83 %). Анализ процента датированных образцов за разные годы наглядно показывает, что, несмотря на увеличение трудозатрат, применение современного подхода улучшает качество измерений, что приводит к увеличению числа датирующихся образцов археологической древесины.

В ходе проведенной процедуры перекрестной датировки было установлено, что с региональной ДКХ по сосне обыкновенной датируется основная масса образцов (в том числе и спил лиственницы сибирской, см. рисунок). По региональной ДКХ по сосне сибирской датируется только образец № 142.

Пример перекрестной датировки региональной ДКХ по сосне обыкновенной (2) с ДКХ, построенной по образцам археологической древесины с Берёзовского городища (1). Черной линией обозначен период, на котором хронология отражает сигнал генеральной совокупности ($EPS \geq 085$)

An example of cross-dating of a regional TRW based on Scotch pine (2) with a TRW built on samples from archaeological wood from the Berezovsky settlement (1). The black line indicates the population signal period of chronology ($EPS \geq 085$)

Сравним полученные нами дендрохронологические датировки образцов археологической древесины с информацией о распределении построек и усадеб (начиная со 2-го яруса, см. табл. 1).

2 ярус.

Усадьба 1. Представлена постройками № 1 (изба), 2 и 27. Образцы с подкоровым кольцом в выборке отсутствуют. Измеренные индивидуальные серии прироста датируются узким временным интервалом – с 1713 по 1721 г. Из общей картины дат немного выбивается образец № 142, у которого время образования периферийного кольца приходится на 1745 г. Од-

нако следует отметить, что этот образец был отобран не с постройки, а с лаги у восточной стены, кроме того, он отличается по породному составу от остальных образцов усадьбы, поэтому его дату нельзя принимать за опорную.

Согласно полученным данным, можно предположить, что время сооружения построек усадьбы 1 пришлось на конец первой четверти XVIII в.

Усадьба 2. Представлена постройкой № 10. Образцы с подкоровым кольцом отсутствуют. Датировалось 2 образца с окладных венцов, между ними имеется значительный разброс в датах – 1655 и 1683 гг. В этом случае мы датируем по наиболее позднему образцу, т. е. время сооружения усадьбы следует отнести к концу XVII в. Однако нужно признать, что для уверенной датировки не хватает образцов.

Отдельно стоящая *постройка № 11.* Образцы с подкоровым кольцом отсутствуют. Датировался только один образец – 1687 г. Время сооружения этой постройки можно условно отнести к концу XVII в., для уверенной датировки не хватает образцов.

Таким образом, исходя из полученных датировок, время функционирования 2 яруса – конец XVII – первая четверть XVIII в.

3 ярус.

Усадьба 3 представлена постройками № 12 (изба и сени), 14 (крытый двор с заплотными стенами) и 17 (хлев). Постройка № 12: подкоровые кольца сохранились на образцах № 6, 7, 9, 148. Время образования последнего периферийного (в том числе подкорового) кольца у большинства образцов приходится на 1674 г. Наличие следов короедов у образца № 9 означает, что в момент заготовки бревен для строительства это дерево уже было сухостойным.

Постройки № 14 (крытый двор) и 17 (хлев): образцы с подкоровым кольцом отсутствуют. Наиболее поздние даты бревен крытого двора и хлева относятся к 1651 г.

Анализ полученных дат позволяет предположить, что постройки в усадьбе 3 были возведены не одномоментно, а в два этапа. Сначала была сооружена хозяйственная часть (начало третьей четверти XVII в.), а затем жилая (1674 г.).

Усадьба 4 представлена постройками № 15 (изба и сени) и заплотной стеной (между постройками № 12 и 15). Постройка 15: подкоровое кольцо сохранилось у образца № 18 и приходится на 1652 г. При этом часть образцов датируется более поздними датами 1683–1684 гг. (образцы № 19 и 21). Заплотная стена: подкоровое кольцо сохранилось у образцов № 3, 4 и 15. Наличие следов короедов на образце № 3 позволяет предположить, что дерево на момент заготовки леса уже было сухостойным. В этом случае за дату строительства заплотной стены можно принять год образования подкорового кольца у образцов № 4 и 15 – 1654–1655 гг.

В распределении дат образцов усадьбы 4 можно выделить две группы. Первая группа приходится на 1652–1655 гг. и указывает на время строительства постройки № 15 и заплотной стены (соответственно). Вторая группа – 1683–1684 гг. на время обновления постройки № 15.

Таким образом, время функционирования 3 яруса приходится на период с 50-х по 80-е гг. XVII в.

4 ярус.

Усадьба 5. Представлена постройкой 18 (изба, сени, клеть). Подкоровое кольцо сохранилось у образцов № 38, 43, 57, 208, 225. Образец № 43 – из ограждения завалинки – мог быть вторично использован, а образец № 225 имеет следы повреждения короедами, что не позволяет опираться на даты этих образцов при интерпретации времени сооружения. Подкоровые кольца остальных образцов датированы коротким периодом – с 1640 по 1646 г. Следует отметить, что у части образцов с клетки время формирования периферийного кольца происходит на год позже, чем у образцов с подкоровым кольцом.

Усадьба 6. Представлена постройкой 19. Подкоровый слой сохранился у образца № 259 и приходится на 1582 г. У остальных образцов годы формирования периферийного кольца

приходятся на более позднее время – с 1642 по 1652 г. Можно предположить, что образец № 259 является примером переиспользования древесины.

Найденные в этом ярусе отдельные элементы без маркировки по постройкам, например, бревна настила, датируются более ранним и очень узким периодом – 1614–1615 гг. и, вероятно, относятся к 5 ярусу.

В этом случае можно предположить, что усадьба 5 строилась не одномоментно (сначала была возведена изба, не ранее 1640 г., затем в 1645 г. пристроили сени, а на завершающем этапе строительства – клеть в 1647 г.) и была возведена в конце 1640-х гг., а усадьба 6 сооружена чуть позже – в третьей четверти XVII в.

Таким образом, строительный период на 4 ярусе приходится на вторую – третью четверть XVII в. Отдельные элементы, имеющие более ранние даты, являются следствием переиспользования древесины.

5 ярус.

Усадьба 7. Представлена постройкой № 21 (изба, сени, хозяйственный двор) и № 35 (хозяйственный пристрой). Подкорковое кольцо сохранилось у образцов № 59, 63, 71, 128, 129, 130, 140. Время образования подкоркового кольца у части образцов приходится на 1609–1616 гг. Однако есть образцы (в том числе с подкорковым кольцом), даты которых приходятся на более ранние годы. Часть из них, например образцы № 250 и 73, скорее всего, являются остатками постройки, которая была на этом месте до пожара. Кроме того, в выборке присутствует образец (№ 86 с подкорковым кольцом), который имеет достаточно позднюю дату – 1661 г. Согласно описанию, этот образец относится к обрубке лаги и, вероятно, он был задействован при ремонтных работах.

Хозяйственный двор постройки № 21. Датировалось 2 образца с существенным разбросом в датах – 1559 и 1586 гг. В данном случае мы можем датировать постройку по наиболее позднему образцу, т. е. время сооружения усадьбы следует отнести к последней четверти XVI в. Учитывая, что нельзя исключить факт переиспользования древесины, для уверенной датировки не хватает образцов.

Постройка № 35. Образцы с подкорковым кольцом отсутствуют. Время формирования последнего периферийного кольца у образцов приходится на период с 1613 по 1619 г.

Таким образом, можно предположить, что усадьба 7 строилась не одномоментно, сначала, в период 1609–1616 гг., были возведены изба и сени постройки № 21. Опираясь на даты образцов с хозяйственного двора некорректно по причине возможного повторного использования древесины. Чуть позже – не ранее 1619 г. – была возведена постройка № 35 (хозяйственный пристрой).

Усадьба 8 представлена постройкой № 20 (изба и хозяйственная пристройка). Подкорковые кольца сохранились на образцах избы № 67, 68, 69, и они датируются узким промежутком – 1614–1616 гг. Однако остальные образцы из этой постройки относятся к 1640–1643 гг. У хозяйственной пристройки (№ 20А) на образце № 48 тоже сохранилось подкорковое кольцо – 1638 г., но следы короедов указывают, что на момент рубки дерево, скорее всего, было сухостойным. Второй датированный образец относится к 1641 г.

Таким образом, можно предположить, что усадьба 8 строилась не одномоментно, сначала была построена изба в 1616 г., а в затем в 1640-х гг. в ней была проведена перестройка (ремонтные работы) и сооружена хозяйственная пристройка.

К этому же ярусу относятся две постройки. Постройка № 34: датировалось всего три образца, ни на одном не сохранилось подкорковое кольцо. Их даты приходятся на период 1613–1617 гг. Эти даты соотносятся с датировкой избы усадьбы № 8. Постройка № 36: датировалось всего два образца, ни на одном не сохранилось подкорковое кольцо. Наблюдается разброс в датах периферийных колец образцов № 231 – 1601 г. и № 247 – 1652 г. При этом первый образец относится к самой постройке, а второй – к ограждению заплотной завалинки. Постройку можно датировать началом XVII в., однако для уверенной датировки не хватает образцов.

В этом ярусе также сохранились отдельные элементы без маркировки по постройкам, которые датируются в широком интервале – с 1587 по 1642 г., но основная масса образцов относится к периоду 1613–1616 гг., что согласуется со временем строительства рассмотренных выше построек.

Таким образом, время функционирования 5 строительного яруса приходится на первую четверть XVII в., а период перестройки совпадает со временем работ на 4 ярусе.

6 ярус.

Усадьба 7: представлена постройкой 21 и пролитой ямой. Основная часть образцов в ходе археологических работ была отнесена к 5 ярусу, из 6 яруса датировалось только 2 образца. Один образец датируется 1597 г., второй – 1612 г. Постройку можно датировать первой четвертью XVII в., однако для уверенной датировки не хватает образцов. Пролитая яма представлена двумя образцами и датируется одним годом – 1593 г. Эту конструкцию можно датировать первой четвертью XVII в., однако для уверенной датировки не хватает образцов.

Для наглядности результаты работы были сведены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение типов датирования застройки Берёзовского городища

Table 2

Comparison of the dating types of the Berezov settlement development

№	Этапы развития города по анализу исторических планов [Проект зон..., 2011]	Археологические ярусы	Дендрохронологическая датировка
1	1 – конец XVI в.	6 ярус – конец XVI в.	первая четверть XVII в.
2	2 – первая половина XVII в.	5 ярус – середина XVII в.	
3	3 – конец XVII в. – начало XVIII в.	4 ярус – вторая половина XVII в.	вторая – третья четверть XVII в.
4		3 ярус – XVIII в.	50–80-е гг. XVII в.
5	4 – вторая половина XVIII в.	2 ярус – вторая половина XVIII в.	конец XVII – первая четверть XVIII в.
6	5 – XIX – начало XX в.	1 ярус – XIX–XX вв.	конец 1-го десятилетия XIX – первая треть XX в. [Мыглан и др., 2010]

Дискуссия

Полученные календарные датировки археологизированных построек позволяют привести новые аргументы в дискуссию о времени основания Берёзова. Дендрохронологический анализ показал, что не сохранилось ни одной постройки, время возведения которой бесспорно относится к концу XVI в. Однако в выборке присутствуют десять образцов, даты периферийных колец которых приходятся на период с 1559 по 1598 г. В основном эти образцы являются элементами пола, двора, заплота или нижними венцами зданий. Стоит отметить, что в силу слишком близкого по времени расположения дат этих образцов к другим постройкам версию с привлечением плавника мы не рассматривали по причине того, что в окрестностях поселения произрастает достаточное количество деловой древесины. Кроме того, конструкции, в которых применялся плавник в качестве строительной древесины, имеют разбег дат в одной постройке в несколько сотен лет; ярким примером исследования такой древесины является работа по изучению Надымского городка [Mygлан et al., 2020]. Детальный анализ этих десяти образцов показал, что за исключением образца № 259, у которого подкоровый слой приходится на 1582 г., во всех остальных случаях с учетом погрешности (от 0 до 10 ко-

лец и более) время предполагаемой заготовки образца не противоречит году официального основания Берёзова в 1593 г. Вторым важным достижением проведенной работы является уточнение этапов периодизации застройки города. Мы сопоставили существующие периодизации с дендрохронологическими датами. Получилось, что шестой и пятый строительные (археологические) ярусы соотносятся с первым этапом развития города (конец XVI в.), а пятый строительный ярус (середина XVII в.) уточняет дату второго этапа (первая половина XVII в.). Дендрохронологический анализ показал, что оба этапа следует соединить в один и датировать первой четвертью XVII в. (см. табл. 2). Возможно, это связано с тем, что в это время не происходило опустошительных пожаров, и население занималось ремонтом построек по мере их обветшания без кардинальных изменений.

Третий этап развития города (конец XVII – начало XVIII в.) по археологическим данным разделяется на четвертый (вторая половина XVII в.) и третий (XVIII в.) ярусы. Дендрохронологические данные подтверждают археологическое деление и сужают временной промежуток до второй – третьей четверти XVII в. и 50–80-х гг. XVII в. соответственно (см. табл. 2).

Даты четвертого этапа и второго строительного яруса совпадают – вторая половина XVIII в. В этом случае дендрохронологический анализ, наоборот, расширяет рамки до конца XVII – первой четверти XVIII в. (см. табл. 2).

Даты пятого этапа и первого строительного яруса относятся к XIX – началу XX в. В данной работе образцы этого периода не были задействованы. Однако ранее в монографии «Берёзово: историко-архитектурные очерки» архитектурные сооружения этого времени были подробно описаны и датированы концом 1-го десятилетия XIX – первой третью XX в. [Мыглан и др., 2010, с. 128]. В целом можно отметить, что археологическая привязка по стратиграфии достоверно отражает застройку города в прошлом, при этом дендрохронология выступает в качестве инструмента для верификации этапов развития города.

Основная масса археологических образцов древесины, использованных в работе (за 2011, 2012, 2018, 2019 гг.), измерена с использованием классической дендрохронологической методики. Этим способом было измерено 142 образца, из которых датировано 77, что составляет 54 %. По новой методике были подготовлены и измерены 54 образца (6 образцов из коллекции 2018 г. и 48 из коллекции 2021 г.), из которых датированы 46, что составляет 85 %. При этом все 6 образцов из коллекции 2018 г. (не датированные по классической методике) были уверенно датированы посредством новой методики. Полученные цифры наглядно демонстрируют существенное улучшение качества измерений, что приводит к увеличению числа датирующихся образцов археологической древесины. Так, можно предположить, что повторная обработка и измерение коллекции образцов, представленных в данном исследовании, по новой методике могли бы добавить не менее 42 датирующихся образцов в копилку результатов. Это очень существенная цифра, вероятно, позволившая пролить свет на даты сооружений усадьбы № 10 и отдельной постройки № 30 из второго яруса, а также уточнить даты сооружения тех построек, где количество датированных образцов для этого недостаточно.

Обратной стороной применения новой методики является увеличение трудозатрат и себестоимости обработки материалов. Тем не менее на фоне перспектив столь существенного повышения результативности датировок последнее нельзя считать большим препятствием. Можно без преувеличения сказать, что вместе с расширением применения данного метода на массовом археологическом материале в области дендроархеологии начнется новая эпоха – цифровой дендрохронологии.

Заключение

В результате проведенного исследования была выполнена дендрохронологическая датировка археологических объектов Берёзовского городища (г. Берёзово, ХМАО). Было датировано 26 построек из девяти усадеб. Новые данные позволили соотнести их с ранее выделен-

ными этапами периодизации застройки города, принять участие в дискуссии о времени основания города и апробировать новую методику пробоподготовки археологической древесины для дендрохронологического анализа.

Список литературы

- Андреев А. И.** Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVII вв. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. М.; Л., 1940. Т. 72, вып. 2. С. 152–155.
- Ащепков Е. А.** Русское деревянное зодчество. М.: Изд-во и 2-я тип. Гос. изд-ва архитектуры и градостроительства, 1950. 104 с.
- Визгалов Г. П.** Отчёт о НИР: Проведение аварийно-спасательных работ на культурном слое исторического поселения Берёзово в 2008 году (раскоп № 1-08). Нефтеюганск, 2008. Кн. 1. 178 с.
- Визгалов Г. П.** Отчёт о НИР: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Берёзово. Нефтеюганск, 2010. Т. 1, кн. 1. 195 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Березовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 389–396.
- Власова И. В.** Типы жилых и хозяйственных построек XVI–XVIII вв. // Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX веков. М.: Наука, 2001. С. 199–207.
- Кардаш А. В.** Многовековая Югра: история расселения и адаптация человека на Севере Западной Сибири (экологический и социокультурный аспекты). Археологические раскопки, проведенные в 2018 году на территории посада в пгт. Березово Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Нефтеюганск, 2019. Ч. 1. 136 с.
- Миненко Н. А.** Хождение за «Камень». Начало Азиатской России: новая версия // Родина. 2000. № 5. С. 64–71.
- Мыглан В. С., Ведмидь Г. П., Майничева А. Ю.** Березово: историко-архитектурные очерки. Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. 152 с.
- Мыглан В. С., Жарников З. Ю.** Датирование исторических памятников Сибири дендрохронологическим методом. Методический аспект // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 112–117.
- Пархимович С. Г.** Отчёт о НИР: О результатах археологических раскопок в посадской части Березовского городища в 2019 году. Нефтеюганск, 2020. Кн. 1. 147 с.
- Пархимович С. Ю.** Отчёт о НИР: Археологические раскопки под реставрацию объекта культурного наследия «Дом купца К. В. Добровольского, 1876 г.», Тюменская область ХМАО – Югра, пгт. Берёзово, ул. Собянина, д. 41 в 2012 году. Нефтеюганск, 2013. Кн. 1. 144 с.
- Проект зон охраны объектов культурного наследия, находящихся в границах пгт. Березово ХМАО – Югры. Нефтеюганск, 2011. Т. 1. 202 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С.** Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. 304 с.
- Ромодановская Е. К.** Избранные труды: Сибирь и литература XVII век. Новосибирск, 2002. 233 с.
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1068–1069. С. 572.
- Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в. Исследовательские материалы и документы / Под ред. А. Г. Мосина. Авт.-сост.: Н. Н. Баранов, Д. А. Редин, А. Т. Шешков. М.: Галерея, 2007. 591 с.
- Солодкин Я. Г.** Когда был заложен Берёзов? // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 38–42.
- Черных Н. Б.** Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996. 216 с.

- Шашков А. Т.** Славен град Берёзов! // Родина. 2003. № 7. С. 44–49.
- Cook R., Krusic P. J.** A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). 2008. URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/tree-ring-laboratory/resources/software> (accessed 01.02.2023).
- Douglass A. E.** Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings in trees in relation to climate and solar activity. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1919, vol. 1, 127 p.
- Holmes R. L.** Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // *TreeRing bulletin*. 1983, vol. 44, pp. 69–78.
- Mygлан V. S., Omurova G. T., Barinov V. V., Kardash O. V.** Methodological aspects of determining type, age, and origin of archaeological wood: The case of fort Nadym // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2020. Vol. 48 (3). P. 80–89.
- Rinn F.** TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996, 269 p.
- Wigley T., Briffa K., Jones P.** On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology // *J. Clim. Appl. Met.*, 1984, no. 23, pp. 201–213.

References

- Andreev A. I.** Zametki po istoricheskoi geografii Sibiri XVI–XVII vv. [Notes on the historical geography of Siberia in the 16th – 17th centuries]. In: *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the All-Union Geographical Society]. Moscow, Leningrad, 1940, vol. 72, iss. 2. pp. 152–155. (in Russ.)
- Ashchepkov E. A.** Russkoe derevyannoe zодchestvo [Russian wooden architecture]. Moscow, Izd-vo i 2-ya tip. Gos. izd-va arkhitektury i gradostroitel'stva, 1950, 104 p. (in Russ.)
- Chernykh N. B.** Dendrokronologiya i arkheologiya [Dendrochronology in archaeology]. Moscow, Nox, 1996, 216 p. (in Russ.)
- Cook R., Krusic P. J.** A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). 2008. URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/tree-ring-laboratory/resources/software> (accessed 01.02.2023).
- Douglass A. E.** Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings in trees in relation to climate and solar activity. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1919, vol. 1, 127 p.
- Holmes R. L.** Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *TreeRing bulletin*, 1983, vol. 44, pp. 69–78.
- Kardash A. V.** Mnogovekovaya Yugra: istoriya rasseleniya i adaptatsiya cheloveka na Severe Zapadnoi Sibiri (ekologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty). Arkheologicheskie raskopki, provedennye v 2018 godu na territorii posada v pgt. Berezovo Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry [Centuries-old Ugra: the history of settlement and human adaptation in the North of Western Siberia (environmental and socio-cultural aspects). Archaeological excavations carried out in 2018 on the territory of the settlement in the village. Berezovo Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra]. Nefteyugansk, 2019, no. 1, 136 p. (in Russ.)
- Minenko N. A.** Khozhdenie za “Kamen”. Nachalo Aziatskoi Rossii: novaya versiya [Going for the “Stone”. The Beginning of Asiatic Russia: a new version]. *Rodina* [Motherland], 2000, no. 5, p. 64–71. (in Russ.)
- Mygлан V. S., Omurova G. T., Barinov V. V., Kardash O. V.** Methodological aspects of determining type, age, and origin of archaeological wood: The case of fort Nadym. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48 (3), pp. 80–89.
- Mygлан V. S., Vedmid G. P., Mainicheva A. Yu.** Berezovo: istoriko-arkhitekturnye ocherki [Berezovo: historical and architectural essays]. Krasnoyarsk, SFU Press, 2010, 152 p. (in Russ.)

- Myglan V. S., Zharnikov Z. Yu.** Datirovanie istoricheskikh pamyatnikov Sibiri dendrokronologicheskim metodom. Metodicheskii aspekt [Dating of historical monuments of Siberia by the dendrochronological method. Methodological aspect]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russian culture in archaeological research]. Omsk, Tyumen, Ekaterinburg, Magellan, 2014. vol. 1, pp. 112–117. (in Russ.)
- Parkhimovich S. G.** Otchyot o NIR: O rezul'tatakh arkheologicheskikh raskopok v posadskoi chasti Berezovskogo gorodishcha v 2019 godu [Research report: On the results of archaeological excavations in the township part of the Berezovsky settlement in 2019]. Nefteyugansk, 2020, no. 1, 147 p. (in Russ.)
- Parkhimovich S. Yu.** Otchyot o NIR: Arkheologicheskie raskopki pod restavratsiyu ob'ekta kul'turnogo naslediya "Dom kuptsa K. V. Dobrovol'skogo, 1876 g.", Tyumenskaya oblast' KhMAO – Yugra, pgt. Beryozovo, ul. Sobyana, d. 41 v 2012 godu [Research report: Archaeological excavations for the restoration of the cultural heritage site "The House of the Merchant K. V. Dobrovolsky, 1876" Tyumen region, KhMAO – Yugra, Berezovo, st. Sobyana, 41 in 2012]. Nefteyugansk, 2013, no. 1, 144 p. (in Russ.)
- Proekt zon ohrany ob'ektov kul'turnogo naslediya, nakhodyashchikhsya v granitsakh pgt. Berezovo [The project of zones for the protection of cultural heritage objects located within the boundaries of the town Berezovo KhMAO – Yugry]. Nefteyugansk, 2011, no. 1, 202 p. (in Russ.)
- Rezun D. Ya., Vasilevsky R. S.** Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of Siberian cities]. Novosibirsk, 1989, 304 p. (in Russ.)
- Rinn F.** TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg, Frank Rinn Distribution, 1996, 269 p.
- Romodanovskaya E. K.** Izbrannye trudy: Sibir' i literatura XVII vek [Selected works: Siberia and literature of the 17th century]. Novosibirsk, 2002, 233 p. (in Russ.)
- Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arkheograficheskoi komissiei [Russian historical library published by archaeological commission]. St. Petersburg, 1875, vol. 2, col. 1068–1069, p. 572. (in Russ.)
- Russkoe starozhil'cheskoe naselenie Yugry v kontse XVI – seredine XIX v. Issledovatel'skie materialy i dokumenty [Russian native people in Ugra in the end of 16th – middle 19th century. Scientific materials and data]. Ed. by A. G. Mosin. Authors: N. N. Baranov, D. A. Redin, A. T. Sheshkov. Moscow, Galerija, 2007, 591 p. (in Russ.)
- Shashkov A. T.** Slaven grad Berezov! [Great Berezov!]. *Rodina [Motherland]*, 2003, no 7, p. 44–49. (in Russ.)
- Solodkin Ya. G.** Kogda byl zalozen Berezov? [When has been established Berezov?]. *Sibirskii istoricheskii zhurnal [Siberian Historical Journal]*, 2004, no. 1, p. 38–42. (in Russ.)
- Vizgalov G. P.** Otchyot o NIR: Provedenie avariino-spatel'nykh rabot na kul'turnom sloe istoricheskogo poseleniya Beryozovo v 2008 godu (raskop № 1-08) [Research report: Carrying out rescue operations on the cultural layer of the historical settlement of Berezovo in 2008 (excavation No. 1-08)]. Nefteyugansk, 2008, no. 1, 178 p. (in Russ.)
- Vizgalov G. P.** Otchyot o NIR: Provedenie avariino-spatel'nykh arkheologicheskikh rabot na kul'turnom sloe istoricheskogo poseleniya Beryozovo [Research report: Carrying out rescue and rescue archaeological work on the cultural layer of the historical settlement of Beryozovo]. Nefteyugansk, 2010, vol. 1, no. 1, 195 p. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parhimovich S. G.** Berezovskii kreml': nekotorye rezul'taty i perspektivy arkheologicheskikh issledovaniy [Berezovsky Kremlin: some results and prospects of archaeological research]. In: Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Tomsk, Khanty-Mansiisk, TSU Press, 2010, vol. 8, pp. 389–396. (in Russ.)
- Vlasova I. V.** Tipy zhilykh i khozyaistvennykh postroek XVI–XVIII vv. [Types of residential and outbuildings of the 16th – 18th centuries]. In: Russkii Sever: Etnicheskaya istoriya i narodnaya

kul'tura XII–XX vekov [Russian North: Ethnic history and folk culture of the 17th – 20th centuries]. Moscow, Nauka, 2001, pp. 199–207. (in Russ.)

Wigley T., Briffa K., Jones P. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology. *J. Clim. Appl. Met.*, 1984, no. 23, pp. 201–213.

Информация об авторах

Владимир Станиславович Мыглан, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Scopus Author ID 26026355200

WoS Researcher ID S-7088-2018

RSCI Author ID 109778

SPIN 5226-5454

Георгий Петрович Визгалов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Scopus Author ID 14627927600

WoS Researcher ID AAS-2177-2020

RSCI Author ID 951445

SPIN 6728-8917

Захар Юрьевич Жарников, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 56529554100

WoS Researcher ID O-8738-2017

RSCI Author ID 731421

SPIN 7359-6248

Валентин Викторович Баринов, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 56061598400

WoS Researcher ID T-2127-2018

RSCI Author ID 708867

SPIN 1865-2190

Елена Николаевна Петрова, младший научный сотрудник

WoS Researcher ID IYS-4963-2023

RSCI Author ID 1208904

SPIN 3664-6478

Анна Владимировна Тайник, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

Scopus Author ID 56815131200

WoS Researcher ID AAN-7494-2019

RSCI Author ID 1011896

SPIN 7455-8985

Майя Олеговна Филатова, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57194490936

WoS Researcher ID AAN-9674-2020

RSCI Author ID 820217

SPIN 1205-3720

Information about the Authors

Vladimir S. Myglan, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher

Scopus Author ID 26026355200

WoS Researcher ID S-7088-2018

RSCI Author ID 109778

SPIN 5226-5454

Georgy P. Vizgalov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher

Scopus Author ID 14627927600

WoS Researcher ID AAS-2177-2020

RSCI Author ID 951445

SPIN 6728-8917

Zakhar Yu. Zharnikov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher

Scopus Author ID 56529554100

WoS Researcher ID O-8738-2017

RSCI Author ID 731421

SPIN 7359-6248

Valentin V. Barinov, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher

Scopus Author ID 56061598400

WoS Researcher ID T-2127-2018

RSCI Author ID 708867

SPIN 1865-2190

Elena N. Petrova, Junior Researcher

WoS Researcher ID IYS-4963-2023

RSCI Author ID 1208904

SPIN 3664-6478

Anna V. Taynik, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher

Scopus Author ID 56815131200

WoS Researcher ID AAN-7494-2019

RSCI Author ID 1011896

SPIN 7455-8985

Maya O. Phylatova, Candidate of Sciences (History), Junior Researcher

Scopus Author ID 57194490936

WoS Researcher ID AAN-9674-2020

RSCI Author ID 820217

SPIN 1205-3720

Вклад авторов:

В. С. Мыглан – руководитель исследования, анализ материала, подготовка статьи, формулирование основной идеи статьи

Г. П. Визгалов – организатор раскопок, консультация по археологическим вопросам, грантодержатель

З. Ю. Жарников – отбор и анализ материала, формулирование выводов

В. В. Баринов – отбор и анализ материала, формулирование выводов

Е. Н. Петрова – участие в раскопках, консультация по архитектурным вопросам

А. В. Тайник – анализ материала, подготовка статьи

М. О. Филатова – ответственный автор, анализ материала, подготовка статьи

Contribution of the Authors:

Vladimir S. Myglan – head of research, analysis of material, preparation of the article, formulation of the main idea of the article

Georgy P. Vizgalov – organizer of excavations and grant holder, consultation on archaeological issues

Zakhar Yu. Zharnikov – selection and analysis of material, drawing conclusions

Valentin V. Barinov – selection and analysis of material, drawing conclusions

Elena N. Petrova – participation in excavations, consultation on architectural issues

Anna V. Taynik – analysis of the material, preparation of the article

Maya O. Phylatova – corresponding author, analysis of the material, preparation of the article

*Статья поступила в редакцию 14.12.2022;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 30.03.2023
The article was submitted 21.02.2023;
approved after reviewing 30.03.2023; accepted for publication 30.03.2023*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-118-128

Некоторые особенности оборонного зодчества Петровского времени на Среднем Иртыше

Сергей Григорьевич Скобелев¹

Андрей Павлович Бородовский²

Сергей Валерьевич Горохов³

^{1,3} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

² altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>

³ gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Аннотация

Настоящее исследование посвящено разрешению комплекса проблем, связанных с историей и археологией фортификации Петровского времени по Среднему Иртышу (в пределах современного Черлакского района Омской области). Здесь нами были пройдены водный и пеший маршруты. В ходе работы рассматривались природно-географические условия для размещения оборонительных объектов и их поиска в настоящее время, состояние путей коммуникаций с ними и виды сообщений, наличие строительного леса в ближайших окрестностях, каменных и рудных ресурсов и т. д. Показано, что местность представляет собой ровные участки степи, круто обрывающиеся по берегам Иртыша, обычно топким, занятым тополем, ветлой, иными породами деревьев и кустарниками. Имеется много ложбин, рассекающих берега, что дополнительно затрудняет продвижение судов с применением бечевы. Нет сосновых лесов, что заставляло первопроходцев искать выход из положения в виде создания мазанок на каркасе из кольев и прутьев. Полностью отсутствует каменное сырье, даже в виде галечника. Болотная руда встречена в виде единственного фрагмента. В ходе работ были также выявлены объекты фортификации русского времени – городища Крутойржа и Соляной Поворот.

Ключевые слова

Сибирь, юг Омского Прииртышья, петровское время, оборонительные сооружения, архитектура, природные ресурсы, коммуникации, история, археология

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021)

Для цитирования

Скобелев С. Г., Бородовский А. П., Горохов С. В., Некоторые особенности оборонного зодчества Петровского времени на Среднем Иртыше // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 118–128. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-118-128

© Скобелев С. Г., Бородовский А. П., Горохов С. В., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 118–128

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 118–128

Some Features of the Fortification of the Peter's Time in the Middle Course of the Irtysh

Sergei G. Skobelev¹, Andrei P. Borodovsky², Sergei V. Gorokhov³

^{1,3} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

² altaicenter2011@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6312-1024>

³ gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Abstract

Purpose. In the history of the development of Russian fortification architecture in Siberia in the era of Peter I, the most unique situation and bright page should be considered the construction in a short time of a line of 930 miles fortresses along the right bank of the Middle and Upper Irtysh from the Omsk fortress to the Ust-Kamennaya. For Siberia, this was a unique situation, since previously fortified lines had not been created here. Therefore, it is important to study and characterize the natural and geographical conditions of the Russian development of the region.

Results. This study is devoted to resolving a complex of problems related to the history and archaeology of the fortification of the Petrine time along the Middle Irtysh (within the modern Cherlak district of the Omsk region). Here we have passed the water and foot routes. In the course of the work, natural conditions for the placement of defensive objects and their search at the present time, the state and types of communication routes, the presence of scaffolding in the immediate vicinity, stone and ore resources, etc. were considered

Conclusion. In general, the passed route provided significant scientific results, which made it possible to objectively characterize the conditions of the territory development in the Middle Irtysh by Russians in the time of Peter the Great. As a result of the study, we were able to significantly clarify the history of the emergence and reconstruction of the fortification objects: the Solianoi Povorot and Krutoyarka villages. Prospects for further study of these sites are associated with archaeological excavations.

Keywords

Siberia, the south of the Omsk Irtysh region, Peter's Time, defensive structures, natural resources, communications, history, archaeology

Acknowledgements

The study was conducted as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0021)

For citation

Skobelev S. G., Borodovsky A. P., Gorokhov S. V. Some Features of the Fortification of the Peter's Time in the Middle Course of the Irtysh. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 118–128. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-118-128

Введение

В истории развития русского оборонного зодчества в Сибири в эпоху Петра I наиболее яркой страницей, безусловно, следует считать создание в краткий срок линии крепостей протяженностью 930 верст по правобережью Среднего и Верхнего Иртыша от Омской крепости до Усть-Каменной (Усть-Каменогорской). Для Сибири это стало уникальной ситуацией, поскольку ранее целенаправленно столь масштабные укрепленные линии здесь не создавались [Матвеев, Трофимов, 2011; Муратова, 2013; Муратова, Тычинских, 2017]. Возведение этого мощного оборонительного комплекса на очень большом протяжении можно считать главной спецификой и особенностью фортификационного творчества в Сибири в эпоху Петра I.

В годы самостоятельного правления Петра I крепости строились и на иных территориях Сибири. По Оби это были Умревинский (1703), Чаусский (1713) и Бердский (1716) остроги, к этому перечню можно отнести также Бикатунскую крепость (1709). На Томи ставился лишь один острог – Мунгатский (1715), по Енисею два – второй Абаканский (1707) и Саянский (1717–1718). Далее на востоке известен лишь Косогольский острог (1716), поставленный на северо-восточном берегу оз. Хубсугул¹ и сожженный в 1718 г. для устранения напряженности с империей Цин (русский гарнизон с оружием, снаряжением и продовольствием был выведен, деревянный острог сожжен) [Русско-китайские отношения..., 1990, с. 574–575].

Как можно видеть из представленных дат и территориальной разбросанности этих объектов, комплексного освоения земель на больших площадях не последовало, а в случае с Косогольским острогом они даже были утрачены. По Иртышу же после основания в 1594 г. Тары и выше по течению Иртыша Такмыкского острога (1682) ничего нового не строилось до 1715 г. Далее работа по указам Петра I в 1715–1720 гг. велась в рамках единого плана со значительным и плотным территориальным охватом [Бородаев, Контев, 2015, с. 292]. Результатом выполнения плана стало сооружение в краткий срок «цепочки» крепостей – Ямышевской (ставилась дважды – в 1715 и 1716 гг.), Омской (1716), Железинской (1717), Семипалатной (1718), Убинской (1718), Долон-Карагайской (1718), Усть-Каменогорской (1720 г.; до 1804 г. – Усть-Каменной крепости) [Там же]. Это обеспечило присоединение к России обширных территорий юга Обь-Иртышского междуречья, позволило осваивать минеральные ресурсы Рудного Алтая. Хотя еще при Петре I Долонская и Убинская крепости были срыты из-за сложных отношений с Джунгарией, потеря вновь приобретенных земель, в отличие от истории с Косогольским острогом, не последовало. Оставшиеся крепости стали основой укреплений Иртышской линии, которая к середине XVIII в. вошла в оборонительную систему Сибирских линий. Относительно последнего обстоятельства следует отметить, что такое развитие не останавливалось и после смещения с поста в 1719 г. одного из главных инициаторов начала этой работы – первого губернатора Сибири князя М. П. Гагарина [Там же].

В связи со столь высокой значимостью для истории освоения Сибири данных событий, в том числе сопровождавшихся масштабными боевыми действиями против джунгар, нами с целью знакомства с природными особенностями региона и выявления на местности возможных памятников времени русского освоения юга современной Омской области был пройден водный и частично сухопутный маршрут по правому берегу Иртыша от северной окраины с. Соляное до с. Большой Атмас в пределах Черлакского района Омской области.

---

¹ В монографии В. Б. Бородаева, А. В. Контева указано, что историками точное место расположения острога не установлено [Бородаев, Контев, 2015, с. 233]. Однако ими же приведены фрагменты генеральной карты Российской империи 1776 и 1786 гг. На первой из них значок бывшего острога размещен у устья р. Ханх (Ханга, Ханх-Гол), показанной впадающей в озеро с северо-запада, а на второй эта река не показана, но значок острога стоит в том же месте, т. е. у северо-западной оконечности озера [Там же, с. 239, рис. 40]. Казалось бы, проблема разрешается на основании полученных из имеющихся документов сведений. Но реально р. Ханх впадает в озеро на северо-востоке, что и было показано на более ранней карте, выполненной Д. Баскаковым и В. Шетиловым в 1728 г. [Там же, с. 236]. Используя сведения ряда документов и карт XVIII в., В. Б. Бородаев и А. В. Контев в качестве основного ориентира для поиска острога верно назвали окрестности правобережья у устья р. Ханх [Там же, с. 233–238]. Но они не учли картографические ошибки в указании места расположения ее устья, что и привело к выводу о неизвестности расположения острога. На самом деле остатки четырехбашенного острога со следами сильного прокала почвы и почти полным отсутствием вещевых находок обнаружены на северо-восточном берегу озера (на правобережье р. Ханх у северо-восточной окраины современного пос. Ханх) во время разведки, проводившейся в 2007 г. совместной Российско-Монгольской археолого-этнографической экспедицией [Kharinsky, 2009]. Выявленные здесь в ходе раскопок следы сожжения большого количества дерева и отсутствие вещевого материала русского происхождения соответствуют событиям краткой истории существования крепости.

Виды коммуникаций и состояние берегов Иртыша

Первое наблюдение связано с установлением условий и особенностей транспортировки грузов по Иртышу, нужных для строительства острогов, во времена известных походов вверх по этой реке по решениям Петра I и Сибирской администрации отрядов подполковника Преображенского полка И. Д. Бухгольца (1715), затем полковника Ф. Матигорова (1716), подполковника П. С. Ступина (1717), тарского головы Б. А. Чередова (1718), капитана И. Алексеева (1718), «иноземца» капитана Ивана Инея (1718), капитана А. Урезова (1719), гвардии мазора (майора) И. М. Лихарева (1720), а также конного отряда под командованием тобольского сына боярского И. Калмыкова (1717) [Бородаев, Контев, 2015, с. 174, 122–145, 265].

Основным видом транспорта во всех этих походах вверх по Иртышу, за исключением отряда Калмыкова, были разных типов суда. Так, экспедиция Бухгольца передвигалась на 32 дощаниках и 27 больших 12-весельных лодках с людьми, амуницией, провиантом и снаряжением. К этому отряду пристали также 12 купеческих дощаников с товарами. В отряде Урезова имелось 20 больших плоскодонных лодок. Экспедиция Лихарева имела 34 лодки [Там же, с. 286, 324]. Речные суда разных типов использовались и в других отрядах.

По поводу транспортировки этих судов вверх по реке существуют несколько мнений. Так, способ передвижения по воде отряда Бухгольца по письменным источникам пока не установлен, но он мог состоять в выборе лишь из трех возможных вариантов (или их комбинаций) – гребли, использования паруса и бечевы. Лихаревым для всего пути вверх по течению отмечалось, что его лодки шли под парусом, на веслах или при помощи бечевы. Вероятно, так же двигались и суда Бухгольца.

Но наш немалый по протяженности водный маршрут по среднему Иртышу показал, что в настоящее время (даже при низком уровне воды лета 2020 г.) участков берега типа открытого пляжа, по которым возможно пешее передвижение, очень мало. В большинстве случаев кромка древесной (в основном кустарниковой) растительности касалась воды, а сам берег по урезу воды на ряде участков был очень топким. Вырубить кусты и деревья на таком протяженном маршруте или вести суда бечевой, находясь над обрывом на большом расстоянии от воды, было невозможно. Следует также учитывать, что река могла внезапно сильно разливаться и затапливать берега даже в отсутствие серьезных осадков: так, с 7 по 13 октября 2020 г. на юге Омской области произошел рост уровня воды в Иртыше на 25 см [Бояринцева, 2020].

Кроме того, по берегам Иртыша часто встречаются глубокие лога и овраги (буераки), которые создавали дополнительные трудности для ведения судов бечевой полем вдоль крутого берега. Эти особенности рельефа в дальнейшем давали защиту для возводимых оборонительных сооружений, а также обеспечивали спуск к воде типа пандусов («взвозов», «взьемов»). Для сравнения: у Саянского острога, стоявшего на берегу Енисея, с трех напольных сторон на значительном протяжении было ровное пространство без логов, в связи с чем взвоз делался не перпендикулярно, а параллельно обрыву берега реки – от уреза воды до уровня площадки острога.

Лишь на Верхнем Иртыше ландшафт был иной, и, по сообщениям письменных источников, суда могли идти на бечеве, что и осуществлялось на практике [Там же, с. 293–296].

Исходя из представленных данных, можно высказать предположение, что движение вверх по Иртышу шло на веслах и / или под парусом. Драгунский же полк из состава отряда Бухгольца, а также отряд Калмыкова с большим количеством лошадей, могли двигаться только по берегу. Выяснение всех указанных обстоятельств помогает понять причины медленного продвижения вверх по Иртышу этих экспедиций.

Водный путь по этой реке на участке от Тары до устья Оми составляет 410 км. При скорости течения в межень 2–2,5 км/ч скорость передвижения могла достигать около 30 км в день, что учитывалось в ходе планирования в 1628 г. постройки нового острога. Путь по времени был вдвое продолжительнее сухопутного, но при этом можно было транспортировать боль-

шой объем грузов: «запасов завести на год конми на выюках не мочно» [Бояринцева, 2020, с. 28]. Соответственно, если сравнивать, например, с этими условиями движения дощаников вверх по Енисею («от Енисейского же острогу до Красноярского острогу 10 дней, а водяным путем ходят в верх по Енисею реке недели в 3» [Титов, 1890, с. 51]), то для использования здесь бечевы условия были более подходящие в связи с наличием обширных галечных пляжей и меньшим количеством топких мест и крутых обрывов. Но скорость течения на низменном Среднем Енисее была такой, что в день проходило около 20 км. В Саянском каньоне скорость потока была выше.

Строительные материалы

Второе обстоятельство – это отсутствие сосновых лесов (боров) в пределах видимости по линии маршрута. Характерно оно было и для территорий, находившихся выше по течению. Так, в документах 1626 г. говорилось, что в займищах в окрестностях Ямышева озера лес имелся, но он годился лишь на осторожное строительство – «...хором ставити из того лесу нельзе» [Бородаев, Контев, 2015, с. 27]. Видимо, имелось в виду, что для жилого строительства должен был использоваться сосновый лес. Для начала XVIII в. такой факт означал высокую стоимость доставляемых сюда строительных материалов из «красного» леса и, как следствие, выполнение построек, в том числе объектов фортификации, частично из иных, доступных на месте, пород деревьев; мы видели здесь березу, осокорь, осину и тополь, ветлу, тальник, ясень, черемуху, разные кустарники. В ходе похода И. Д. Бухгольца на Ямышевское озеро доставка соснового леса для оборонительных сооружений была возможна лишь с низовой Иртыша, т. е. вверх по течению, что весьма затруднительно. При строительстве здесь первой Ямышевской крепости из-за недостатка деловой древесины пришлось разобрать на строительство несколько дощаников [Там же, с. 142]. Видимо, в том числе и по этой причине Ямышевская (1715), а затем и Омская (1716) крепости строились по бастионному типу, т. е. преимущественно с земляными оборонительными сооружениями. Лишь после создания выше по реке Семипалатинской и Усть-Каменной крепостей стал возможен сплав по Иртышу имевшегося там соснового леса.

Таким образом, для внутрикрепостного (возможно, и оборонительного) зодчества могли использоваться приемы, характерные для русского населения степной зоны. Это создание глиняных мазанок, каркас стен которых делался из переплетенных кольев и прутьев, а из нарезанных по форме кирпичей кусков дерна («пластов») могли строиться так называемые «пластанки», стены которых снаружи и изнутри также обмазывались глиной или штукатурились и белились. Жилые и хозяйственные постройки этих типов на данном участке берега Иртыша использовались еще в XX в. Так, на ул. Почтовой в с. Татарка нами осмотрены руины жилой постройки-мазанки. Она представляет собой плетень из кольев и прутьев разной толщины, лишь с наружной стороны обмазанный глиной (рис. 1). В с. Соляное по ул. Заречной (дома № 1 и 31) осмотрены развалины постройки со стенами в виде каркаса из сплетенных прутьев, обмазанного глиной снаружи и изнутри, с забутовкой грунтом, а также жилого дома со стенами из дернового пласта, обмазанными глиной снаружи и изнутри (рис. 2).

Нам не известно использование таких строительных приемов на Енисее и Оби – сосновые боры здесь произрастали в изобилии, в том числе недалеко от рек, по которым был возможен сплав строительного леса. Однако применение плетней в оборонном строительстве (для редутов и апрошей) имело место в Восточной Сибири и Приамурье [Артемьев, 1998, с. 140–147; 1999, с. 110–112]. Справедливо это и для Иртышского региона. Так, из новых крепостей из-за особенностей грунта и погодных условий (постоянные ветра на открытой местности) были жалобы на то, что рвы заносит песком, а крутости вала обсыпаются. По этой причине во всех укреплениях было приказано внутренние крутости от банкета класть фашинами. Чтобы песок не обсыпался, между фашинами и песком рекомендовалось класть слой глины.

Этот опыт был применен практически во всех укреплениях и признан успешным [Муратова, Тычинских, 2017, с. 36].

Рис. 1. Развалины дома-мазанки в с. Татарка (снято с юга, фото С. Г. Скобелева)

Fig. 1. Ruins of the “mazanka” house in the Tatarka village (taken from the South, photo by S. G. Skobelev)

Рис. 2. Разрушенный дом-пластянка в с. Соляное
(снято с запада, фото С. Г. Скобелева)

Fig. 2. Destroyed “plastianka” house in the Solianoe village
(taken from the West, photo by S. G. Skobelev)

Каменное сырье

Третье обстоятельство состоит в том, что нигде на протяжении нашего маршрута не было выходов камня или намыва речной гальки – обычного сырья для производства каменных орудий. Это подтверждает мнение ряда специалистов, что крайне немногочисленные в целом для Омской области (например, Омской стоянки позднего палеолита – раннего неолита) изделия выполнялись из каменного сырья, действительно доставляемого с территории современного Казахстана, или ввозились уже в готовом виде.

Для русского времени отсутствие речной гальки и прочего камня означало, что, в отличие, например, от гарнизона Саянского острога на Енисее (1718), где галечный и иной каменный материал имелся в изобилии, русские первопроходцы в степном Прииртышье должны были сам камень и изделия из него (для Саянского острога это были ружейные и кресальные кремни, точила и оселки, головки курительных трубок и т. п.) доставлять извне. В том же Саянском остроге, как известно из сообщений письменных документов, при нехватке металлической картечи для пушек начальство требовало от гарнизона в таком качестве использовать дробленую гальку, зашивавшуюся в холщовые мешочки нужного размера. В ходе наших раскопок в культурном слое неоднократно встречались такие каменные скопления. Кроме того, крупные речные гальки в Саянском остроге использовались для создания печей-«каменок» в жилых помещениях, чего также требовало местное руководство. Каменным было и основание выявленного здесь кузнечного горна. На Иртыше же в пределах изученной нами территории в связи с указанными природными обстоятельствами из числа быстро возводимых очагов могли строиться, видимо, глинобитные или (что для XVIII в. маловероятно) кирпичные печи.

Рудное сырье

Четвертое наблюдение, казалось бы, в какой-то мере противоречит третьему. Так, в береговой полосе у с. Большой Атмас в линии уреза воды при упомянутом отсутствии гальки был обнаружен крупный фрагмент железной руды. Как известно, до разработки уральских железных руд в эпоху Петра I русское железо на Руси и в Сибири добывалось в основном из болотных, озерных и луговых руд (лимонитов) или же ввозилось из Швеции [Левинсон-Лессинг, 1891, с. 311]. Принесен был этот «камень» рекой или людьми с территории современного Казахстана, сказать сложно. Ясно лишь, что в речной водной среде железные конкреции не образуются, они возникают в слабопроточной или стоячей воде на корневищах разлагающихся водных растений. Но камень имеет вид именно таких конкреций, хотя для них он несколько крупный. Это явление можно объяснить тем, что он был вынесен в русло Иртыша потоком, разрушившим, например, берег какой-то старицы.

Но есть и иное объяснение, если вспомнить название одной из крепостей XVIII в., стоявшей южнее современного Большого Атмаса – Железинская (от тюркского Темир-таш, т. е. «Железная гора») ². Так, допустимо предположить, что под воздействием водных потоков и ледохода этот камень был отнесен именно оттуда столь далеко вниз по течению. Данный факт может помочь определить характер сырья, используемого здесь для производства железа в эпоху русского освоения региона, учитывая, что при обработке болотная руда с использованием березового угля начинает превращаться в губчатое железо уже при температуре около 800 градусов, т. е. фактически при температуре большого костра. Данные сведения позволяют заключить, что первопроходцы (по крайней мере в Железинской крепости) имели возможность производства железных изделий на месте, учитывая широкое распространение здесь березовых рощ, использовавшихся для выжигания угля.

² В источниках эта гора называется также Железинским яром; упоминается и речка Железинка [Бородаев, Контев, 2015, с. 240].

Выявление возможных остатков сооружений фортификационного характера

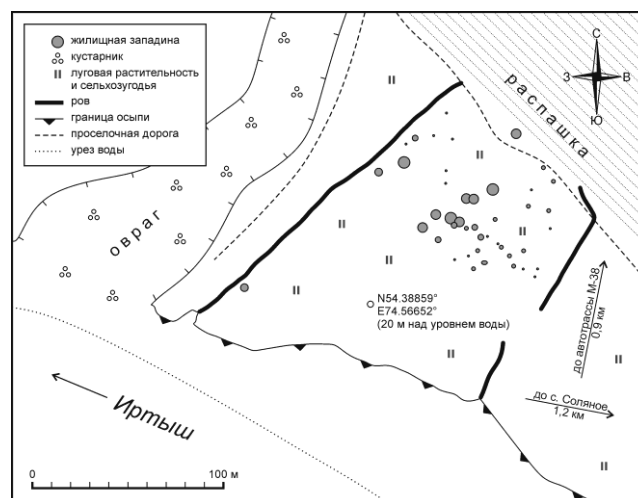
Одна из задач сухопутного маршрута состояла в выявлении признаков возможных оборонительных объектов русского времени в прибрежной полосе районного центра пгт. Черлак и с. Татарка, а также на площади ныне не существующей д. Крутоярки и у северной окраины с. Соляное.

На территории Черлака и Татарки признаков укреплений не выявлено. Возможно, они попали под современную жилую застройку либо обрушились в Иртыш.

Бывшая д. Крутоярка, ныне покинутая населением, стояла вдоль реки в три ряда домов на мысу, образованном берегом Иртыша и глубоким логом (фактически оврагом) с северной стороны. По этому логу отмечаются следы существования расположенного перпендикулярно относительно берега «взвоза» от берега реки. В советское время на окружающей местности проводились масштабные ирригационные работы, следы которых остались в виде длинных канав для подачи воды из Иртыша на окружающие поля. Однако имеются отдельные признаки, возможно, рвов и валов, находящихся явно вне пределов площади земляных работ советского времени. Это делает данные объекты перспективными для дальнейшего изучения.

В ходе первичного изучения городища Соляной Поворот, расположенного в 2 км ниже по течению Иртыша к северо-западу от окраины современного с. Соляное, вдоль южного края глубокого лога, перпендикулярного высокому обрывистому берегу реки, выявлены сохранившиеся на ряде участков сильно задернованные остатки рвов и валов, а также хорошо заметные жилищные западины разных размеров (остатки землянок или домов с погребями). Одна из западин в северо-западной части двора городища непосредственно находится у стены, недалеко от «взвоза» со стороны реки, проходящего по логу (доступен для использования даже в настоящее время). Видимо, это остатки бани, расположение которой в таких условиях объяснялось необходимостью доставки с реки большого количества воды. Возможно, где-то здесь находилось и сооружение в виде ворот для доставки воды и грузов с реки, водопоя скота и лошадей (рис. 3). Следует отметить, что подобная ситуация с баней благодаря большому количеству щелока в культурном слое у стены со стороны реки, фиксировалась в ходе раскопок вблизи от ворот в Саянском остроге. Более того, на планах новых Петропавловской (на Чикойской стрелке) и Троицкой (на р. Кяхте) крепостей, построенных по указанию графа С. Л. Владиславовича-Рагузинского в 1727–1728 гг., имелись здания самих бань, причем в Троицкой крепости баня стояла непосредственно на берегу реки [Артемьев, 1999, рис. 43, 45]. В последующем было продолжено изучение данного городища, что нашло частичное отражение в уже вышедшем отдельном издании [Бородовский, Чибышев, 2021].

Рис. 3. Топографический план археологического памятника Соляной Поворот
Fig. 3. Topographic plan of the archaeological monument Solanoi Povorot

На площади всех перечисленных объектов местные жители часто находили предметы материальной культуры русского населения XVIII–XIX вв.: фрагменты керамики, монеты, пуговицы, фурнитуру для казачьих сабель, различные железные изделия и т. п. В школьном краеведческом музее с. Соляное осмотрены фрагменты русской керамики, монеты XVIII–XIX вв., изделия из бронзы и железа, происходящие из верхней части культурного слоя русского времени. Среди них особенно интересен бронзовый гребень с головками лошадей по верхним концам рамки. Такие предметы с коньковыми окончаниями широко использовались в качестве украшений у славян и финно-угров в Восточной Европе в Средние века и даже в Новое время [Балюнов, 2016]. Интересно отметить, что часть зубьев у найденного гребня обломлена. Это свидетельствует о том, что им пользовались и по прямому назначению.

Заключение

В результате проведенной разведки было установлено, что люди и грузы для строительства новых укрепленных пунктов по Иртышу могли преимущественно доставляться водным путем с применением различных типов судов и комбинации трех способов их транспортирования: на веслах и под парусом – в северной части Среднего Иртыша; дополнительно бечевой – в верхнем течении реки. Ход по степному берегу использовался мало, главным образом конными отрядами первопроходцев. Сравнивая данную ситуацию с имевшей место в Приенисейском крае, мы можем констатировать, что на Енисее, в отличие от Иртыша, отряды строителей двигались преимущественно по суше. Вполне вероятно, что это объяснялось более высокой скоростью течения в Енисее, серьезно затруднявшей транспортировку судов.

Отсутствие поблизости сосновых лесов заставляло первопроходцев использовать в оборонном зодчестве на Среднем Иртыше древесину лиственных деревьев, а для жилья возводить мазанки и пластанки.

Весьма значимым в процессе освоения региона следует считать отсутствие каменного сырья в виде галечников на изученном участке реки. Это приводило к существенному обеднению номенклатуры изделий, производимых в населенных пунктах по Среднему Иртышу, чем они и отличались от поселений, расположенных поблизости от гор, например от Саянского острога на Енисее у подножия Западного Саяна.

Факт обнаружения хотя и единичного фрагмента болотной руды, тем не менее, позволяет утверждать, что на данной территории имелось сырье для производства железных изделий на месте.

Особенности фортификации позволяют сделать вывод о русском происхождении памятников Крутоярка и Соляной Поворот. Полученные результаты стали возможными благодаря материальной поддержке и детальному знанию локальной археологии и истории местным населением. Это хороший пример взаимодействия общества и фундаментальной науки исторического профиля. Полученные результаты будут нами использованы в дальнейшей работе. В первую очередь планируется изучение геофизическими методами памятника Соляной Поворот и площади д. Крутоярка с целью установления здесь возможных рвов, валов и иных оборонительных сооружений.

Список литературы

- Артемьев А. Р.** Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. 1998. № 5. С. 140–147.
- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.
- Балюнов И. В.** Медные гребни из фондов Тобольского музея-заповедника // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 149–157.

- Бородаев В. Б., Контев А. В.** Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Бородовский А. П., Чибышев П. В.** Соляной Поворот на Среднем Иртыше (станция, редут, станица на Иртышской оборонительной линии XVIII–XIX вв.): Учеб. пособие. Омск; Новосибирск: Апостроф, 2021. 124 с.
- Бояринцева А.** После рекордного падения Иртыш в Омской области внезапно и резко поднялся. 2020. URL: https://superomsk.ru/news/93920-irtsh_v_omskoy_oblasti_vnezapno_i_rezko_podnyalsya/ (дата обращения 31.07.2022).
- Левинсон-Лессинг Ф. Ю.** Болотная руда // Энциклопедический словарь. СПб.: Типо-литография (И. А. Ефрона), 1891. Т. 4. 488 с.
- Матвеев А. В., Трофимов Ю. В.** Русские военно-оборонительные укрепления Среднего Прииртышья XVII–XVIII вв. в исследованиях А. Ф. Палашенкова // Краеведение как феномен провинциальной культуры. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2011. С. 373–378.
- Муратова С. Р.** Географическое описание Иртышской линии // Вестник Том. гос. ун-та. 2013. № 373. С. 108–114.
- Муратова С. Р., Тычинских З. А.** Фортификационные особенности пограничных крепостей Урала и Западной Сибири XVIII в. // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 34–37.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1990. Т. 2 (1725–1727). 668 с.
- Титов А.** Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. С приложением снимка со старинной карты Сибири. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 253 с.
- Kharinsky A. V.** Archaeological Study on Khankh Sum, Huvsgol Province 2008 year // Eastern Mongolia and Northern Culture: 2nd International Conference. Ulanbaatar, 2009, pp. 94–104.

References

- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zhabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Cities and ostrogs of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17th – 18th centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Artemiev A. R.** Stroitel'stvo gorodov i ostrogov Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII veke i tipy oboronitel'nykh sooruzhenii [Construction of cities and prisons of Transbaikalia and Amur region in the second half of the 17th – 18th century and types of defensive structures]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic history], 1998, no. 5, pp. 140–147. (in Russ.)
- Balyunov I. V.** Copper combs from the funds of the Tobolsk Museum-Reserve. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 7, pp. 149–157. (in Russ.)
- Borodaev V. B., Kontev A. V.** Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. [Formation of the Russian border in the Irtysh-Enisei interfluvium in 1620–1720]. Documentary monograph. Barnaul, AltSPU Press, 2015, 416 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Chibyshev P. V.** Solyanoi Povorot na srednem Irtyshe (stantsiya, redut, stanitsa na Irtyshskoi oboronitel'noi linii XVIII–XIX vv.) [Solyanoi Povorot on the Middle Irtysh (station, redoubt, village on the Irtysh defensive line of the 18th–19th centuries)]. Омск, Новосибирск, Апостроф, 2021, 124 p. (in Russ.)
- Boyarintseva A.** Posle rekordnogo padeniya Irtysh v Omskoi oblasti vnezapni i rezko podnyalsya [After a record fall, the Irtysh in the Omsk region suddenly and sharply rose]. 2020. URL: https://superomsk.ru/news/93920-irtsh_v_omskoy_oblasti_vnezapno_i_rezko_podnyalsya/ (accessed: 31.07.2022). (in Russ.)
- Kharinsky A. V.** Archaeological Study on Khankh Sum, Huvsgol Province 2008 year. In: Eastern Mongolia and Northern Culture: 2nd International Conference. Ulanbaatar, 2009, pp. 94–104.

- Levinson-Lessing F. Y.** Bolotnaya ruda [Swamp ore]. In: Entsiklopedicheskii slovar [Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Typo-Lithography (I. A. Efron), 1891, vol. 4, 488 p. (in Russ.)
- Matveev A. V., Trofimov Yu. V.** Russkie voenno-oboronitelnye ukrepleniya Srednego Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. v issledovaniyakh A. F. Palashenkova [Russian military-defensive fortifications of the Middle Irtysh region of the 17th–18th centuries. in the studies of A. F. Palashenkov]. In: Kraevedenie kak fenomen provincialnoi kultury [Local history as a phenomenon of provincial culture]. Omsk, Omsk State Museum of Local History, 2011, pp. 373–378. (in Russ.)
- Muratova S. R.** Geograficheskoe opisanie Irtyshskoi linii [Geographical description of the Irtysh line]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2013, no. 373, pp. 108–114. (in Russ.)
- Muratova S. R., Tychinskikh Z. A.** Fortifikatsionnye osobennosti pogranychnykh krepostei Urala i Zapadnoi Sibiri XVIII v. [Fortification features of the border fortresses of the Urals and Western Siberia of the 18th century]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 2017, no. 3 (77), pp. 34–37. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty [Russian-Chinese relations in the 18th century. Materials and documents]. Moscow The main editorial office of Oriental literature, 1990, vol. 2 (1725–1727), 668 p. (in Russ.)
- Titov A.** Sibir v XVII veke. Sbornik starinnykh russkikh statei o Sibiri i prilezhashchikh k nei zemlyakh. S prilozheniem snimka so starinnoi karty Sibiri [Siberia in the 17th century. A collection of old Russian articles about Siberia and the lands adjacent to it. With the application of a snapshot from an ancient map of Siberia]. Moscow, Printing house of L. and A. Snegirev, 1890, 253 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Сергей Григорьевич Скобелев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией
Андрей Павлович Бородовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Сергей Валерьевич Горохов, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

Information about the Authors

Sergei G. Skobelev, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory
Andrei P. Borodovsky, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher
Sergei V. Gorokhov, Candidate of Sciences (History), Junior Research Assistant

Статья поступила в редакцию 20.01.2023;
одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 25.02.2023
The article was submitted on 20.01.2023;
approved after reviewing on 03.02.2023; accepted for publication on 25.02.2023

Научная статья

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-129-141

Археологические находки XVIII века с территории села Повалиха

Николай Николаевич Головченко¹

Кирилл Алексеевич Назаров²

^{1,2} Алтайский государственный педагогический университет

Барнаул, Россия

¹ nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

² nazarovkiraalex@mail.ru

Аннотация

В научный оборот вводятся археологические находки из культурного слоя с. Повалиха, основанного в 1719 г. в ведомстве Белоярской крепости (Алтайский край). Обнаружено четыре археологически целых сосуда. Три сосуда уникальны по своей форме и имеют выемку от венчика до придонной части, вопрос об их назначении остается дискуссионным. В одном из них обнаружена медная монета 1739 г. Приведена сводка выявленного на территории села нумизматического комплекса. Рассматриваются находки отдельных фрагментов керамических сосудов, берестяного задника от обуви и рыболовного крючка. Обсуждается необходимость более масштабного исследования русских населенных пунктов XVIII в., расположенных на территории Алтайского края. Автор приходит к выводу о том, что случайное обнаружение представительных артефактов свидетельствует о явной перспективности тщательных рекогносцировочных исследований на территории с. Повалиха.

Ключевые слова

Верхнее Приобье, русская археология, Повалиха, керамика, нумизматика

Благодарности

Авторы выражают благодарность за консультацию и предоставленный картографический материал сотруднику УНИЛ «Историческое краеведение» В. Б. Бородаеву и заведующему кафедрой историко-культурного наследия и туризма АлтГПУ, кандидату исторических наук, доценту А. В. Контеву.

Для цитирования

Головченко Н. Н., Назаров К. А. Археологические находки XVIII века с территории села Повалиха // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 129–141. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-129-141

Archaeological Finds of the 18th Century in the Village of Povalikha

Nikolay N. Golovchenko¹, Kirill A. Nazarov²

^{1,2} Altay State Pedagogical University

Barnaul, Russian Federation

¹ nikolai.golowchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>

² nazarovkiraalex@mail.ru

Abstract

Purpose. Russian rural archeology of the Verkhneobskoi Region is a potentially promising area of scientific research, so any materials related to it must be introduced into scientific circulation in a timely manner. However, the number of

publications on this topic in the region is still very small. This article presents archaeological finds from the cultural layer of the village of Povalikha, founded in 1719 in the department of the Beloyarskaya fortress (the Altai Region).

Results. Four archaeologically intact vessels were found. Three vessels are unique in their shape and have a recess from the rim to the bottom, the question of their purpose remains controversial. A copper coin of 1739 was found in one of them. A summary of the numismatic complex discovered in the village is given. Individual fragments of ceramic vessels, a birch bark back from shoes and a fishing hook have been studied. The authors discuss a need for a broader study of Russian settlements of the 18th century located in the Altai Region.

Conclusion. The authors conclude that the accidental discovery of representative artifacts indicates the clear prospect of thorough reconnaissance studies in the territory of the village of Povalikha. At the same time, it should be noted that the archaeological study of life support systems and the culture of everyday life of the Russian pioneers in the Verkhneobskoy Region is largely at the stage of initial accumulation of materials.

Keywords

Verkhneobskoy region, Russian archeology, Povalikha, vessels, numismatics

Acknowledgements

The author is grateful for the consultation and the provided cartographic material to the employee of the “Historical Local Lore” Educational and Scientific Testing Laboratory V. B. Boroдаев and the head of the Historical and Cultural Heritage and Tourism Department of the Altai State Pedagogical University, candidate of historical sciences, associate professor A. V. Kontev

For citation

Golovchenko N. N., Nazarov K. A. Archaeological Finds of the 18th Century in the Village of Povalikha. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 129–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-129-141

Введение

Русская археология Алтайского края еще не завоевала должной популярности среди исследователей. Наиболее значимые работы в данном направлении предпринимались сотрудниками Алтайского государственного педагогического университета (ранее БГПИ, БГПУ, АлтГПА, АлтГПУ) А. Д. Сергеевым [1975], В. Б. Бородаевым и А. В. Контевым, осуществившими первые полевые изыскания на территории барнаульского Сереброплавильного завода [Бородаев, 1991; Контев, 1992; 1995], а также учеными Алтайского государственного университета, организовавшими поиск Белоярской крепости (см. [Фролов, 2009, с. 51; Шамшин, 2009; Тишкин, 2012]) и исследовавшими Нагорное кладбище в г. Барнауле (см. [Ведянин и др., 2017]). Вместе с тем необходимо отметить, что объемы данных работ уступают по своему масштабу систематическим исследованиям археологии, например, городов Томска, Тары, Новокузнецка или Умревинского и других острогов.

Уверенно можно говорить о достаточной популярности в южно-сибирской русской археологии городской и острожной проблематики. Тесно связаны с последней и находки, которым посвящена данная статья, так как они происходят из села Повалиха – одного из старейших населенных пунктов Алтайского края. Село было основано в ведомстве Белоярской крепости, возведенной в марте – июле 1717 г.

Русская сельская археология Верхнего Приобья – потенциально перспективное направление научных изысканий, поэтому любые материалы, имеющие к ней отношение, должны своевременно вводиться в научный оборот. Между тем количество публикаций по данной тематике пока весьма незначительно. Из последних наиболее интересных работ такого плана следует отметить публикации новосибирских археологов, представляющие исследование деревни Кривошековой и локализацию Малышевской слободы [Колонцов, 2017; Колонцов, Присекайло, 2018; Бородавский, Горохов, 2020]. Фиксация источникового комплекса первых русских деревень в верховьях Оби приобретает особое значение и в силу его систематического уничтожения из-за повального увлечения местных жителей приборным металлопоиском, активной застройки сельской местности жилыми и хозяйственными сооружениями, прокладки коммуникаций к ним, а также различных по своей цели изъятий грунта.

Материалы и обсуждение

Возведение Белоярской крепости – важный этап формирования российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. [Бородаев, Контев, 2015]. Из сообщения

Г. Ф. Миллера в «Описании Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года» известно, что «К дистрикту Белоярска относятся 34 деревни, часть которых расположена выше и ниже крепости на северо-восточном берегу Оби и на впадающих в нее здесь мелких речках, а другая, большая, часть – на обоих берегах реки Чумыш» [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 25]. Село Повалиха («деревня Филиппа Попова на реке Повалиха» [Булыгин, 1974, с. 33]), датой основания которого считается 1719 г., относится к первой группе выделенных Г. Ф. Миллером населенных пунктов. Не является преувеличением утверждение, что именно создание сети первых русских поселений обеспечило достаточно быструю интеграцию новоприсоединенного региона в состав Российского государства.

Село Повалиха, ныне относящееся к Первомайскому району Алтайского края, располагается в 45 км по трассе и в 20 км напрямую через р. Обь от краевой столицы – г. Барнаула. Старая часть села расположена на наиболее высокой надпойменной террасе реки, по которой проходит улица Партизанская. Верхнеобским отрядом археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета в 2017–2021 гг. в ее окрестностях осуществлялись рекогносцировочные исследования, цель которых заключалась в локализации повалихинского некрополя и сборах керамического материала из хозяйственных обнажений культурного слоя [Головченко, 2017; 2019; Федорук, Головченко, 2021]. Данная территория, носящая среди местных жителей название «Артюгино», по легенде, примыкает к бывшему участку Московского тракта, существующей межпоселковой дороге, ведущей из с. Повалихи в с. Белоярск Далее из с. Повалиха главный путь сообщения следовал на север в с. Озерки и далее на Тальменку, что хорошо документируется картографическими источниками, обозначающими село на правом берегу р. Повалихи (рис. 1). В данном отношении также показательны сведения, приведенные Ю. С. Булыгиным о том, что «Крестьяне, приписанные к станцу в Белоярской слободе, должны были обеспечивать подводную гоньбу в следующих направлениях: от Белоярской слободы до Барнаульского завода зимним путем через 8,5, а летом 15 верст, летним и зимним путем от той же слободы до деревни Повалихи 18,5 верст, по новоизмеренной дороге к городу Кузнецку зимним путем до деревни Зудиловой через 10» [Булыгин, 2000, с. 11]. Российская путевая верста в 500 сажень равнялась 1 066,8 м, т. е. была близка к современному километру. Примечательно, что и в начале XX в. с. Повалиха служило важным перевалочным пунктом по пути из Барнаула в Новониколаевск [Коняев, 2018, с. 52].

За свою историю улица Партизанская не раз меняла конфигурацию, и сейчас в ее центральной части имеется выходящий к меандру реки Повалихи небольшой мысовидный необрабатываемый участок (рис. 2, 1). По воспоминаниям старожилов, некогда там стояла усадьба, но, когда река изменила русло, подмыв берег, образовавшийся мыс обезлюдел.

Весной 2021 г. мы получили информацию о том, что на площадке этого мыса состоялась техническая выемка грунта. Место было обследовано сотрудниками отряда, в результате чего была получена небольшая серия разнообразной неорнаментированной керамики, переданная для технико-технологического анализа научному сотруднику Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета О. А. Федорук [Федорук, Головченко, 2021].

Осенью того же года техника повторно зашла на мыс (рис. 2, 2). Очевидцем этих работ стал проявивший сознательность местный житель В. А. Махотин (1989 г. р.), вытащивший из-под ковша бульдозера целый керамический сосуд и ряд крупных битых черепков. Извлеченный из условий залегания сосуд оказался заполненным древесной трухой, в которой В. А. Махотин обнаружил монету 1739 г. (рис. 3, 1–3). На сегодня это единственный известный нам случай обнаружения керамического комплекса, датированного монетой, в русской археологии сельских населенных пунктов XVIII в., расположенных на территории Алтайского края. На место обнаружения археологических артефактов В. А. Махотиным был вызван один из авторов настоящей статьи, осуществивший дополнительные сборы подъемного ма-

(рис. 6, 1–10) и Павла I (рис. 6, 11–14). Картирование аналогичных находок на территории других старых сел Алтайского края – задача будущих исследований.

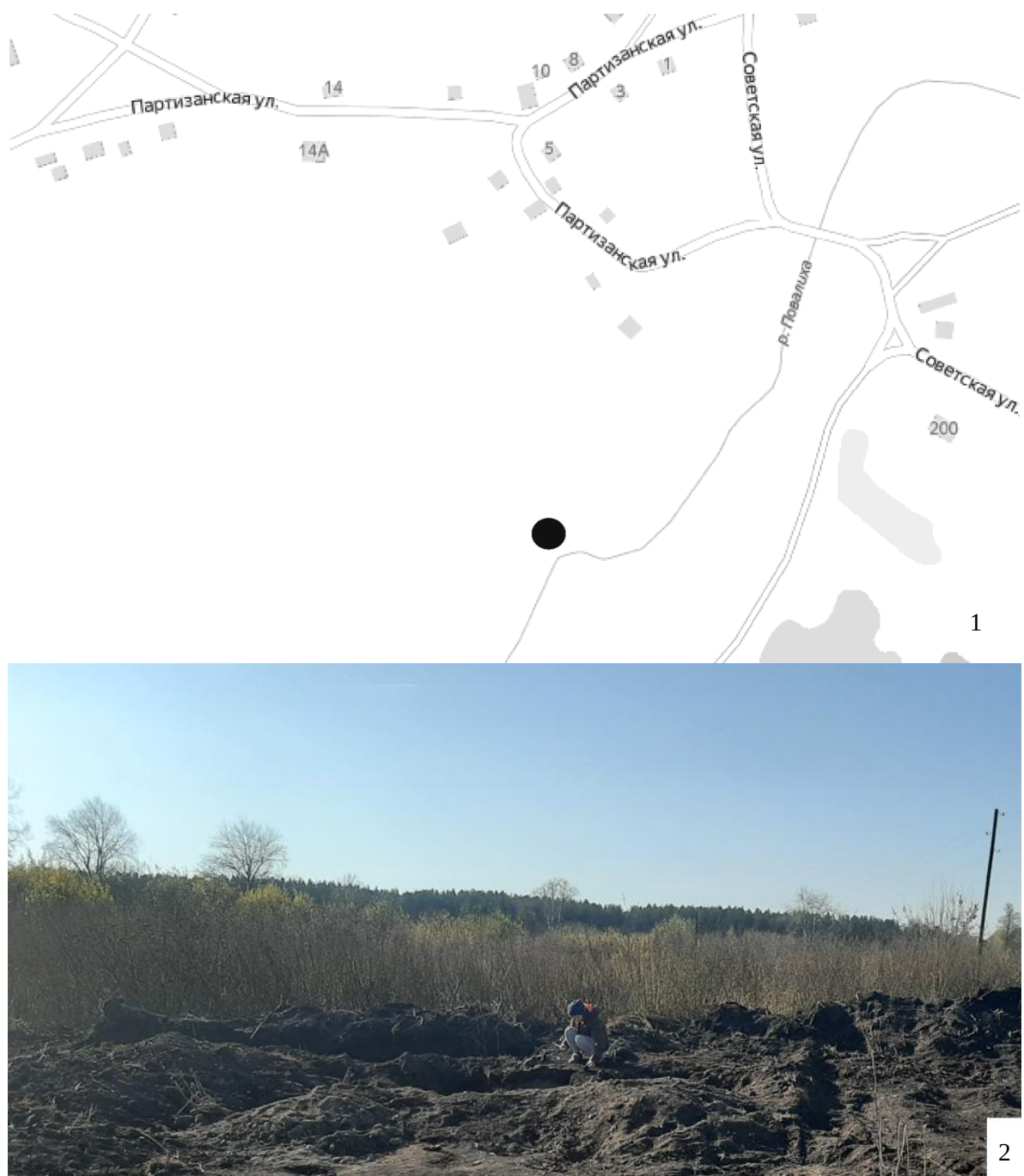

Рис. 2. Карта расположения (1) и фотофиксация (2) места, где были обнаружены археологические артефакты (ул. Партизанская, с. Повалиха). Фото Н. Н. Головченко

Fig. 2. Location map (1) and photographic fixation (2) of the place where archaeological artefacts were found (Partizanskaya Street, the village of Povalikha). Photo by N. N. Golovchenko

Рис. 3. Керамический комплекс с улицы Партизанской (1–7, 16, 17 – без масштаба):

1 – сосуд № 4 с древесным заполнением на момент обнаружения; 2 – сосуд № 4 и монета после извлечения древесного заполнения; 3 – монета после очистки; 4 – сосуд № 1; 5 – сосуд № 2; 6 – сосуд № 3; 7 – сосуд № 4; 8–15 – отдельные фрагменты венчиков сосудов; 16 – рыболовный крючок; 17 – берестяной фрагмент обуви.
1, 2 – фото В. А. Махотина; 3, 8–15 – фото К. А. Назарова; 4–7, 16, 17 – фото Н. Н. Головченко

Fig. 3. Ceramic complex from Partizanskaya Street (1–7, 16, 17 – no scale):

1 – vessel no. 4 with wood filling at the time of discovery; 2 – vessel no. 4 and coin after removing the wood filling; 3 – coin after cleaning; 4 – vessel no. 1; 5 – vessel no. 2; 6 – vessel no. 3; 7 – vessel no. 4; 8–15 – individual fragments of vessel rims; 16 – fishing hook; 17 – birch bark shoe fragment.
1, 2 – photo by V. A. Makhotin; 3, 8–15 – photo by K. A. Nazarov; 4–7, 16, 17 – photo by N. N. Golovchenko

Особый интерес представляет выявленный в с. Повалиха керамический комплекс, поскольку он включает в себя один целый сосуд и три склеенных из фрагментов. Вся обнаруженная керамическая посуда гончарного производства, неглазурованная, хорошего обжига. Параметры сосудов следующие: № 1 – темно-коричневый, высота 13–13,2 см, диаметр по венчику 12,5 см, диаметр днища 15,4 см (рис. 3, 4); № 2 – темно-коричневый, высота 11,3 см, диаметр днища 14,2 см (рис. 3, 5); № 3 – темно-серый, высота 15,8 см, диаметр по венчику 20–20,2 см, диаметр днища 13,1 см (рис. 3, 6); № 4 – коричневый, высота 12,7 см, диаметр по венчику около 15 см, диаметр днища 17–17,5 см (рис. 3, 7).

Уникальна форма трех сосудов – № 1, 2, 4 (рис. 3, 4, 5, 7), обладающих специфической выемкой от венчика до придонной части, аналоги им нами пока не установлены. В Историко-краеведческом музее АлтГПУ состоялось обсуждение данных находок, в котором участвовали О. С. Мамонтова, Н. С. Грибанова, А. В. Контев, В. Б. Бородаев, также с ними были озна-

комлены А. П. Бородовский, Л. В. Татаурова и Ю. В. Ширин. В ходе обсуждения высказывались разные предположения о возможных способах использования подобных сосудов, пока остающиеся на уровне предположений. Однако, судя по массивности и довольно грубой обработке изделий, весьма вероятно их хозяйственное, утилитарное назначение.

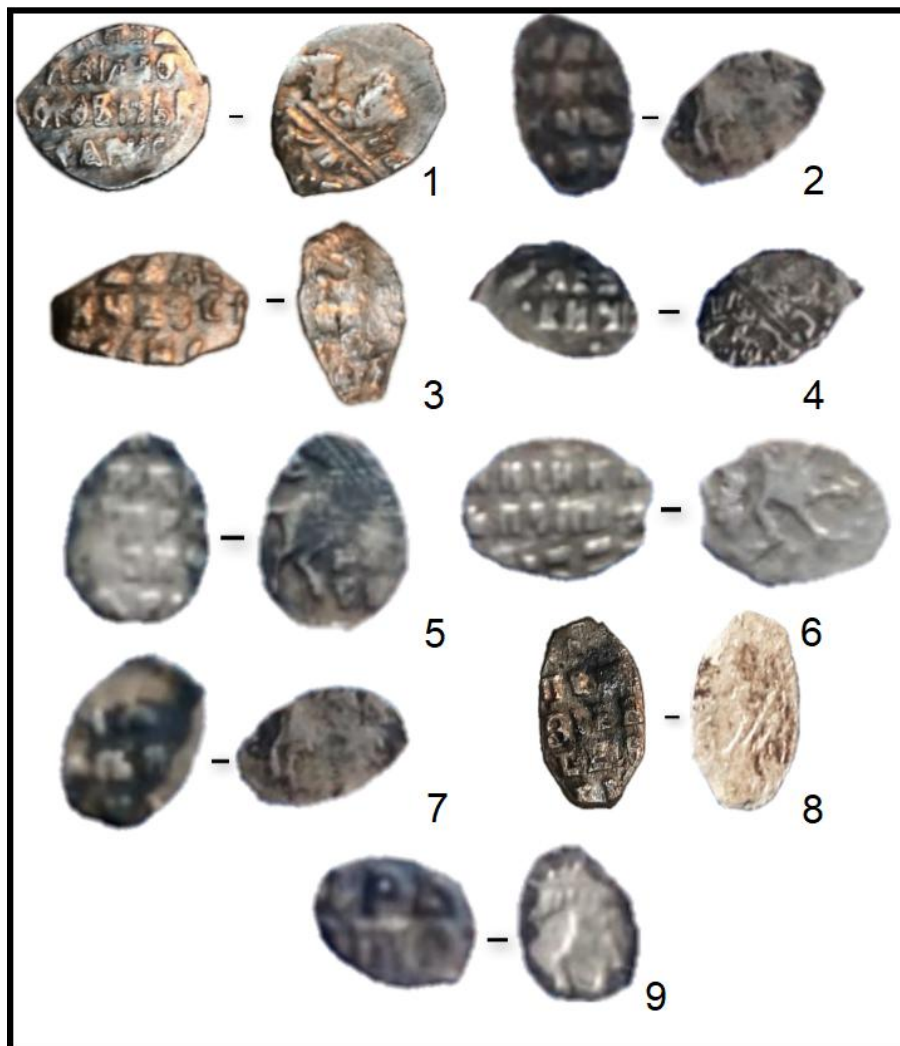

Рис. 4. Серебряные монеты, найденные жителями с. Повалиха (фото К. А. Назарова):
1 – копейка Михаила Федоровича; 2–4 – копейка Алексея Михайловича; 5 – копейка совместного правления Ивана и Петра Алексеевичей; 6–9 – копейка Петра Алексеевича

Fig. 4. Silver coins found by villagers in the village of Povalikha (photo by K. A. Nazarov):
1 –kopeck of Mikhail Fedorovich; 2–4 – kopeck of Alexei Mikhailovich; 5 – kopeck of the joint rule of Ivan V and Peter I; 6–9 –kopeck of Peter I

Вместе с тем еще один реконструированный сосуд (рис. 3, 6) может быть отнесен к категории кухонной утвари, используемой для приготовления пищи. В данном случае особый интерес представляют следы нагара, наличествующие на его внутренних и внешних стенках, химический анализ которых позволит расширить наши представления о рационе русских первопоселенцев Верхнего Приобья.

Рис. 5. Монеты, найденные жителями с. Повалиха (фото К. А. Назарова):

1, 2 – полушка Анны Иоанновны; 3–7 – денга Елизаветы Петровны

Fig. 5. Coins found by villagers in the village of Povalikha (photo by K. A. Nazarov):

1, 2 – half of Anna Ioannovna; 3–7 – denga of Elizaveta Petrovna

Кроме рассмотренных выше сосудов на потревоженном земельном участке по улице Партизанской была собрана коллекция отдельных фрагментов керамики (43 шт.), которая включает в себя 15 венчиков, 16 элементов тулова, 9 фрагментов донной и придонной части, а также 3 венчика гончарной глазурованной керамики зеленого цвета. Большая часть найденных черепков относится к кухонной посуде и укладывается в типологические схемы, предложенные Л. В. Татауровой [2015, с. 149–151, рис. 1] и О. С. Мамонтовой [2012]. Ранее проведенный О. А. Федорук технико-технологический анализ образцов глазурованной керамики, обнаруженной в с. Повалиха, показал, что сосуды были изготовлены на гончарном круге из сильноожеженной глины и обожжены при высокой температуре (от 650–700 °C и выше) в окислительной среде [Федорук, Головченко, 2021, с. 164]. Вероятно, схожие результаты даст обследование и части новых выявленных материалов, скорее всего датируемых XIX – началом XX в.

Рис. 6. Монеты, найденные жителями с. Повалиха:
времен правления Екатерины II (1–10) и Павла I (11–14). Фото К. А. Назарова

Fig. 6. Coins found by villagers in the village of Povalikha:
from the reign of Catherine the Great (1–10) and Paul I (11–14). Photo by K. A. Nazarova

Определенный интерес представляют найденные в мешанке бульдозерного отвала рыболовный крючок с длинным цевьем, обломанным жалом, без бородки и без ушка, а также многослойный фрагмент жесткого берестяного задника обуви, внутри которого сохранился кусок кожаного изделия. Эти предметы находят аналогии среди артефактов, обнаруженных в Таре [Осипов и др., 2021, с. 46, рис. 4, 6]. К сожалению, их датировка по объективным причинам невозможна.

Заключение

Рассмотренный нами комплекс, конечно, фрагментарен и к тому же лишен достойного контекстуального сопровождения, но весьма показателен. Удобное географическое положение на северных подступах к г. Барнаулу и наличие стабильно функционирующего пути сообщения способствовали оседанию в с. Повалиха монетарной массы. Вероятно, достаточно рано в селе появились свои кустари-гончары, экспериментирующие в изготовлении различных типов хозяйственной посуды. Неслучайно, что позже в с. Повалиха появилась и своя мельница, ставшая впоследствии основой коммерческого успеха купеческой семьи Федуловых. Расположение в комфортной обской пойме и по сей день с успехом используется местными жителями, существенную роль в хозяйстве которых играет рыболовство.

Подводя итог анализу вводимых в научный оборот материалов, необходимо отметить, что археологическое изучение систем жизнеобеспечения и культуры повседневности русских первопоселенцев на территории Верхнеобского региона во многом находится на стадии первоначального накопления материалов. Культурные слои старейших русских деревень и города Барнаула не обладают статусом памятников археологии и бесконтрольно разрушаются. Вместе с тем случайное обнаружение представительных артефактов, очевидно, свидетельствует о явной перспективности проведения тщательных рекогносцировочных исследований в том числе и на территории села Повалиха.

Список литературы

- Бородаев В. Б.** Клейма на кирпичах из раскопа 1 на барнаульском сереброплавильном заводе // Ползуновские чтения 1991 года. Барнаул: Алт. отд-ние Советского фонда культуры, 1991. С. 50–57.
- Бородаев В. Б., Контев А. В.** Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: Документальная монография. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Бородовский А. П., Горохов С. В.** К вопросу о локализации Малышевской слободы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. Вып. 26. С. 251–257. DOI 10.14258/2411-1503.2020.26.41
- Булыгин Ю. С.** Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.
- Булыгин Ю. С.** Пути-дороги Алтая в XVIII в. // Алтайский сборник. Барнаул, 2000. Вып. 20. С. 5–23.
- Ведянин С. Д., Калашников Д. С., Семибратов В. П., Ситников С. М.** Некоторые данные о похоронном обряде населения г. Барнаула в XIX – начале XX в. (по материалам аварийных работ 2000, 2015–2016 гг. на территории б. Нагорного кладбища) // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. С. 226–229.
- Головченко Н. Н.** Случайные находки из окрестностей с. Повалихи (Алтайский край) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. Вып. 23. С. 64–66.
- Головченко Н. Н.** Локализация старых кладбищ с. Повалиха (Первомайский район) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. Вып. 25. С. 50–52.

- Колонцов С. В.** Археологические раскопки на месте бывшего села Кривошеково. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 55 с.
- Колонцов С. В., Присекайло А. А.** К вопросу о местонахождении Малышевской слободы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. 24. С. 481–484. DOI 10.17746/2658-6193.2018.24.481-484
- Контев А. В.** Тычковые клейма на кирпичах из построек XVIII–XIX вв. // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 123–124.
- Контев А. В.** Промышленная археология и проблема создания охранных зон объектов горно-заводского производства XVIII–XIX вв. // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 199–201.
- Коняев Р. В.** Вклад Омского военного округа в пополнение действующей армии военнo-обученными резервами в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 292 с.
- Мамонтова О. С.** Типология русской керамики Алтайского края конца XIX – первой половины XX в. // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 9 (124). С. 88–95.
- Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Чёрная М. П., Тихонов С. С., Бен Н. С.** Коллекция обуви Тары в контексте городской застройки (по материалам раскопок 2018 г.) // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2021. № 69. С. 45–54.
- Сергеев А. Д.** Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 80 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1996. Вып. 6. 310 с.
- Татаурова Л. В.** О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики. М.: ИА РАН, 2015. С. 142–154.
- Тишкин А. А.** Белоярская крепость: новые результаты поиска // Алтай в истории российской государственности: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 25–28.
- Федорук О. А., Головченко Н. Н.** Новые результаты исследования русской керамики с территории Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2021. Вып. 16. С. 163–166. DOI 10.37386/2687-0584-2021-16-163-166
- Фролов Я. В.** К вопросу о месте расположения Белоярской крепости // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2009. Вып. 17. С. 46–54.
- Шамшин А. Б.** История Белоярской крепости и ее значение для присоединения и хозяйственного освоения юга Верхнего Приобья русскими // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2009. Вып. 17. С. 55–64.

References

- Borodaev V. B.** Kleima na kirpichakh iz raskopa 1 na barnaul'skom serebroplavil'nom zavode [Stamps on bricks from excavation 1 at the Barnaul silver smelting plant]. In: Polzunovskie chteniya 1991 goda [Polzunovsky readings 1991]. Barnaul, 1991, pp. 50–57. (in Russ.)
- Borodaev V. B., Kontev A. V.** Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720]. A documentary monograph. Barnaul, 2015, 416 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Gorokhov S. V.** K voprosu o lokalizatsii Malyshevskoi slobody [On the issue of localization of Malyshevskaya sloboda]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory], 2020, vol. 26, pp. 251–257. (in Russ.) DOI 10.14258/2411-1503.2020.26.41
- Bulygin Yu. S.** Pervye krest'yane na Altae [The first peasants in Altai]. Barnaul, 1974, 144 p. (in Russ.)

- Bulygin Yu. S.** Puti-dorogi Altaya v XVIII v. [Ways-roads of Altai in the 18th century]. In: Altaisky sbornik [Altai collection]. Barnaul, 2000, vol. 20, pp. 5–23. (in Russ.)
- Fedoruk O. A., Golovchenko N. N.** Novye rezul'taty issledovaniya russkoi keramiki s territorii Altaiskogo kraia [New results of the study of Russian ceramics from the territory of the Altai Territory]. *Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie)* [Field research in the Upper Ob, Irtysh and Altai (archeology, ethnography, oral history and museology)], 2021, vol. 16, pp. 163–166. (in Russ.) DOI 10.37386/2687-0584-2021-16-163-166
- Frolov Ya. V.** K voprosu o meste raspolozheniya Beloyarskoi kreposti [On the question of the location of the Beloyarsk fortress]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory], 2009, vol. 17, pp. 46–54. (in Russ.)
- Golovchenko N. N.** Lokalizatsiya starykh kladbishch s. Povalikha (Pervomaisky raion) [Localization of old cemeteries with. Povalikha (Pervomaisky district)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory], 2019., vol. 25, pp. 50–52. (in Russ.)
- Golovchenko N. N.** Sluchainye nakhodki iz okrestnostei s. Povalikhi (Altaisky krai) [Random finds from the vicinity of the village of Povalikha (Altai Krai)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory], 2017, vol. 23, pp. 64–66. (in Russ.)
- Kolontsov S. V.** Arkheologicheskie raskopki na meste byvshego sela Krivoshchekovo [Archaeological excavations at the site of the former village of Krivoshchekovo]. Novosibirsk, 2017. 55 p. (in Russ.)
- Kolontsov S. V., Prisekailo A. A.** K voprosu o mestonakhozhdenii Malyshevskoi slobody [To the question of the location of Malyshevskaya Sloboda]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, 2018, vol. 24, pp. 481–484. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2018.24.481-484
- Kontev A. V.** Promyshlennaya arkheologiya i problema sozdaniya okhrannykh zon ob'ektov gornozavodskogo proizvodstva XVIII–XIX vv. [Industrial archeology and the problem of creating protected zones of mining and factory production facilities of the 18th – 19th centuries]. In: Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya [Problems of protection, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul, 1995, pp. 199–201. (in Russ.)
- Kontev A. V.** Tychkovye kleima na kirpichakh iz postroek XVIII–XIX vv. [Tychkovye stamps on bricks from buildings of the 18th – 19th centuries]. In: Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka [New in the archeology of Siberia and the Far East: abstracts of reports]. Tomsk, 1992, pp. 123–124. (in Russ.)
- Konyaev R. V.** Vklad Omskogo voennogo okruga v popolnenie deistvuyushchei armii voenno-obuchennymi rezervami v gody Pervoi mirovoi voiny (iyul' 1914 – mart 1918 gg.) [Contribution of the Omsk Military District to the replenishment of the active army with military-trained reserves during the First World War (July 1914 – March 1918)]. Barnaul, 2018, 292 p. (in Russ.)
- Mamontova O. S.** Tipologiya russkoi keramiki Altaiskogo kraia kontsa XIX – pervoi poloviny XX v. [Typology of Russian ceramics of the Altai Territory of the late 19th – first half of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2012, vol. 124, no. 9, pp. 88–95. (in Russ.)
- Osipov D. O., Tataurov S. F., Chyornaya M. P., Tihonov S. S., Ben N. S.** Kolleksiya obuvi Tary v kontekste gorodskoi zastroiki (po materialam raskopok 2018 g.) [The collection of Tara shoes in the context of urban development (based on the materials of excavations in 2018)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2021, no. 69, pp. 45–54. (in Russ.)

- Sergeev A. D.** Tainy altaiskikh krepstei [Secrets of Altai fortresses]. Barnaul, 1975, 80 p. (in Russ.)
- Shamshin A. B.** Istoriya Beloyarskoi kreposti i ee znachenie dlya prisoedineniya i khozyaistvennogo osvoeniya yuga Verkhnego Priob'ya russkimi [The history of the Beloyarsk fortress and its significance for the annexation and economic development of the south of the Upper Ob region by Russians]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory], 2009, vol. 17, pp. 55–64. (in Russ.)
- Sibir XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera [Siberia of the 18th century in travel descriptions by G. F. Miller]. In: *Istoriya Sibiri. Pervoistochniki* [History of Siberia. Primary sources]. Novosibirsk, 1996, vol. 6, 310 p. (in Russ.)
- Tataurova L. V.** O tipologii russkoi keramicheskoi posudy XVIII v. [On the typology of Russian ceramic ware of the 18th century]. In: *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki* [Modern approaches to the study of ancient ceramics]. Moscow, 2015, pp. 142–154. (in Russ.)
- Tishkin A. A.** Beloyarskaya krepost': novye rezul'taty poiska [Beloyarsk fortress: new search results]. In: *Altai v istorii rossiiskoi gosudarstvennosti* [Altai in the history of Russian statehood]. Barnaul, 2012, pp. 25–28. (in Russ.)
- Vedyanin S. D., Kalashnikov D. S., Semibratov V. P., Sitnikov S. M.** Nekotorye dannye o pokhoronnom obryade naseleniya g. Barnaula v XIX – nachale XX v. (po materialam avariinykh rabot 2000, 2015–2016 gg. na territorii b. Nagornogo kladbishcha) [Some data on the funeral rite of the population of Barnaul in the 19th – early 20th century (based on the materials of emergency works in 2000, 2015–2016 on the territory of the former Nagorny cemetery)]. In: *Traditsionnaya narodnaya kul'tura kak deistvennoe sredstvo patrioticheskogo vospitaniya i formirovaniya mezhnatsional'nykh otnoshenii* [Traditional folk culture as an effective means of patriotic education and the formation of interethnic relations]. Barnaul, 2017, pp. 226–229. (in Russ.)

Информация об авторах

Николай Николаевич Головченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Кирилл Алексеевич Назаров, магистрант

Information about the Authors

Nikolay N. Golovchenko, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher
Kirill A. Nazarov, Master's Student

*Статья поступила в редакцию 14.12.2022;
 одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 01.07.2023
 The article was submitted on 14.12.2022;
 approved after reviewing on 21.06.2023; accepted for publication on 01.07.2023*

Научная статья

УДК 94(571)''17''+81'373.611+39(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура

Андрей Сергеевич Зуев

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация

Цель. На основе анализа аутентичных документальных и нарративных источников рассматриваются варианты этнической идентификации нелюдов, обитавших на юге Восточного Забайкалья, и их предводителя Гантимура, сыгравшего значимую роль в русско-маньчжурских отношениях и в укреплении русской власти в регионе во второй половине XVII в.

Результаты. Аргументированно доказаны следующие положения: во-первых, существующие в историко-этнографической литературе версии этнической идентификации нелюдов и Гантимура являются результатом некритической интерпретации исследователями сохранившейся информации; во-вторых, имеющаяся информация не позволяет точно определить этническую принадлежность нелюдов и Гантимура в период первоначального знакомства с ними русских; в-третьих, лишь в последней трети XVII в. русская сторона стала уверенно обозначать нелюдов, Гантимура и его потомков тунгусами Дуликагирского рода.

Заключение. Установлено, что в середине XVII в. русские, пришедшие в Забайкалье, воспринимали «Нелюдский род» преимущественно как особое этнотерриториальное объединение, отличное от других народов данного региона – тунгусов, дауров, монголов и прочих. И лишь со второй половины 1660-х гг. нелюды, Гантимур и его ближайшие родственники в русских документах и описаниях стали определенно маркироваться как тунгусы.

Ключевые слова

нерчинские тунгусы, нелюды, Гантимур, история Забайкалья

Для цитирования

Зуев А. С. Загадки этнической идентификации нелюдов и Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 142–159. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur

Andrey S. Zuev

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

zuev.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract

Purpose. This article, based on the analysis of authentic documentary and narrative sources, examines the variants of ethnic identification of Nelyuds, who lived in the south of Eastern Transbaikalia, and their leader Gantimur, who played a significant role in Russian-Manchu relations and in strengthening Russian power in this region in the second half of the 17th century.

Results. The outcomes of the research demonstrate that 1) hypotheses of the ethnic identification of Nelyud clan and Gantimur existing in the historical and ethnographic literature are the result of an uncritical interpretation by researchers of the surviving information; 2) the available information does not allow us to accurately determine the ethnicity of

© Зуев А. С., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 142–159

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 142–159

Nelyuds and Gantimur during their initial contacts with Russians; 3) only in the last third of the 17th century Russians began to unambiguously identify Nelyuds, Gantimur and his descendants as the Tungus of the Dulikagir clan.

Conclusion. It is established that in the middle of the 17th century Russians, who came to Transbaikalia, consider the “Nelyud clan” mainly as a special ethno-territorial union, different from other peoples of this region – the Tungus, Daur, Mongols and others. Only from the second half of the 1660s Nelyuds, Gantimur and his closest relatives are defined in Russian documents and descriptions as Tungus.

Keywords

Nerchinsk Tungus, Nelyuds, Gantimur, history of Transbaikalia

For citation

Zuev A. S. Mysteries of the Ethnic Identification of Nelyud Clan and Gantimur. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 142–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-142-159

Введение

Одним из наиболее известных персонажей эпохи присоединения Сибири к России является Гантимур – предводитель нелюдов, обитавших в середине XVII в. на юге Восточного Забайкалья. Об этом вполне уверенно можно судить, принимая во внимание значительное количество посвященных ему книг, статей и разного рода заметок. Их публикации вызваны повышенным вниманием исследователей к той заметной роли, которую сыграл Гантимур в истории русско-маньчжурских отношений в 1650-х – первой половине 1680-х гг., а также тем, что его потомки (князья Гантимуровы) в период конца XVII – XIX в. являлись ключевыми фигурами в коммуникации между российской властью и забайкальскими тунгусами (эвенками). При этом в биографии Гантимура остается много загадок, которые порождены как скудными и противоречивыми сведениями в источниках, так и их некритической интерпретацией, сделанной рядом историков и этнографов. К числу таких загадок относится, в частности, этническая идентификация Гантимура, его родичей и подвластных им нелюдов.

В большинстве исторических и историко-этнографических сочинений все они причисляются к забайкальским (нерчинским) конным тунгусам, а сам Гантимур – к тунгусскому роду Дуликагир (см., например: [Спаский, 1822, с. 185; Паршин, 1844, ч. 1, с. 140; Chen, 1948, р. 14; Долгих, 1960, с. 339, 340, 349, 350, 581; Шубин, 1973, с. 33, 35; Урай-Кёхальми, 1985, с. 127; Артемьев, 1995, с. 47; Элерт, 2000, с. 418; Dumbravă, 2010, р. 339–341; Lavrillier et al., 2018, р. 6; Уварова, 2022, с. 59]). Но ряд исследователей относит их (либо только Гантимура, либо его и подвластный ему род) к амурским даурам [Шренк, 1883, с. 177; Патканов, 1906, с. 22, 204; Дамдинов, 1996, с. 10, 15; Жамсаранова, 2018, с. 33, 63, 110, 240; Kim, 2019, р. 76], при этом одни из них считают дауров тунгусоязычным народом (территориальной группой тунгусов), другие – монголоязычным, т. е. по сути монголами, третьи – монголизированными тунгусами (о языковой принадлежности дауров см. подробнее: [Цыбенков, 2012, с. 10–28; Wallenböck, Zikmundová, 2021, р. 5–14]). По мнению С. М. Широкогорова и Е. Н. Широкогорой, Гантимур был то ли тунгусом (и принадлежал к роду Баягир), то ли дауром, а все конные (кочевые) тунгусы, в том числе и нелюды, были сильно монголизированы [Широкогорова, 1919, с. 115; Широкогорой, 2017, с. 114, 120, 250]. В рамках этой версии более однозначно высказался А. В. Соломин, который причислил нелюдов к одаурившимся (омонголившимся) тунгусам, а Гантимура – к «даурам тунгусского по происхождению рода Баягир» [Соломин, 2016, с. 14–16, 19, 21]. В. А. Туголуков же полагал, что если нелюды по образу жизни «были ближе к даурам, чем к конным тунгусам», и не являлись собственно тунгусами, то сам Гантимур и его ближайшие родственники по происхождению были тунгусами рода Дуликагир, но «одаурившимися» (омонголившимися) к середине XVII в. [Туголуков, 1975, с. 98–101]. В разного рода публикациях встречаются также утверждения о принадлежности Гантимура к монголам [Георги, 2005, с. 313], хамниганам [Janhunen, 1996, р. 119, 120], солонкам [Chen, 1966, р. 59–62], маньчжурам [Карнович, 1885, с. 151; Жамсаранова, 2018, с. 48.] и даже о его тюркской родословной [Иванчик, Кононенко, 2016, с. 15–17, 22].

Следует особо заметить, что, констатируя ту или иную этническую принадлежность Гантимура и нелюдов, исследователи, как правило, не подкрепляли свои утверждения сколько-нибудь развернутой аргументацией, опиравшейся на анализ источников. Исключение представляет лишь В. А. Туголуков, который, доказывая свою точку зрения, привел ряд сведений из известных ему архивных и опубликованных документов.

Решение вопроса об этнической принадлежности Гантимура и нелюдов, несомненно, требует пристального внимания ко всей совокупности сохранившейся о них аутентичной информации. Эта информация, представленная в документальных и нарративных источниках середины XVII – начала XVIII в., к сожалению, весьма скупа и подчас не отличается определенной ясностью. Тем не менее, ее рассмотрение и критический анализ позволяют сделать содержательные наблюдения и определенные выводы и тем самым найти ответ на обозначенный выше вопрос. В поисках данного ответа мы сначала обратимся к информации о нелюдах, а затем к сведениям о Гантимуре и его ближайших сородичах.

Кто такие нелюды и когда они стали тунгусами Дуликагирского рода?

Начнем с того, что Б. О. Долгих и В. А. Туголуков уверенно полагали, не приводя, правда, никаких веских доказательств, что в самых ранних русских известиях о нелюдах последние фигурируют как «лелюли», «лелеи» и «нелюли». Они впервые упоминаются в показаниях казачьего десятника К. И. Москвитина, записанных, вероятно, в 1647 г. В них говорится, что «на усть Оны реки кочуют лелеи, а живот у них кони и коровы, и иново ничево нет» [Сборник..., 1960, с. 114]. В. А. Туголуков идентифицировал «Ону реку» как р. Оной, впадающую в р. Уду, являющуюся, в свою очередь, притоком р. Селенги [Туголуков, 1975, с. 98]. Однако, судя по перечислению в показаниях Москвитина географических объектов, «Оной» он назвал р. Онон, которая, сливаясь с р. Ингодой, образует р. Шилку. Москвитин прямо указал, что по «Оне» на стругах, двигаясь вниз по течению, можно добраться до Шилки [Сборник..., 1960, с. 114].

Следующее упоминание лелюлей встречается в показаниях тунгуса Арчеула, допрошенного казаками в 1649 г. в Тугирском зимовье (на р. Олёмке). Он поведал, что в верховьях р. Шилки живут «лелюльские люди», «а язык у них свой». Указав на «свой язык» лелюлей, Арчеул тем самым отметил его отличие от своего родного тунгусского языка. Но при этом он не указал и на сходство «лелюльского» языка с даурским, хотя дауры, судя по его рассказу, были ему знакомы [Дополнения..., 1848, с. 174]. Опираясь на показания Арчеула, Б. О. Долгих утверждал, что «название “лелюли” очевидно искаженное племенное название конных нерчинских тунгусов нелюдов или “нелюлей”» [Долгих, 1960, с. 340], а В. А. Туголуков полагал, что «лелюли» «являлись оседлыми охотниками и скотоводами (точнее животноводами); в этом отношении они были ближе к даурам, чем к конным тунгусам» [Туголуков, 1975, с. 99]. Идентифицируя «лелюлей» как нелюдов, оба исследователя, по сути, исходили лишь из того, что первые обитали там же, где и вторые, – на р. Шилке.

Первое же упоминание собственно нелюдов встречается в показаниях «даурских и тунгуских мужиков», вступивших где-то в районе р. Шилки в переговоры с хабаровскими казаками Т. Чечигиным и С. Поляковым то ли в конце декабря 1650 г., то ли в начале 1651 г. Эти «мужики» сообщили, что нелюды проживают в верховьях р. Шилки, являются «родниками» и подчиненными Гантимура, но не принадлежат к числу «иных многих даурских мужиков и тунгусских многих» [Красноштанов, 2008, с. 263]. 1 марта 1651 г. трое из этих «переговорщиков» – дауры Араул, Мазега и Тыгичей был опрошены Е. П. Хабаровым, которого интересовало, «какие люди живут на Амуре и по иным посторонним рекам». В своих «расспросных речах» они подтвердили, что нелюды подвластны Гантимуру: «да верх Шилки реки... под тем де князем Гантимуром живут люди шародувы, и нелюды, и почегии». И в этих «речах» нелюды опять же фигурируют (как и шародувы, и почегии) отдельно от других пере-

численных в них «народов» – дауров, которые обитали «с верх де Шилки реки и по Амуру вниз», и таргачин (торгачин), живших «в верх же по Амуру реке» [Красноштанов, 2008, с. 270–272]. Заметим, что в последующее время шародувы и почегги уже не фигурируют в качестве «родов», подвластных Гантимуру¹.

Во второй половине 1650 или в первой половине 1651 г. с Гантимура был взят первый ясак в «государеву казну». Об этом в своей челобитной апреля 1653 г. поведал енисейский сын боярский В. И. Колесников: «в прошлых... годах взял... з Гонтамура князцы и с ево с улусных людей да с Ыжевцы и с ево улусных людей вновь (т. е. в первый раз. – А.З.) ... на прошлой на 159 (1650/51) год семьдесят два соболя». Ясак с этих же людей, по утверждению Колесникова, был взят и на «160 (1651/52) год»². Правда, в своей более ранней отписке (составленной до 9 августа 1651 г.) Колесников сообщал, что ясак взял не он лично, а посланные им «енисейские служилые люди Якунка Софонов с товарищи» – они и взяли на 1650/51 г. «с новые реки Шилки семьдесят три соболя да три лисицы»³.

Зимой-весной 1653 г. ясак с местного населения Восточного Забайкалья (которое в русских документах XVII в. вместе с Приамурьем называлось Даурией) собирал енисейский казачий пятидесятник И. М. Перфильев. Позднее (в начале XVIII в.) один из его внуков подал челобитную, в которой, явно опираясь на какой-то документ, составленный его дедом, сообщил следующее: «деда моего Ивана Перфирьева службы: во 161-м (1652/53) году на великой реке Шилке призвал князца Гантимура с родом и иных родов в ясашной платеж и взял с них ясаку 7 сороков 5 соболей» [Бродников, 1994, с. 139–140].

Во всех вышеназванных документах (показаниях и «расспросных речах» дауров и тунгусов, челобитных Колесникова и Перфильева) Гантимур и его «Нелюдский / Нелюцкий род» обозначены без указания на их этническую принадлежность. Впервые она появляется, правда, не вполне определенно, в ясачной книге, составленной сыном боярским П. И. Бекетовым, отряд которого в ноябре 1653 г. – феврале 1654 г. собрал ясак с этнотерриториальных групп, обитавших на «великой реке Шилке» и в районе Иргенского острога. В одном месте этой книги нелюды фигурируют без этнической «привязки», тогда как другие «роды» названы тунгусскими: «с нелютцких людей и с какарских, и с дуларских, и с киптягирских, и с намятцких, и с шунинских, и с баликагирских, и с баягирских, и с шилегирских, и с почегирских, и с лукигеленских тунгусов»⁴. Тем самым составитель ясачной книги обозначил нелюдов отдельно от тунгусов. Но в другом месте той же книги нелюды четко названы тунгусами: «с нелютцких тунгусов»⁵. В целом, исходя из того, что нелюды в книге перечисляются среди тунгусских родов, а Гантимур указан как князец не только «нелютцких людей», но и «дуларских и киптягирских» (тунгусских)⁶, можно полагать, что Бекетов идентифицировал нелюдов и Гантимура как тунгусов.

Однако в последующем, в отписках 1654–1657 гг. того же П. И. Бекетова, казачьего десятичника К. И. Полтинина, первого даурского воеводы А. Ф. Пашкова Нелюдский род, обитавший на «великой реке Шилке», вновь фигурирует без точной этнической идентификации. Но при этом Пашков называл его вслед за теми родами, которые в историко-этнографической литературе признаются тунгусскими (Какагирским, Намяцким, Баягирским, Почегирским и др.) [Сборник..., 1960, с. 205]⁷. В отписках же 1658–1659 гг. Пашков однозначно определял нелюдов и территорию их обитания как обладающих собственной «этничностью», отдельной от их соседей – тунгусов и дауров: «ясачным новоприводным нелютцким и тунгуским и даурским людем», «на великой реке Шилке в Нелютцкой и в Тунгуской и в Даурской

¹ В «шародувах», по мнению В. А. Туголукова, следует видеть *сартулов* – группу тюрко-монгольского происхождения, в «почеггах» – тунгусов Почегорского рода [Туголуков, 1975, с. 98].

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95.

³ Там же. Стб. 422. Л. 158–159.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 325.

⁵ Там же. Л. 328.

⁶ Там же. Л. 326.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 286, 300, 329 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 341–342, 338.

землях»⁸. Первым на это обратил внимание В. А. Туголуков, указав на то, что в середине XVII в. нелюды «фигурировали в ясачных документах рядом с “тунгусами” и “даурами” как самостоятельная группа населения» [Туголуков, 1975, с. 99].

К 1658 г. Гантимур с Нелюдским родом переселился с Шилки на территорию, подконтрольную маньчжурам, и упоминания о них на время исчезли из русских документов. После того, как Гантимур с частью своих людей в 1666/67 г. вернулся в российские пределы и обосновался недалеко от Нерчинского острога, в известных исследователям русских документов дважды встречается точное «этническое» обозначение нелюдов. В донесении 1670 г. в Сибирский приказ нерчинский приказчик Д. Д. Аршинский сообщил следующее: «В прошлом... во 175 (1666/67) году... пришел из Богдойские земли в Нерчинской острог... князец родом тунгус Нелюдцково роду Гантимур з детьми и з братьями и с улусными своими людьми» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275]. В другом донесении 1673 г. (енисейскому воеводе К. А. Яковлеву) он же назвал сына Гантимура Катаная «тунгусом Нелюнскового роду» [Там же, 1969, с. 309]. Однако в последующее время упоминания о нелюдах уже не встречаются в каких бы то ни было источниках. Даже сам Гантимур и его сын Катанай в своей челобитной 1684 г. вообще не упомянули ни свой род, ни его название, ни его этническую принадлежность, обозначив своих подчиненных просто «улусными людишками»⁹. Равным образом ничего о нелюдах Гантимур не сказал и в своих показаниях, данных в том же году енисейскому воеводе К. О Щербатому¹⁰. Русская сторона также не проявляла никакого интереса к нелюдам и не стремилась выяснить, кто они такие: об этом свидетельствуют отписки нерчинского и енисейского воевод 1684 г., упомянутые показания Гантимура, а также нерчинских служилых людей И. М. Милованова и С. Г. Молодого 1685 г., да и в целом документация Сибирского приказа середины 1680-х гг., содержащая информацию о Гантимуре, его сыне Катане и внуке Чекулае¹¹.

Позже, уже в начале XVIII в., о нелюдах совершенно не вспоминали и не давали никакой этнической, да и родовой идентификации «роду» Гантимура и Катаная в своих челобитных их ближайшие родственники – жена Катаная (в крещении Павла) Марья, ее дети Ларион, Лазарь и Авдотья (челобитная 1700 г.)¹², Бишенга и Андрей (1705 г.)¹³, Ларион (1705 г.)¹⁴, Ларион и Лазарь (1710 г.) [Высочайше учрежденная..., 1898, Приложения, с. 20]. По поводу челобитной Бишенги и Андрея дьяки Сибирского приказа были даже вынуждены поинтересоваться, к какому именно роду принадлежат их предки. В ответ Бишенга сказал, что «род де деда и отца их иноземцы Дуликагирского, Баягирского, Уляцкого, Калтагирского... родов». Но сослался он при этом на записи в нерчинских окладных ясачных книгах, т. е. на документы, составленные нерчинской воеводской администрацией уже после того, как Гантимур вернулся на территорию, подконтрольную русской власти¹⁵. Складывается впечатление, что потомки Гантимура либо не знали, либо забыли, либо сознательно умалчивали об этнической принадлежности своих предков и их рода.

Обозначение Гантимура и его сородичей после их возвращения в российские пределы в окладных ясачных книгах как членов Дуликагирского рода, а некоторых прямых потомков Гантимура в русских документах конца XVII – XVIII в. как глав нескольких тунгусских родов дало основание Б. О. Долгих утверждать, что этноним «нелюды» в середине XVII в. являлся обобщенным «племенным» наименованием 11 родов конных тунгусов – Баягирского, Дуликагирского, Колтагирского, Почагорского, Луникирского, Баликагирского, Челкагирского, Чермагирского, «Украинского» (Вакасильского), Шунинского и Кайзойского [Долгих,

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 55, 59, 144 в, 326, 332, 333, 336, 345.

⁹ Там же. Стб. 1355. Л. 66.

¹⁰ Там же. Л. 60–61.

¹¹ Там же. Л. 59–140.

¹² Там же. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 32 – 32 об.

¹³ Там же. Л. 84.

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 84 об., 85.

1960, с. 343, 349]. При этом он отождествил дуликагиров с нелюдами, дуларами и киптягирами¹⁶. Данные выводы, как не имеющие никакой доказательной базы, были убедительно раскритикованы и отвергнуты В. А. Туголуковым [1975, с. 95–98]. Но, несмотря на это, они получили распространение в исследовательской литературе (см., например: [Шубин, 1973, с. 33; Урай-Кёхальми, 1985, с. 127; Артемьев, 1995, с. 47–48]).

Таким образом, весьма скудные известия источников, имеющиеся к настоящему времени в распоряжении исследователей, не дают определенного ответа на вопрос об этнической принадлежности нелюдов. Судя по этим известиям, русские землепроходцы и администраторы, контактировавшие с нелюдами в конце 1640-х – 1650-х гг., скорее отделяли их от иных народов, обитавших в Даурии (тунгусов, дауров и прочих), нежели причисляли к ним. И здесь следует заметить, что весь комплекс разнообразных источников, относящихся к XVII в., убедительно свидетельствует о том, что русские люди, шедшие по Сибири и подчинявшие власти «государя всея Руси» местное население, крайне редко ошибались в этнокультурной, в том числе языковой, идентификации той или иной этнотерриториальной группы. Опираясь на данный факт, вряд ли можно сомневаться в том, что нелюды, по крайней мере в явно выраженном виде (бросавшемся в глаза землепроходцам), не представляли собой типичных тунгусов или дауров (кем бы последние ни были – тунгусоязычными или монголоязычными). При этом в документах, исходящих от землепроходцев, полностью отсутствуют даже намеки на возможную принадлежность нелюдов к братьям (бурятам), монголам или тюркам.

Следует также обратить внимание на то, что в этнониме «нелюды» отсутствует какой-либо из характерных для названия тунгусских родов словообразовательный аффикс (-гир, -ган, -кан, -чер, -кшин или иной), как, например, у таких собственно тунгусских восточно-забайкальских «родов», как дуликагиры, баягиры, колтагиры, почегоры. Зато по своим словообразовательным характеристикам этноним «нелюды» имеет сходство с названиями как тех восточно-забайкальских «родов» (уляты, узоны / озоны / одзоны, сартолы / сартоты и ряд других), которые были монголами по происхождению и которые влились в состав забайкальских тунгусов, так и ряда амурских тунгусоязычных народов (орочоны, негидальцы, гольды и др.). Учитывая данное обстоятельство, не исключено, что «нелюды» – это не собственно «родовое» название, а «прозвище», производное от места обитания, образа жизни и т. д., как, например: бирары – «приречные жители», орочоны – «оленный народ», ламуты – «приморские» и т. д. В связи с этим заметим, что еще в середине XIX в. известный исследователь «сибирской старины» Г. И. Спасский высказал мнение о происхождении этнонима «нелюды» от русского слова «не-люди»: тунгусы, «кочевавшие в тамошних окрестностях» (окрестностях Нерчинска. – А. 3.), прослыли «тогда не-людьми, вероятно, от неопрятности их и от непривычки первых посетителей русских видеть степной их образ жизни» [Спасский, 1853, с. 25]. Из последующих исследователей это мнение поддержала лишь Р. Г. Жамсаранова [2014, с. 42, 45, 46]. Но с ним, безусловно, нельзя согласиться, поскольку русские землепроходцы никогда сами не придумывали для наименования сибирских народов каких-либо этнонимов, тем более эмоционально окрашенных, а всегда заимствовали их от самих коренных обитателей Сибири.

Выяснить этимологию этнонима «нелюды», возможно, могли бы лингвисты – знатоки языков народов Восточного Забайкалья и Приамурья, установив, соответственно его этническую маркировку. Пока же нам (путем просмотра ряда тунгусо-маньчжурских и монгольских языковых словарей) удалось выявить лишь одно монгольское слово, схожее по звучанию с «нелюдами» – *neliyed* (нилээд), и имеющее значения «много, значительно, довольно» [Сан-

¹⁶ Указывая численность нерчинских ясачных тунгусов за 1654 г., Б. О. Долгих опирался на ясачные книги, составленные П. И. Бекетовым. В этих книгах названы 13 родов (в том числе «нелютцкий»), но отсутствует упоминание Дуликагирского рода (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 324–328). Тем не менее, исследователь счел возможным указать в таблице именно этот род, «объединив» в нем «нелютцких людей и дуларских и киптягирских» [Долгих, 1960, с. 335].

жеев и др., 2016, с. 193]. Заметим также, что, по версии К. Урай-Кёхальми, в письменных монгольских памятниках второй половины XVI в. нелюды фигурируют под именем «нелигуд»: «нелигуд – это правильное старописьменное монгольское соответствие названию нелюд» [Урай-Кёхальми, 1985, с. 128]. Упомянутая выше Р. Г. Жамсаранова высказала предположение (по нашему мнению, совершенно фантастическое), что этноним (соционим) «нелюды» является русской калькой с этнонима «никан – туземного населения Никанского царства». Оба этнонима якобы схожи по смысловому содержанию: «нелюды» по-русски – не люди, полулюди, а «никаны» в тунгусо-маньчжурских языках имеет значения «раб, слуга, работник», т. е. обозначает «человека низкого социального происхождения», а также «некоего этносообщества варваров». При этом этноним «никан» русские («казаки Пашкова») переняли не от тунгусо-маньчжуров, а от китайцев и буквально перевели на русский язык: *тунг.-маньж.* никан – *кит.* ню-хань (не-люди) – *рус.* нелюды (не-люди) [Жамсаранова, 2014, с. 42–46]. Фантастичность данной версии обусловлена тем, что русские люди, заимствуя у народов Сибири (и шире – Азии) их собственные этнонимы, никогда не переводили их на русский язык, а лишь русифицировали их звучание и, соответственно, написание. К слову заметим, что русские, познакомившись в середине XVII в. на Амуре с никанами (никанцами / никанскими людьми), т. е. с собственно китайцами (ханьцами), ни в то время, ни много позже не предпринимали попыток выяснить этимологию этнонима «никаны» и осуществить его перевод на русский язык.

Что же касается упомянутого выше утверждения Б. О. Долгих и В. А. Туголукова о наименовании сородичей Гантимура также «лелюлями» («лелеями», «люленями»), то оно представляется ошибочным. К. И. Москвитин и Арчеул указывали, что лелюли обитали в самых верховьях р. Шилки, там, где она образуется в результате слияния рек Онона и Ингоды [Дополнения..., 1848, с. 174; Сборник..., 1960, с. 114]. Местом же жительства нелюдов, согласно показаниям русских служилых людей, были также верховья Шилки, но ниже по течению – в районе между устьями рек Нерчи и Куенги [Красноштанов, 2008, с. 263]¹⁷. По свидетельству Гантимура (зафиксированному Н. Спафарием в 1676 г.), «он и прародители ево родились на Нерче» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498]. Позже, в 1684 г., в своих расспросных речах перед енисейским воеводой К. О. Щербатым Гантимур дал более широкие географические координаты местообитания своего рода: «а жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке»¹⁸. Однако нерчинские служилые люди И. М. Милованов и С. Г. Молодой, сопровождавшие Гантимура из Нерчинска в Москву, в своих показаниях 1685 г. в Сибирском приказе указали именно на район р. Нерчи: «В прошлых годех из давних лет как даурские остроги за великими государи и не были, и в то де время з Байкала из Баргузинского острогу ходили в Даурскую землю на Нерчю реку служилые люди в улусы к нему, князю Гантимуру, для збору ясачные соболиные казны»¹⁹. На эту территорию (где уже был построен русскими Нерчинский острог) нелюды во главе с Гантимуром и вернулись в 1666/67 г. [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275].

Лелюли же (которые, видимо, как и нелюды, к концу 1650-х гг. ушли в маньчжурские пределы, а затем вернулись) в 1665/66 г. были призваны в ясачный платеж «к Селенге, на усть Уды реки, к ясачному зимовью», причем они были четко этнически идентифицированы – «тунгусы Люленского роду» [Сборник..., 1960, с. 235]. Переселение лелюлей и нелюдов во второй половине 1660-х гг. в разные и находящиеся на значительном удалении друг от друга районы Забайкалья свидетельствует о том, что, несмотря на некоторое созвучие этнонимов, это были всё же различные роды. В. И. Огородников высказал версию о принадлежности «лелюлей» к северной группе тунгусоязычных торгачин (таргачин), родственников даурам и живших на р. Аргуни [Огородников, 1927, с. 13].

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 29, 326, 338, 342, 345; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300, 329 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 61.

¹⁹ Там же. Л. 133.

Приведенные нами свидетельства об отличии нелюдов от тунгусов следует, однако, дополнить указанием на то, что первые обитали по соседству со вторыми. Согласно донесениям землепроходцев и воевод середины XVII в., в верховьях Шилки и на ее притоках рядом с нелюдами проживали собственно тунгусские роды, а «Нелютцкая земля» находилась среди «тунгусских земель». Так, в частности, казаки, посланные в 1650/51 г. из Баргузинского острога на р. Шилку, позднее рассказали енисейскому воеводе А. Ф. Пашкову: «пала в ту реку Шилку сторонняя река Нерчь, а по обе де стороны великие реки Шилки и по реке Нерче живут тунгусы многие же люди» [Сборник..., 1960, с. 191].

После 1673 г. из русских документов исчезло упоминание нелюдов, а несколькими годами ранее русская сторона начала идентифицировать тех, кто вернулся с Гантимуром на р. Нерчу, однозначно как тунгусов. Впервые такая идентификация, как говорилось выше, встречается в отписках 1670 и 1673 гг. Д. Д. Аршинского. В последующее время во всех русских документах люди, принадлежавшие к «роду» Гантимура, назывались тунгусами. Более того, сам Гантимур, его потомки и подвластные им «улусники» стали рассматриваться как члены Дуликагирского рода конных тунгусов. Первые известные нам упоминания об их принадлежности к Дуликагирскому роду содержатся в распоряжении нерчинского приказчика П. Я. Шульгина, направленном в 1676 г. приказчику Албазинского острога Ф. Евсееву²⁰, в окладных ясачных книгах 1676/77, 1677/78 гг. [Паршин, 1844, ч. 2, с. 207] и 1688/89 г. [Сибирские города..., 1886, с. 3]. С конца XVII – начала XVIII в. Гантимур и некоторые из его прямых потомков мужского пола (получивших от русских фамилию «Гантимуровы») стали фигурировать как «лучшие» и «начальные люди» либо некой территориальной группы нерчинских тунгусов [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498]²¹, либо конкретно Дуликагирского рода [Туголуков, 1975, с. 98–99, 102], либо даже всех нерчинских конных тунгусов [Избрант, 1967, с. 150].

В источниках не содержится ответ на вопрос, почему нелюды после возвращения на «родовые» земли «превратились» в дуликагир. Более того, совершенно неясно, откуда взялись дуликагиры. Судя по присутствию в этнониме характерного для названий тунгусских родов аффикса -гир, они были тунгусами²². Б. О. Долгих, описывая этническую ситуацию в Забайкалье в середине XVII в., уверенно утверждал, что дуликагиры (вместе с баягирами) входили в состав «нелюдей» (нелюдов), а дуликагир даже «иногда называли Нелюдским родом» [Долгих, 1960, с. 336, 340]. Исходя из этого, он, а вслед за ним и некоторые исследователи обозначали тунгусский род, подвластный Гантимуру в указанное время, как Дуликагирский [Туголуков, 1975, с. 80, 96; Шубин, 1973, с. 33, 35; Жамсаранова, 2018, с. 182]. Но это утверждение (об идентичности нелюдов и дуликагир) представляется весьма сомнительным, поскольку ни в одном введенном в научный оборот источнике ни дуликагиры, ни Дуликагирский род до 1670-х гг. не упоминаются, по крайней мере применительно к Восточному Забайкалью.

Тот же Б. О. Долгих выдвинул версию, что дуликагиры имели также самоназвания «дулары» [Долгих, 1960, с. 344]. На взаимозаменяемость этнонимов «дуликагиры» и «дулары» указывали и другие исследователи [Туголуков, 1975, с. 102; Тиваненко, 2011, с. 53]. Но эта версия опять же противоречит известным фактам. Впервые дулары упоминаются в ясачной книге 1653–1654 г. П. И. Бекетова как люди, хотя и подвластные Гантимуру, но самостоятельные по отношению к нелюдам²³, которые, по мнению Б. О. Долгих, являлись дуликагирами. При этом дулары, несмотря на тюркское звучание своего этнонима [Туголуков, 1975, с. 102], однозначно отнесены Бекетовым к тунгусским родам. В последующее время дулары фигурируют как отдельный род, не подвластный Гантимуровым. В частности, в «Ведомости

²⁰ НИА СПб. Ф. 96. Оп. 1. Д. 38. Л. 3.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 84–84 об., 85 об.

²² В. А. Туголуков, правда, указал на то, что дуликагиры по своему происхождению, возможно, были связаны с древними тюрками [Туголуков, 1980, с. 163].

²³ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 27. Л. 326.

Нерчинской воеводской канцелярии» 1735 г. наряду с Дуликагирским упоминается и Дуларский род [Элерт, 2018, с. 280, 285]. Иначе говоря, в источниках конца XVII – XVIII в. дулары и дуликагиры воспринимались русской стороной как отдельные самостоятельные роды, а их этнонимы не являлись взаимозаменяемыми, соответственно дуликагиры не были дуларами и наоборот²⁴. И лишь спустя время, с конца XVIII в., Дуларский род стал фигурировать среди тех тунгусских родов, которые находились под административным управлением Гантимуровых (но опять же наряду с Дуликагирским / Дулигарским родом) [Туголуков, 1975, с. 103; Жамсаранова, 2018, с. 40, 43, 53, 59, 183].

В целом известные нам исторические свидетельства не дают никаких фактов, опираясь на которые можно было развернуто и аргументированно объяснить буквально одномоментное «превращение» нелюдов в дуликагир. Но в любом случае принятие в качестве обозначения родовой принадлежности явно тунгусского этнонима означало признание Гантимуром и его сородичами своей включенности в состав нерчинских тунгусов. Следует, правда, еще раз обратить внимание на то, что ни сам Гантимур, ни его прямые потомки до начала XVIII в. ни в каких свидетельствах, исходивших от них самих, не причисляли себя к Дуликагирскому или какому-либо иному тунгусскому роду. Упоминания же о принадлежности Гантимуровых к Дуликагирскому роду в последней трети XVII в. присутствует лишь в документах, составленных русской стороной. В связи с этим можно высказать следующую гипотезу.

До определенного времени русские ничего не знали о дуликагирах, поскольку те обитали вне их досягаемости, на территории, подконтрольной маньчжурам – на р. Наун²⁵. В конце 1660-х – первой половине 1670-х гг. они, как и многие другие тунгусские роды, вслед за нелюдами группами разной численности и в разное время перекочевали на реки Нерчу и Аргунь, были обложены ясаком и внесены в ясачные книги [Сибирские города..., 1886, с. 7; Туголуков, 1975, с. 80, 96; Элерт, 2018, с. 280, 285]. По сведениям челобитной Лариона и Лазаря Гантимуровых, поданной в 1710 г., одну из групп дуликагир – выходцев из маньчжурского Китая, пришедших под Аргунский острог, возглавлял «начальный человек зайсан Бокой», который являлся «сродником» Гантимура [Высочайше учрежденная..., 1898, Приложения, с. 20]. С большой долей вероятности можно полагать, что этот же Бокой значится в нерчинской ясачной книге 1688/89 г. как «выезжий из Китая Дуликагирского роду» [Сибирские города..., 1886, с. 7]. А поскольку с самим Гантимуром вернулось всего 40 человек [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275; Элерт, 2018, с. 280]²⁶, которые в значительном числе являлись его ближайшими родственниками (братьями, женами, детьми и внуками)²⁷, то нерчинская администрация приписала их к дуликагирам. Почему именно к ним, непонятно, но, возможно, по той причине, что Бокой являлся родственником Гантимура, а нелюды после ухода во второй половине 1650-х гг. в маньчжурские пределы обитали там же, где и дуликагиры – на р. Наун. Со временем, уже в XVIII в., в силу разных обстоятельств (которые требуют специального изучения) Гантимуровы возглавили Дуликагирский род.

Гантимур – тунгус или монгол?

С этнической принадлежностью самого Гантимура неясностей не меньше, чем с нелюдами. В русских документах первой половины 1650-х гг. он упоминался либо как просто кня-

²⁴ Это не исключает того, что, судя по наличию в этнонимах одинаковой части корня *дул-*, оба этих рода генетически были связаны между собой.

²⁵ Река Наун, она же Нонни, ныне – р. Нэньцзян, приток р. Сунгари.

²⁶ Данные о малой численности людей, пришедших с Гантимуром, подтверждаются тунгусскими преданиями, бытовавшими в XVIII в.: «предания же прочих тунгусских родов свидетельствуют, что он с юго-восточной стороны (из маньчжурских владений. – А. З.) с весьма малым числом людей плыл на плоту, сделанном из бревен, вниз по Онону и из ононого уже вошел в реку Шилку» [О тунгусах..., 1790, с. 319].

²⁷ Сам Гантимур сообщал, что на момент прихода под Нерчинск он имел, помимо прочих «родишков», 8 сыновей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 66). По сведениям русского посланника в Китай Н. Спафария, у Гантимура в 1676 г. было 9 жен и «детей больше 30-ти» [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498].

зец без родовой привязки, либо как князец-глава Нелюдского рода [Сборник..., 1960, с. 205]²⁸, который, как правило, воспринимался землепроходцами самостоятельной (отдельной от тунгусов) этнотерриториальной группой. И только после возвращения в 1666/67 гг. на «породные» земли Гантимур стал четко идентифицироваться русской стороной как тунгус [Дополнения..., 1867, с. 233; Русско-китайские отношения..., 1969, с. 275, 381, 485, 498; 1972, с. 432; Полное собрание..., 1987, с. 175]²⁹. Да и сам Гантимур и его сын Катанай в своей челобитной 1684 г. назвали себя «тунгускими князцами»³⁰. При этом, как уже говорилось, ни в одном русском документе 1670-х – первой половины 1680-х гг. не указана принадлежность Гантимура и его ближайших родичей к какому-либо тунгусскому роду. Она появляется лишь к концу XVII в., когда они начинают постепенно идентифицироваться как члены Дуликагирского рода.

Маньчжуры в своих посланиях к русским 1670 г., а также на переговорах с Н. Спафарием в 1676 г. (если верить переводу их речей и писем на русский язык посредством тунгусо-маньчжурского, монгольского и даже латинского языков) обозначали Гантимура как тунгуса [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 454, 475, 498] или солону [Журнал..., 1823, с. 37, 55; Ивановский, 1888, с. 205, 211, 213]. Солоны же – это те же тунгусы (эвенки), но уже в XVII в. сильно монголизированные в языковом и культурном отношении. Они проживали в бассейне р. Наун, на верхнем Амуре и в южной части бассейна р. Зеи. Маньчжуры называли солонами не только собственно солонов, но также дауров и тунгусов Приамурья [Шренк, 1883, с. 193, 296; Широкогоров, 2017, с. 250; Wallenböck, Zikmundová, 2021, p. 11, 12]. В 1682 г. (со слов «мунгальских людей», записанных толмачем Г. Росторгуевым) «китайские люди» называли Гантимура тунгусом [Дополнения..., 1867, с. 233]. На переговорах с Ф. А. Головиным в 1689 г. маньчжуры людей «Гайтимурова родства» причисляли к тунгусам [Русско-китайские отношения..., 1972, с. 549, 551].

В официальных документах русские к именам и титулам Гантимура (в крещении Петр), Катаная (Павел) и Чекулая (Василий) иногда добавляли географическую привязку «даурский»: «даурский князец», «даурские князцы»³¹. Это дало основание В. А. Туголукову считать, что «эпитет “даурский” перед именем Гантимура можно воспринимать именно как указание на его даурское происхождение» [Туголуков, 1975, с. 101]. Но это явно ошибочная интерпретация. Прилагательное «даурские» применительно к Гантимуру и его ближайшей родне имело исключительно географическое значение, оно означало «принадлежность» к Даурии – территории, к которой русские относили не только Приамурье, но и южную часть Восточного Забайкалья. По этому же географическому принципу и русские остроги, расположенные в данном регионе, часто назывались «даурскими». «Даурскими» обобщенно маркировались и русские казаки, несшие службу в разных острогах на Амуре и в Восточном Забайкалье.

Изложенные выше сведения о Гантимуре, казалось бы, позволяют признать его тунгусом. Однако есть обстоятельства, которые вызывают сомнения в однозначности такой этнической идентификации. Этимологический анализ имени Гантимур показал, что оно при возможном тунгусо-маньчжурском происхождении (*ганат-ми-р* – ‘стрелок из лука’, ‘человек, владеющий крепким как железо луком’, или «*кан-та-мур*» – ‘царский (правлящий) на устье воды’), имеет скорее всего монгольские корни: *гантөмөр* – ‘сталь, булат’, ‘человек со стальными силой и волей’ [Зуев, 2013]³². Выявленные нами в разных документах имена братьев, сыновей и внуков Гантимура также имеют не вполне отчетливое «этническое» звучание – то ли тунгусо-маньчжурское, то ли монгольское, то ли еще какое.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 343. Л. 95; Стб. 508. Л. 338, 341; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 286, 299 об., 300, 301, 329 об.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1355. Л. 59, 63, 82, 94.

³⁰ Там же. Л. 66.

³¹ Там же. Л. 61, 67, 71, 72, 102, 103, 106, 108, 111, 112, 132.

³² См. также: <http://arun-rb.ru/gantimur.html> (дата обращения 22.11.2022).

На монгольскую «окраску» Гантимура вроде бы указывает «титульная» приставка к его имени – «улан», встречающаяся в показаниях «даурских языков», опрошенных Е. Хабаровым в 1651 г.: «неясачной князь Гантимур улан». *Улаан*, *улаган* в монгольском языке означает «красный, алый, румяный». Но не исключено, что этот «титул» (применительно конкретно к Гантимуру) мог произойти и от тунгусского слова *олан* – «способный, талантливый человек, мастер своего дела», или *олāни* – «лук-самострел» [Зуев, 2013, с. 246]. В документах, исходящих от русских землепроходцев после 1651 г. и русской администрации после 1655 г., приставка «улан» к имени Гантимура уже не встречается. Не употреблял ее и сам Гантимур в своих челобитных и показаниях 1684 г.

В связи с «привязкой» к имени Гантимура «титула» *улан* обратим внимание на следующий факт: в одной из своих отписок (отправленной в Сибирский приказ до 29 июля 1658 г.) даурский воевода А. Ф. Пашков сообщил о нападении на отряд служилых людей, стоявший у р. Хилок, неких «мунгалских тунгусов», их разгроме и взятии в плен их «начальнова человека» – «мунгалсково тунгуса красново улана шуленгу»³³. Эту информацию можно интерпретировать следующим образом: «мунгалские тунгусы» – это тунгусы, ведущие монгольский (скотоводческий) образ жизни, т. е. так называемые конные тунгусы, и некоторые их предводители называли себя на монгольский манер «уланами» и «шуленгами»³⁴. Это дает основание утверждать, что «титулование» Гантимура уланом не является убедительным указанием на его принадлежность к монголам.

Среди прочих (некровных) родственников Гантимура в начале 1650-х гг. встречались представители как тунгусов (шурин Болдоной – князец Чемамагирского рода)³⁵, так и дауров (шурин Тыгичей Шилгинеев сын)³⁶. Соответственно, одна жена Гантимура была тунгуской, другая – дауркой. По мнению В. А. Туголукова, факт женитьбы Гантимура на даурской женщине является одним из «указаний на его даурское происхождение» [Туголуков, 1975, с. 101]. Однако это «указание» представляется весьма сомнительным. Наличие жены-даурки еще не говорит о том, что Гантимур был дауром. Браки между тунгусами и даурами, видимо, не были редкостью. Укажем, в частности, на то, что зятем известного даурского князья Лавкая был тунгус Чанкаша [Акты..., 1842, с. 75]. К тому же другая жена Гантимура была тунгуской. Да и вообще у него было несколько жен.

Информация, зафиксированная в более поздние времена, существенно расширяет круг «родников» Гантимура. Так, Н. Спафарий в 1676 г. был уверен в том, что «таргачинские мужики», обитавшие на р. Яла, были «з Гайтимуром и с сынами нерчинскими тунгусами сродники» (имеется в виду, видимо, этнокультурное «родство») [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 455]. Он же сообщил, что бывший при нем «вож тунгус Токултай» являлся племянником Гантимура и одно время «жил он в Таргачинах» [Там же, с. 434]. В марте 1692 г. Катанай утверждал, что «мунгалы» Улятского рода – «Амур-зайсан, шуленги и улусные люди», перешедшие в российское подданство, являются его «родниками»³⁷. Но уляты были не монголами, а тунгусами, хотя сильно монголизированными, в силу чего идентифицировались русскими как монголы [Долгих, 1960, с. 335–338, 340, 348]. В 1705 г. внук Гантимура Бишенга утверждал, что «род де деда и отца их иноземцы Дуликагирского, Баягирского, Уляцкого, Калтагирского... родов»³⁸. В 1710 г. еще одни внуки, Ларион и Лазарь, поведали в своей челобитной, что их дед некогда «письмом призвал под... великого государя самодержавную руку сродника своего с Науна начального человека зайсана Бокоя со всеми ево сродниками» [Высочайше учрежденная..., 1898, Приложения, с. 20]. Этот Бокой, как говорилось выше,

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 318, 324.

³⁴ Заметим, что титул / звание «шуленга» в последующее время получил распространение применительно к главам тунгусских родов Восточного Забайкалья [Долгих, 1960, с. 334–350].

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 300; Д. 27. Л. 324.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 21, 27, 29, 30.

³⁷ Там же. Оп. 4. Стб. 144. Л. 322.

³⁸ Там же. Оп. 1. Кн. 1388. Л. 84 об., 85.

вероятно, возглавлял какую-то группу дуликагир. Но сами дуликагиры, судя по их именам, зафиксированным в ясачной книге 1688/89 г., были заметно монголизированы [Сибирские города..., 1886, с. 3–4, 7].

Н. Спафарий в 1676 г. записал, что у Гантимура было 9 жен [Русско-китайские отношения..., 1969, с. 498]. Казаки Ф. Усолец и И. Коркин в своих расспросных речах в Сибирском приказе в 1681 г. сообщили о 7 женах³⁹. Но факт многоженства также не проливает свет на этничность Гантимура, поскольку наличие многих жен было распространенным явлением среди властной и зажиточной элиты почти всех коренных народов Северной и Центральной Азии, включая говорящих на монгольском, тюркском и тунгусо-маньчжурском языках (у собственно тунгусов оно фиксируется еще и в XVIII–XIX вв.).

Выводы

Всё вышеизложенное позволяет прийти к заключению, что имеющиеся на настоящий момент в распоряжении исследователей краткие и неоднозначные сведения о Гантимуре и подвластных ему нелюдах не позволяют дать их точную и бесспорную этническую идентификацию. Дошедшая до нас информация свидетельствует, что поначалу, в 1650-х гг., русские воспринимали «Нелюдский род» Гантимура преимущественно как особое этнотерриториальное объединение и обычно не включали его в состав какого-либо известного им народа Восточного Забайкалья и Приамурья, как, например, тунгусов, дауров или монголов. Исключения представляют лишь ясачные книги П. И. Бекетова, в которых нелюды отнесены к тунгусам. Но позже, со второй половины 1660-х гг., и Гантимур, и его ближайшие родственники, и нелюды в различных документах и описаниях стали определенно маркироваться как тунгусы. Такая этническая «метаморфоза» не является чем-то особенным для данного региона, где с древнейших времен наблюдалась интенсивная миграция разноязычных народов (в основном тюрков, тунгусо-маньчжуров и монголов), приводившая к их этнокультурному смешению, полной или частичной взаимной ассимиляции. В историко-этнографической и историко-лингвистической литературе до сих не утихают (и, видимо, никогда не прекратятся) дискуссии об этнической принадлежности многих восточно-забайкальских «родов», зафиксированных русскими в XVII в.

Ответить на вопрос, с какими субэтническими группами генетически был связан Гантимуров род, вряд ли возможно вообще. Мы же, опираясь на проведенный анализ сохранившихся источников, укажем на то, что в «этнокультурном» облике нелюдов и Гантимура в период знакомства с ними русских (во второй половине XVII в.) вполне заметны два субстрата – тунгусский (или шире – тунгусо-маньчжурский) и монгольский. Это дает основание предположить, что нелюдов и Гантимура (как, кстати, и значительную часть нерчинских конных тунгусов) в равной степени можно считать как изначально монголоязычной этнотерриториальной группой, но отунгушенной⁴⁰, так и тунгусо-маньчжуроязычной, но сильно монголизированной (о монголизации забайкальских тунгусов см.: [Шубин, 1973, с. 43; Туголуков, 1975, с. 103–110]). Второй вариант представляется более вероятным. Выше приводилась цитата из отписки Д. Д. Аршинского в Сибирский приказ 1670 г. по поводу перехода Гантимура в российское подданство: «родом тунгус Нелюдцково роду Гантимур». Словосочетание «родом тунгус» представляется не случайным. Аршинский не просто назвал Гантимура тунгусом, но счел необходимым (опираясь, скорее всего, на показания самого Гантимура) специально акцентировать внимание на его принадлежности к тунгусам по рождению.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 720. Л. 22.

⁴⁰ Исследователи указывают, что тунгусский (эвенкийский) этнос появился в результате сложного процесса взаимодействия и интеграции разноязычных этнокультурных групп. В Забайкалье в сложении этого этноса (точнее его субэтнических групп) помимо собственно тунгусов приняли участие отчасти древние тюрки и самодийцы, но особенно активно монголоязычные этнотерриториальные образования, возникшие после распада державы Чингисхана из осколков монгольского суперэтноса.

Сделал он это, надо полагать, потому что на собственно тунгуса Гантимур не очень-то был похож. Известно, в частности, что глава Нелюдского рода, как и его сын Катанай предпочитали общаться на монгольском языке: во время их поездки в Москву в 1685 г. их сопровождал толмач с монгольского языка, в 1695 г. Катанай написал «две сказки на мунгальском языке» [Туголуков, 1975, с. 101]. О большей близости нелюдов и Гантимура к тунгусам, нежели к другим народам Восточного Забайкалья явно свидетельствует и тот факт, что после их возвращения из Маньчжурии они вполне однозначно идентифицировались как тунгусы – и русской стороной, и Гантимуром, и его потомками, и даже маньчжурами.

Список литературы

- Артемьев А. Р.** России верное служение (Род князей Гантимуровых) // Забытые имена. Владивосток, 1995. Вып. 1. С. 47–59.
- Бродников А. А.** Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. Красноярск: Енисейский благовест, 1994. 142 с.
- Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.: Русская симфония, 2005. 799 с.
- Дамдинов Д. Г.** О предках Гантимуровых (титованных князей и дворян по московскому списку). Улан-Удэ, 1996. 94 с.
- Долгих Б. О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Жамсаранова Р. Г.** Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2. С. 42–51.
- Жамсаранова Р. Г.** Тунгусы князя Гантимура. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. 252 с.
- Зуев А. С.** Хан Тимур, булат или стрелок из лука: к этимологии имени тунгусского князя Гантимура // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 242–254.
- Иванчик С. Н., Кононенко Н. И.** Князь Е. И. Гантимуров (тайны происхождения рода). Новосибирск: Изд-во Сиб. гос. ун-та водн. трансп., 2016. 99 с.
- Карнович Е. П.** Замечательные богатства частных лиц в России. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1885. 2, VI, 330 с.
- Красноштанов Г. Б.** Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 752 с.
- О тунгусах вообще // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб.: Импр. АН, 1790. Ч. 6. С. 282–325.
- Огородников В. И.** Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1927. 91 с.
- Паршин В. П.** Поездка в Забайкальский край. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. Ч. 1. 143 с.; Ч. 2. 208 с.
- Патканов С. К.** Опыт географии и статистики тунгусских племен на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. СПб.: Тип. АО «Слово», 1906. Ч. 1. Вып. 2. [2], 283, [4] с.
- Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.** Этимологический словарь монгольских языков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. Т. 2. 229 с.
- Соломин А. В.** Князья Гантимуровы. М.: Старая Басманная, 2016. 276, XVI с.
- Спасский Г. И.** Исторические сведения о сибирских тунгусах вообще и о забайкальских в особенности // Сибирский вестник. 1822. Ч. 18. С. 21–30 (339–348).
- Спасский Г. И.** Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии // Вестник Импр. Рус. геогр. об-ва. 1853. Ч. 7. Вып. 2. Отд. 2. С. 15–42.
- Тиваненко А. В.** Древняя земля Баргуджин-Токум // Баргуджин-Токум. 2011. № 1. С. 43–60.
- Туголуков В. А.** Конные тунгусы (Этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 78–110.

- Туголуков В. А.** Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–176.
- Уварова Т. Б.** Между двумя империями: нерчинские тунгусы князей Гантимуровых // Кунсткамера, 2022. № 2. С. 57–68.
- Ураи-Кёхальми К.** К вопросу об образовании кочевых государств (на материалах даурской племенной конфедерации XVII в.) // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 124–129.
- Цыбенков Б. Д.** История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2012. 252 с.
- Широкогоров С. М.** Социальная организация северных тунгусов. М.: Наука, 2017. 710 с.
- Широкогорова Е. Н.** Северо-Западная Маньчжурия. Географический очерки по данным маршрутных наблюдений // Учен. зап. ист.-филол. факультета в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. Т. 1. Отд. 1. С. 109–148.
- Шренк Л. И.** Об инородцах Амурского края. СПб.: Тип. Имп. АН, 1883. Т. 1. XII, 323 с.
- Шубин А. С.** Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.
- Элерт А. Х.** Новые материалы к биографии тунгусского князя Гантимура // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. С. 416–421.
- Chen A. F.-Ch.** China's Northern Frontiers: Historical Back-ground. *The Yenching Journal of Social Studies*, 1948, vol. 4, no. 1, pp. 15–87.
- Chen V.** Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century. Dordrecht, Springer, 1966, X, 147 p.
- Dumbravă D.** The first political borders of the Eurasian continent at the northern “entrances” to the Son of Heaven? In: Tomás Pereira, S. J. (1646–1707). Life, work and world. Lisboa, Centro Científico e Cultural de Macau, 2010, pp. 317–352.
- Janhunen J.** Manchuria: an ethnic history. Helsinki, Finno-Ugrian Society (Suomalais-Ugrilainen Seura), 1996, XIV, 335 p.
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China's Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge, MA, Harvard Uni. Press, 2019, 364 p.
- Lavrilier A., Dumont A., Brandišauskas D.** Human-nature relationships in the Tungus societies of Siberia and Northeast China. In: Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines, 2018, vol. 49, pp. 1–27.
- Wallenböck U., Zikmundová V.** The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 1–45.

Список источников

- Акты исторические. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 4. 592 с.
- Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 5. 325 с.
- Дополнения к актам историческим. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. VII, 539, 7, 9 с.; 1867. Т. 10. VIII, 504 с.
- Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему Его Царского Величества указу в 1676 году, царствования китайского Хуандия Кансия в 15 лето: Пер. с маньчж. // Сибирский вестник. 1823. Ч. 3. С. 29–100.
- Ивановский А.** Посольство Спафария // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. СПб.: Тип. Имп. АН, 1888. Т. 2. С. 81–124, 195–220.
- Избрант Идес, Адам Бранд.** Записки о посольстве в Китай (1692–1695). М.: Наука, 1967. 403 с.

- Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. Ч. 1. 382 с.
- Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. М.: Наука, 1969. Т. 1. 614 с.; 1972. Т. 2. 835 с.
- Сборник документов по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1960. 493 с.
- Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
- Элерт А. Х.** Ведомости Нерчинской воеводской канцелярии о родовом составе, численности, расселении и ясачных платежах коренного населения уезда (1735 г.) // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 271–289.

References

- Artemiev A. R.** Rossii vernoe sluzhenie (Rod knyazei Gantimurovykh) [Faithful Service to Russia (Clan of the Gantimurov Princes)]. In: Zabytye imena [Forgotten Names]. Vladivostok, 1995, pp. 47–59. (in Russ.)
- Brodnikov A. A.** Eniseisky ostrog. Eniseisk v XVII veke: Ocherki iz istorii goroda i uyezda [Enisei Ostrog. Eniseisk in the 17th Century: Essays from the History of the City and County]. Krasnoyarsk, Eniseiskii blagovest, 1994, 142 p. (in Russ.)
- Chen A. F.-Ch.** China's Northern Frontiers: Historical Back-ground. *The Yenching Journal of Social Studies*, 1948, vol. 4, no. 1, pp. 15–87.
- Chen V.** Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century. Dordrecht, Springer, 1966, X, 147 p.
- Damdinov D. G.** O predkakh Gantimurovykh (titulovannykh knyazei i dvoryan po moskovskomu spisku) [On the Ancestors of the Gantimurovs (Princely Families and Nobility according to the Moscow List)]. Ulan-Ude, 1996, 94 p. (in Russ.)
- Dolgikh B. O.** Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 621 p. (in Russ.)
- Dumbravă D.** The first political borders of the Eurasian continent at the northern “entrances” to the Son of Heaven? In: Tomás Pereira, S. J. (1646–1707). Life, work and world. Lisboa, Centro Científico e Cultural de Macau, 2010, pp. 317–352.
- Elert A. Kh.** Novye materialy k biografii tungusskogo knyazyia Gantimura [New Materials for the Biography of the Tungus Prince Gantimur]. In: Problemy istorii, russkoi knizhnosti, kul'tury i obshchestvennogo soznaniya [Problems of History, Russian Book-Learning, Culture and Collective Consciousness]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 2000, pp. 416–421. (in Russ.)
- Georgi I. G.** Opisanie vsekh obitayushchih v Rossiiskom gosudarstve narodov [Description of All the Peoples Living in the Russian State]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya, 2005, 799 p. (in Russ.)
- Ivanchik S. N., Kononenko N. I.** Knyaz' E. I. Gantimurov (tainy proiskhozhdeniya roda) [Prince E. I. Gantimurov (Secret of the Clan's Origin)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta vodnogo transporta, 2016, 99 p. (in Russ.)
- Janhunen J.** Manchuria: an ethnic history. Helsinki, Finno-Ugrian Society (Suomalais-Ugrialainen Seura), 1996, XIV, 335 p.
- Karnovich E. P.** Zamechatel'nye bogatstva chastnykh lits v Rossii [Extraordinary Wealth among Private Individuals in Russia]. St. Petersburg, Izdaniye A. S. Suvorina, 1885, 2, VI, 330 p. (in Russ.)
- Kim L. E.** Ethnic Chrysalis: China's Orochen People and the Legacy of Qing Borderland Administration. Cambridge, MA, Harvard Uni. Press, 2019, 364 p.
- Krasnoshtanov G. B.** Erofey Pavlovich Khabarov [Erofey Pavlovich Khabarov]. Khabarovsk, RIOTIP, 2008, 752 p. (in Russ.)

- Lavrilier A., Dumont A., Brandišauskas D.** Human-nature relationships in the Tungus societies of Siberia and Northeast China. In: *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*, 2018, vol. 49, pp. 1–27.
- O tungusakh voobshche [On the Tungus in General]. In: *Sobranie sochinenii, vybrannykh iz mesyatseslovov na raznye gody* [Collection of Works Selected from Monthly Books for Different Years]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, 1790, pt. 6, pp. 282–325. (in Russ.)
- Ogorodnikov V. I.** Tuzemnoe i russkoe zemledelie na Amure v XVII v. [Native and Russian Agriculture on the Amur in the 17th Century] Vladivostok, Tipografiya Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta, 1927, 91 p. (in Russ.)
- Parshin V. P.** Poezdka v Zabaikal'sky krai [A Trip to the Trans-Baikal Territory]. Moscow, Tipografiya N. Stepanova, 1844, pt. 1, 143 p.; pt 2, 208 p. (in Russ.)
- Patkanov S. K.** Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov [Geographic and Statistical Data on the Tungus Tribes Based on the census of 1897 and other sources]. St. Petersburg, Tipografiya aktsionernogo obshchestva “Slovo”, 1906, pt. 1, iss. 2, [2], 283, [4] p. (in Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages]. Moscow, Institut vostokovedeniya Rossiiskoi akademii nauk, 2016, vol. 2, 229 p. (in Russ.)
- Shirokogorov S. M.** Sotsial'naya organizatsiya severnykh tungusov [Social organization of the Northern Tungus]. Moscow, Nauka, 2017, 710 p. (in Russ.)
- Shirokogorova E. N.** Severo-Zapadnaya Man'chzhuriya. Geograficheskii ocherki po dannym marshrutnykh nablyudenii [North-Western Manchuria. Geographical Essays Based on the Route Observations]. In: *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke* [Scientific notes of the Faculty of History and Philology in Vladivostok]. Vladivostok, 1919, vol. 1, ch. 1, pp. 109–148. (in Russ.)
- Shrenk L. I.** Ob inorodtsakh Amurskogo kraia [On “Foreigners” of the Amur Region]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1883, vol. 1. XII, 323 p. (in Russ.)
- Shubin A. S.** Kratkii ocherk etnicheskoi istorii evenkov Zabaikal'ya (XVII–XX vv.) [A Brief Essay on the Ethnic History of the Evenks of Transbaikalia (17th – 20th Centuries)]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973, 108 p. (in Russ.)
- Solomin A. V.** Knyaz'ya Gantimurovy [The Gantimurov Princes]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2016, 276, XVI p. (in Russ.)
- Spassky G. I.** Istoricheskie svedeniya o sibirskikh tungusakh voobshche i o zabaykal'skikh v osobennosti [Historical Information about Siberian Tungus in General and about Transbaikalian Tungus in Particular]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin], 1822, pt. 18, pp. 21–30 (339–348). (in Russ.)
- Spassky G. I.** Svedeniya russkikh o reke Amure v XVII stoletii [Information by Russian about the Amur River in the 17th Century]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society], 1853, pt. 7, iss. 2, ch. 2, pp. 15–42. (in Russ.)
- Tivanenko A. V.** Drevnyaya zemlya Bargudzhin-Tokum [The Ancient Land of Bargudzhin-Tokum]. *Bargudzhin-Tokum*, 2011, no. 1, pp. 43–60. (in Russ.)
- Tsybenov B. D.** Istoriya i kul'tura daurov Kitaya. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and Culture of the Daur of China. Historical and Ethnographic Essays]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo VSGUTU, 2012, 252 p. (in Russ.)
- Tugolukov V. A.** Konnye tungusy (Etnicheskaya istoriya i etnogenez) [Nomadic Tungus (Ethnic History and Ethnogenesis)]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Indigenous Peoples of the North]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 78–110. (in Russ.)

- Tugolukov V. A.** Etnicheskie korni tungusov [Ethnic Roots of the Tungus]. In: Etnogenez narodov Severa [Ethnogenesis of the Peoples of the North]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 152–176. (in Russ.)
- Uray-Kóhalmi K.** K voprosu ob obrazovanii kochevykh gosudarstv (na materialakh daurskoi plemennoi konfederatsii XVII v.) [On the Issue of the Formation of Nomadic States (Based on the Materials of the Daurian Tribal Confederation of the 17th Century)]. In: Uralo-altaistika. Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk [Ural-Altaistics. Archeology. Ethnography. Language]. Novosibirsk, Nauka, 1985, pp. 124–129. (in Russ.)
- Uvarova T. B.** Mezhdv dvumya imperiyami: nerchinskie tungusy knyazei Gantimurovykh [Between Two Empires: The Tunguses of the Gantimurov Princes Family]. *Kunstkamera*, 2022, no. 2, pp. 57–68. (in Russ.)
- Wallenböck U., Zikmundová V.** The Daur at the Sino-Russian Borderlands: A Brief Introduction. *Studia Orientalia Slovaca*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 1–45.
- Zhamsaranova R. G.** Onimy Nelyudsky ostrog (Nerchinsky ostrog), Nikanskoe tsarstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte tsivilizatsionnykh protsessov Severnoi Azii [Onym Nelyudsky Ostrog (Nerchinsky Ostrog), the Nikan Tsardom and the Chinese Gou-Go in the Aspect of Civilizational Processes on the Territory of North Asia]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2014, no. 2, pp. 42–51. (in Russ.)
- Zhamsaranova R. G.** Tungusy knyazya Gantimura [Tungus of Prince Gantimur]. Chita, Zabai-kal'sky gosudarstvennyi universitet, 2018, pt. 1, 252 p. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Khan Timur, bulat ili streluk iz luka: k etimologii imeni tungusskogo knyazya Gantimura [Khan Timur, Damask Steel or Archery: about the Etymology of the Name of the Tungusic Chieftain Gantimur]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, iss. 5, pp. 242–248. (in Russ.)

List of Sources

- Akty istoricheskie [Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1842, vol. 4, 592 p. (in Russ.)
- Dopolneniya k aktam istoricheskim [Addendums to Historical Acts]. St. Petersburg, Tipografiya E. Pratsa, 1848, vol. 3, VII, 539, 7, 9 p.; 1867, vol. 10, VIII, 504 p. (in Russ.)
- Elert A. Kh.** Vedomosti Nerchinskoi vovodskoi kantselyarii o rodovom sostave, chislennosti, rasselenii i yasachnykh platezhakh korennoho naseleniya uezda (1735 g.) [The Source Book of the Nerchinsk Voivodeship Chancellery on the Family Structure, Population Size, Settlement and Yasak Tribute of the Indigenous People of the County (1735)]. In: Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv. [Traditions of Russian Intangible Culture in the Written Sources of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2018, pp. 271–289. (in Russ.)
- Ivanovsky A.** Posol'stvo Spafariya [The Spathari's Embassy]. In: Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1888, vol. 2, pp. 81–124, 195–220. (in Russ.)
- Izbrant Ides, Adam Brand.** Zapiski o posol'stve v Kitai (1692–1695) [Notes on the Embassy to China (1692–1695)]. Moscow, Nauka, 1967, 403 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1987, vol. 36, pt. 1, 382 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 1, 614 p.; 1972, vol. 2, 835 p. (in Russ.)

- Sbornik dokumentov po istorii Buryatii [Collection of Documents on the History of Buryatia]. Ulan Ude, 1960, 493 p. (in Russ.)
- Sibirskie goroda. Materialy dlya ikh istorii XVII i XVIII stoletii. Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk [Siberian Cities. Materials for their History of the 17th and 18th Centuries. Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk]. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova, 1886, 145 p. (in Russ.)
- Vysochaishe uchrezhdennaya pod predsedatel'stvom stats-sekretarya Kulomzina komissiya dlya issledovaniya zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya v Zabaikal'skoi oblasti. Materialy. [A Collection of Materials from the Highest Established Commission for the Study of Local Land Tenure and Land Use, Chaired by State Secretary Kulomzin]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1898, iss. 5, 325 p. (in Russ.)
- Zhurnal vedennyi v Pekine po sluchayu pribytiya iz Rossii poslannika Nikolaya Gavrilovicha Spafariya, otpravlennogo po vysochaishemu Ego Tsarskogo Velichestva ukazu v 1676 godu, tsarstvovaniya kitaiskogo Khuandiya Kansiya v 15 leto [The Journal on the Arrival of the Envoy Nikolai Gavrilovich Spathari from Russia, Sent by the Decree of His Tsarial Majesty in 1676, in the 15th Summer of the Reign of Chinese Xuanye Kangxi, Kept in Beijing] / Perevod s man'chzhurskogo [Translation from Manchu]. *Sibirskiy vestnik* [Siberian Bulletin], 1823, pt. 3, pp. 29–100. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Зуев, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 56765493200

Information about the Author

Andrey S. Zuev, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 56765493200

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 01.04.2023
The article was submitted on 21.02.2023;
approved after reviewing on 0.03.2023; accepted for publication on 01.04.2023*

Научная статья

УДК 39+77

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-160-172

Северность в кинодокументах: «Наш Великий Север» (1925)

Иван Андреевич Головнев

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

golovnev.ivan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4866-7122>

Аннотация

Существенную роль в формировании восприятия Севера в общественном сознании в XX в. играли визуально-антропологические материалы, в частности документальные фильмы. В 1920-х гг. в СССР одной из основных локаций съемки этногеографических фильмов стал Север. Картины, созданные в регионе, становились в буквальном смысле открытием этой территории для населения столиц и центральных областей. Основанная на анализе архивных материалов, данных периодики и кинохроники, статья вводит в научный оборот информацию о фильме «Наш великий Север» Л. К. Вериги-Доровского. Методом анализа фильма явилась его исследовательская расшифровка – представление в виде кинотекста. Показан потенциал кинодокумента как способа фиксации и трансляции этнокультурного и экономического потенциала региона в качестве многослойного исторического источника.

Ключевые слова

Север, архивный кинодокумент, визуальная антропология

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А. В. Головнёв), <https://rscf.ru/project/22-18-00283>

Для цитирования

Головнев И. А. Северность в кинодокументах: «Наш Великий Север» (1925) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 160–172. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-160-172

The Northernness in the Film Documents: “Our Great North” (1925)

Ivan A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

golovnev.ivan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4866-7122>

Abstract

Visual anthropological materials, in particular, documentary films, played a significant role in forming the perception of in the 20th century. In the 1920s in the USSR, the North was one of the main locations of the shooting of ethnogeographic films. Created in the region, they literally became the discovery of this territory for the capitals and the central regions population. Based on the analysis of archival materials, periodicals and newsreel data, the article introduces into scientific circulation information about the film “Our Great North” by L. K. Verigo-Dorovsky. The method of

© Головнев И. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 160–172

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 160–172

analysis of the film was its research interpretation – presentation in the form of a film text. The author demonstrates potential of a film document as a tool for recording and broadcasting the ethno-cultural and economic potential of the region as a multi-layered historical source.

Keywords

North, archival film document, visual anthropology

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00283 “The Northernness of Russia and the Ethno-Cultural Potential of the Arctic” (A. V. Golovnev), <https://rscf.ru/project/22-18-00283>

For citation

Golovnev I. A. The Northernness in the Film Documents: “Our Great North” (1925). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 160–172. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-7-160-172

Введение

Север исторически инспирировал творчество деятелей науки и искусства: его многогранный образ отражен в колоритном спектре исследовательских и художественных произведений, во многом сформировавших восприятие региона в сознании широких слоев российского общества. По выражению А. В. Головнева, «северное измерение» является органичным для нашей страны: «Россия началась с Севера – со Старой Ладogi и Рюрикова городища, и имперская история России неразрывно связана с северной политикой и Северной столицей – Петербургом, а освоение Арктики в советское время по значимости и героике сопоставимо с освоением космоса» [Головнев, 2022, с. 5]. В частности, северность как тематический вектор пронизывает и историю отечественного кинематографа, что выразилось в целой серии дошедших до наших дней киноработ – многослойных «документов» своего времени, до сих пор получавших лишь фрагментарное освещение в гуманитарном поле [Головнев, 2019; Граматчикова, Скубач, 2020]. Собираание рассредоточенных по архивам центральных и региональных институций визуальных и текстовых материалов, их введение в научный оборот и историко-антропологическое изучение с применением кросс-дисциплинарных подходов является актуальной исследовательской задачей в плане осмысления северности как страты российской идентичности.

Съемки документальных фильмов о Севере, включая совместные научно-кинематографические работы в арктических экспедициях, находящиеся в фокусе данного исследования, начались еще в дореволюционное время. К наиболее значимым относятся кинокартины Ф. К. Бремера и Н. В. Пинегина. Фильм Н. В. Пинегина «Экспедиция Георгия Седова» 1913 г. представляет собой подробный киновоспоминание о комплексной исследовательской экспедиции под начальством Г. Я. Седова к Северному полюсу на судне «Святой Фока» с участием ведущих ученых того периода – географа В. Ю. Визе, геолога М. А. Павлова, бактериолога П. Г. Кушакова и др.¹ Судьба героической попытки покорения Северного морского пути освещена в короткометражной зарисовке Н. В. Пинегина «Экспедиция Г. Л. Брусилова в Арктику», основное содержание которой составляет сюжет о спасении оставшихся в живых участников похода «Святой Анны» 1912–1914 гг.² В те же годы на крупной московской кинофабрике «Ханжонков и Ко» функционировал отдел научного кино, который специализировался на съемках географических и этнографических материалов, согласовывая свою деятельность с графиком научных экспедиций. В июне 1914 г. в арктический рейс парохода «Колыма» под командованием капитана П. Г. Миловзорова, был отправлен один из руководителей отдела Ф. К. Бремер. Из привезенных им пленок было смонтировано несколько короткометражных зарисовок, в том числе десятиминутный очерк «Жизнь Севера», повество-

¹ РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 9826.

² Там же. Учетный № 12532.

вавший о буднях самих членов экспедиции и местных жителей – дежневских чукчей³. Примечательно, что, в отличие от основной массы дореволюционных кинолент, вышеупомянутые фильмы не были уничтожены партийными цензорами, формировавшими архивы строго из материалов, имеющих ценность с точки зрения советского строительства. Более того, они неоднократно цитировались в картинах и киножурналах более позднего периода, например, съемки Ф. К. Бремера стали основой монтажного фильма советского документалиста В. А. Ерофеева «За Полярным кругом» 1926 г.⁴, а материалы Н. В. Пинегина вошли в картину известных кинематографистов Р. Л. Кармена и М. Я. Слущкого «Седовцы» 1940 г.⁵ Очевидно, образ освоения Севера, включая картины «старого» быта и этнографические сюжеты, имел вневременную ценность и в «новых» советских реалиях.

Форсирование госзаказа на создание новых фильмов в регионе в раннесоветский период было обусловлено тем, что Север оставался одним из важнейших направлений для осуществления хозяйственного освоения, а, соответственно, в повестке власти актуализировались как организация его научного изучения силами опытных ученых, так и популяризация северной сюжетики с использованием кинотехнологий. Набиравший популярность кинематограф воздействовал на массы значительно сильнее, чем любое другое СМИ, и потому использовался советской властью как эффективное средство конструирования и позиционирования экранных образов прогрессивно развивающихся при социализме регионов страны.

В апреле 1918 г. для осуществления при посредстве кинематографа культурно-просветительных задач Комиссариата народного просвещения, для нравственного и художественно-эстетического воспитания широких масс, а также для обсуждения разработки и проведения в жизнь мероприятий по вопросам урегулирования и развития кинематографической промышленности в зоне Союза Северных коммун, объединявшей территории Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний, был учрежден Областной Кинематографический комитет. Северному кинокомитету вменялись права «издавать распоряжения и обязательные постановления по всем вопросам, касающимся кинематографии во всех ее отраслях» (Северная коммуна, 1918, 12 окт., с. 2). Отметим, что цитируемое партийное постановление более чем на год опередило известный ленинский «Декрет о кино» от 27 августа 1919 г., что говорит об особом внимании к киноделу в Северной области. В сравнении с московской частью кинематографической отрасли, тяжело перестраивавшейся после революционных потрясений, связанных с замещением кадровых и технических ресурсов, в Петрограде относительно оперативно развернулось новое кинопроизводство. Уже к середине 1920-х гг. в северном регионе активно работало несколько крупных государственных кинофабрик: «Кино-Север», «Севзапкино», «Госкино». В частности, Севзапкино к 1925 г. уверенно вышло на первое место по производственным показателям в масштабах страны, выпустив треть кинокартин из общего объема фильмов, произведенных всеми кинопредприятиями СССР. При этом показательно, что расширение количественных индикаторов этой студии произошло за счет увеличения доли документальных фильмов: если в 1918 г. их было снято всего 5, то в 1924 – уже 157 [Гращенкова, Фомин, 2016, с. 248]. Конкурентным участником того кинопроцесса было и Северное отделение Госкино, в функции которого входили: наблюдение за выполнением государственной фотокино-монополии, выдача разрешений на демонстрацию кинофильмов и производство кинокартин в Северо-Западной области Советского Союза, включая фильмы научно-популярной тематики. В частности, к летнему сезону 1925 г. на студии была запущена в производство серия этногеографических картин, связанных с экспедициями в Мурманскую область, на Новую Землю, Печору и др. (Кино, 1925, № 3–4, с. 3). Видно, кинематографическое сообщество, включая руководство репертуарной политикой и дирекцию петроградских кинофабрик, было мотивировано на создание картин на материалах экзотической северной тематики.

³ РГАКФД. Фонд кинодокументов. Учетный № 12438.

⁴ Там же. Учетный № 13126.

⁵ Там же. Учетный № 4218.

В свою очередь, ученых-североведов встречно привлекало взаимодействие с кинематографистами, прежде всего в плане использования кинотехнологий для фиксации и презентации экспедиционных материалов [Головнев, 2020]. В январе 1919 г. была создана специальная Комиссия при научно-техническом отделе ВСНХ по использованию естественных производительных сил Русского Севера, на основе которой в марте 1920 г. возникла «Северная научно-промысловая экспедиция», преобразованная в 1925 г. в Институт по изучению Севера [Самойлович, 1935]. Активную роль в развитии этих институций играл их руководитель Р. Л. Самойлович – к тому времени уже известный полярный исследователь, имевший опыт успешных географо-геологических работ на архипелаге Шпицберген. Кроме прочего, по его инициативе для визуализации экспедиционных опытов практиковалось регулярное привлечение художников, фотографов и кинематографистов в научные Арктические походы. В частности, в экспедиции под его началом на Новую Землю 1921 г. участвовал фотограф-кинооператор Ф. К. Вериге-Доровский [Белов, 1959] – старший брат и соратник по киноделу Л. К. Вериге-Доровского, снявшего в 1925 г. документальный фильм «Наш великий Север», детально рассмотрению которого посвящена настоящая статья.

Согласно сведениям из личной анкеты, сохранившейся в студийном архиве, Вериге-Доровский Леопольд Константинович родился 15 ноября 1876 г. в г. Митаве Курляндской губернии. По происхождению – дворянин, по национальности – немец, по профессии – кинооператор. Образование получил среднее: окончил Алексеевское Евангелическое начальное училище (1890) и Петропавловское реальное училище (1896) в Москве. Первыми профессиональными шагами в кинематографе стали съемки хроникальных сюжетов о буднях дореволюционного Петрограда. С 1914 по 1918 г. владел собственной кинолабораторией. В 1919 г. работал в петроградском Фото-Кино-Комитете, с 1922 по 1923 – на студии «Кино-Север», в 1924–1926 гг. – в Ленинградском Отделении Госкино⁶. Сохранились его воспоминания периода северной киноэкспедиции 1925 г., вошедшие в специальную брошюру с характерным названием «Наш великий Север: этнографическая картина (жизнь и быт Севера)». Эти мемуары содержат интересные с исследовательской точки зрения «закадровые» свидетельства создания фильма, включая заметки антропологического характера, и будут использованы в статье в порядке сопоставлений с кадрами киноленты. Из этого издания, в частности, следует, что маршрут экспедиции пролегал по железной дороге: от Ленинграда через Карелию и Поморье к Ледовитому океану, а основные съемочные работы были развернуты летом 1924 г. в районах Мурманска и Александровска на Мурмане [Наш великий Север..., 1925, с. 2]. К слову, подобные информационно-методические приложения выпускались в то время к большинству научно-популярных фильмов – для использования в процессе сопровождения показов лекторами в различных форматах демонстрации: театральном, клубном, школьном, передвижном и т. п.

Изучение междисциплинарной темы производства советского этногеографического кино, предпринятое в данной статье, предполагало анализ нескольких видов источников: кинодокументов, архивных фондов, материалов периодической печати рассматриваемого периода. В последнее время всё большее количество ученых обращается в своей работе к визуальным архивам, ведь исторические киноленты «оживляют» перед исследователями картины быта и нравов народонаселения России, навсегда канувшие в историю. Объяснимо, что работа с этими материалами требует опоры на специализированную методологию, открывающую возможность критического «прочтения» фильма как многослойного источника. И наиболее обстоятельным подходом в данном случае представляется рассмотрение конкретных визуально-исторических документов в контексте обстоятельств их создания и развития параллельных процессов в науке, культуре и идеологии изучаемого периода. В силу специфики немого кино 1920-х гг. документальные фильмы представляли собой повествования, состоя-

⁶ ЦГАЛИ. Ф. Р-257. Оп. 1. Д. 138. Л. 1–2.

Л. К. Вериге-Доровский умер в блокадном Ленинграде 20 февраля 1942 г.

щие из перемежающихся кадров и титров. И в этой связи эффективным методом для анализа данных фильмов является их исследовательская расшифровка – «перевод» в текстовый формат содержания титров и кадров из кинокартины. Такие «кинотексты» дают возможность сравнения итоговых киноработ с исходными монтажными листами (в случае их наличия в архивах), представляют наглядную основу для соотнесения их со смежными печатными источниками, а также для прикладного использования в форме информативного приложения к исследованию. Ниже в тексте приводится изложение содержания титров (прописными буквами, как в фильме), кадров (обычным шрифтом) и заметок участников киноэкспедиции из вышеупомянутой брошюры к фильму (курсивом)⁷ для формирования последующих аналитических выводов.

Фильм «Наш великий Север» как кинотекст

Титр. НАШ ВЕЛИКИЙ СЕВЕР

Кадры. Географическая карта СССР. Карта Северного края.

Кадры. Научно-промысловое судно «Александр Ковалевский» у берега. Панорама залива и населенных берегов.

Кадр. Панорама г. Александровска на Мурмане.

Кадры. Подготовка рыболовных судов к выходу в море.

Автор-оператор фильма Л. К. Вериги-Доровский вспоминал:

Мы у Белого моря. Здесь начинается Поморье. Большие селения раскинуты по побережью. Живут в них поморы – великорусское население – потомки новгородских удалцов-ушкуйников. Их основное занятие – рыбные и звериные промыслы. Зимой они живут в своих беломорских селах, промышляя сельдь и навагу, а на летний сезон всё мужское население поморских сёл отправляется на рыбные промыслы на Мурманское побережье Ледовитого океана. Столица Поморья – г. Кемь, а Сорока – одно из самых крупных морских селений. Наш Север располагает богатейшими рыбными промыслами. По самым скромным подсчетам, он может ежегодно давать до 10 000 000 пудов рыбы. Среди промысловой рыбы обилие ценных пород лосося и семги. Кандалакша – это центр сельдяного промысла [Наш великий Север..., 1925, с. 3].

Кадры селения Кандалакша с деревянными постройками.

Кадр. Группа учащихся у транспортной школы.

Кадры селения на фоне леса. Жилища. По улице на санях проезжают местные жители.

Кадр. По железнодорожному пути проходит пассажирский поезд.

Кадры новых деревянных построек в селении.

В следующих дневниковых записях оператора сообщалось:

Поморье промелькнуло, и мы уже за полярным кругом – пересекаем Кольский полуостров. Вот озеро Имандра, Хибинский горный массив. Это место еще мало изведанных ископаемых богатств... [Там же].

Титр. ХИБИНСКИЕ ГОРЫ В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ.

Кадр железнодорожного полотна, проложенного на месте вырубленного леса.

Кадры лесоразработок.

Титр. ХИБИНСКИЕ ГОРЫ ЗИМОЙ.

Кадры. Горные пейзажи.

Титр. ОЗЕРО ИМАНДРА ЗИМОЙ ВО ВРЕМЯ ЛЕДОСТАВА.

⁷ В цитируемых текстах особенности орфографии и пунктуации сохранены.

Кадр. Вид озера Имандра.

Титр. ОЗЕРО ИМАНДРА, ПЛОЩАДЬ 1000 КИЛОМЕТРОВ.

Кадры озера.

Титр. СТАНЦИЯ ЛОПАРСКАЯ. ЖИЗНЬ И БЫТ ЛОПАРЕЙ.

Кадры железнодорожной станции «Лопарская». Жилища лопарей.

Кадры. Семейство лопарей у чума. Члены семьи заняты домашними работами.

Из этнографических заметок Л. К. Вериги-Доровского:

На ст. Лопарской мы встречаемся с лопарями. Это небольшое финское племя, постепенно вымирающее. Их осталось, по последним данным, всего около 1 500 человек. Живут они на Кольском полуострове зимой в поселках, называемых «погостами», занимаются охотой и оленеводством, а летом разбредаются по рекам и озерам на рыбные промыслы. Живут они в шалашах, вроде юрт. До революции сильно эксплуатировались купцами-кулаками, скупавшими у них за бесценок пушнину и рыбу, продавая им взамен втридорога муку, соль, порох, свинец и, вдобавок, спаивая их спиртом [Наш великий Север..., 1925, с. 3].

Кадры. Озеро у подножья горы Саловараки. Группа людей у горы.

Кадр. По железнодорожному полотну, проложенному у подножья горы, проезжает дрезина.

Кадр. Железная дорога, проложенная вдоль берега озера.

Кадр. Железная дорога в горах.

Титр. ОБЩИЙ ВИД ГОРОДА МУРМАНСКА И ПОРТОВ.

Кадры Мурманского порта.

Титр. ГОСБАНК.

Кадр. Здание Госбанка.

Титр. ГОСТОРГ.

Кадры. Внешний вид магазина «Госторга». Покупатель выносит из помещения магазина мешок с мукой.

Титр. ЦЕНТРОСОЮЗ.

Кадры. Здание Мурманской конторы «Центросоюза». Персонал конторы осматривает привезенные меха.

Кадры улиц Мурманска.

Кадры. Посетители у здания магазина.

Кадр. Дети продают газету «Правда». Прохожие покупают и рассматривают газеты.

Кадр. Покупатели с покупками выходят из магазина.

Титр. ЗАКЛАДКА ФУНДАМЕНТА И ПОСТРОЙКА ГОСТИНИЦЫ.

Кадр строящегося здания гостиницы.

Титр. В НАЧАЛЕ ДЕКАБРЯ ГОСТИНИЦА БЫЛА УЖЕ ДОСТРОЕНА.

Кадр здания новой гостиницы.

Титр. МУРМАНСКИЙ ПОРТ – НАША НЕЗАМЕРЗАЮЩАЯ БАЗА НА СЕВЕРНОМ ОКЕАНЕ.

Кадры. Панорама порта. В порту – подъем грузов на пароход.

Титр. РАБОТА ПО ВЫГРУЗКЕ ХЛОПКА ИЗ АМЕРИКИ И УГЛЯ ИЗ НОРВЕГИИ.

Кадры выгрузки хлопка с парохода.

Кадры выгрузки угля.

Титр. УХОД МОТОРНОГО БОТА С РЫБОПРОМЫШЛЕННИКАМИ НА МУРМАНСКИЙ БЕРЕГ.

Кадр. Вид бота с пассажирами, идущего через залив.

В Александровске на Мурмане расположена Мурманская биологическая Станция Ленинградского Общества естествоиспытателей. Основанная в 1881 году на Белом

море, на Соловецких островах, она была выкурена оттуда монахами и переведена в 1889 году в Александровск. Станция прекрасно оборудована, имеет специальное научно-промысловое судно «Александр Ковалевский» и ряд мелких судов для научных работ. Станция ведет работу по систематическому изучению фауны Ледовитого океана. Каждое лето со всех концов СССР съезжаются работать на станцию биологи. Кроме того, станция поставляет большое количество материала для работ в университетских и школьных лабораториях. Заведующий станцией профессор Г. А. Ключге самоотверженно работает за полярным кругом уже 16 лет и сумел сохранить станцию для русской науки в годы гражданской войны, –

сообщал оператор [Наш великий Север..., 1925, с. 3].

Титр. ГОРОД АЛЕКСАНДРОВСК.

Кадр. Панорама Александровска на Мурмане.

Кадры биологической станции.

Титр. МУРМАНСКАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ, ОСНОВАННАЯ ОБЩЕСТВОМ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ В 1881 Г. НА БЕЛОМ МОРЕ И НА СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВАХ, И ПЕРЕНЕСЕННАЯ В АЛЕКСАНДРОВСК В 1889 Г.

Титр. ПРОФЕССОР ГЕРМАН АВГУСТОВИЧ КЛЮГГЕ, ЗАВЕДУЮЩИЙ СТАНЦИЕЙ С 1908 Г. – 16 ЛЕТ.

Кадр. Профессор Ключге перед аппаратом.

Из мемуаров Л. К. Вериги-Доровского:

Теперь мы вместе с рыбаками-поморами отправимся в океан и посмотрим, что там за жизнь. Главная промысловая рыба – треска – 70 %, за ней пикша – 20 % и остальные 10 % приходятся на палтуса, зубатку, сайду и т. д. Вдоль Мурманского берега Ледовитого океана расположены становища, т. е. поселки, куда на летнее время собираются полярные промышленники. Прежде в каждом становище был свой хозяин капиталист, или как здесь говорят «факторист», который царствовал, обирая промышленников и продавая им по высокой цене предметы первой необходимости [Там же, с. 4].

Титр. ЛОВ НАЖИВКИ ТЯГЛОВЫМ НЕВОДОМ.

Кадры. Рыбаки тянут на берег невод с рыбой, вытянув его на берег, высыплют рыбу в корзину.

Кадры-портреты рыбаков.

Титр. НАЖИВКА.

Кадр. В ящике – мелкая рыба.

Титр. 80-ЛЕТНИЙ РЫБАК.

Кадр. Старый рыбак нанизывает наживку на крючок.

Далее в брошюре были даны пояснительные комментарии, относящиеся к специфике лова:

Самый лов рыбы производится самым примитивным образом, почти так же, как и в глубокую старину. Главная промысловая снасть и сейчас – ярус, т. е. длинная веревка, к которой на лесках подвешивается «наживка» – маленькая рыбка мойва или песчанка. Промысел разбивается на следующие три момента: 1) лов наживки, 2) наживание яруса, 3) работа в море. Наживка ловится большим неводом около берега, где море ею буквально кишит. Когда наживка наловлена, происходит наживание яруса; рыбку насаживают на крючки, затем яруса аккуратно складывают в ящики и переносят на промысловые суда. Для ловли ярусом на Мурмане употребляются двух типов суда: 1) Шняка – судно русского происхождения, 2) Ела – более легкое судно,

заимствованное русскими у норвежцев. В море на промысел идут 3–4 человека на каждом судне. За последние годы шняки и елы начинают вытесняться парусно-моторными ботами [Наш великий Север..., 1925, с. 3].

Кадр. Мальчик надевает наживку на крючок.

Титр. ЛОВ ТРЕСКИ НА МЕЛКИХ СУДАХ.

Кадры. Небольшие парусные суда на ловле рыбы в заливе.

Титр. ВЫМЕТЫВАНИЕ ЯРУСОВ.

Кадры. Рыбаки в лодке выходят в море на выметывание ярусов.

Титр. ЕЛА НА ЯРУСЕ.

Кадры. Рыбаки в море на ловле рыбы во время шторма.

Титр. СУШКА ПАРУСОВ И ЯРУСОВ ПОСЛЕ ШТОРМА.

Кадры. Просушки ярусов.

Титр. 70 ПРОЦ. УЛОВА ПАДАЕТ НА ОДНУ ТРЕСКУ.

Кадры. Рыбаки вытягивают сеть в лодку и выпускают рыбу на дно.

Часто кроме промысловых рыб на крючок попадают и другие обитатели Ледовитого океана: скаты, акулы, крабы, морские звезды и т. д. Иногда улов бывает настолько велик, что шняки не в состоянии весь его забрать и часть его выбрасывается обратно в океан. По возвращении в становище «шкерыт», т. е. чистят рыбу и засаливают ее [Там же, с. 5].

Титр. СРЕДИ МАССЫ РЫБНЫХ БОГАТСТВ ПОПАДАЮТСЯ...

Кадр. Рыбак держит в руках большую рыбу.

Титр. ...СКАТ, МОРСКОЙ ЧЕРТ.

Кадр. Рыбак держит в руке ската с длинным хвостом.

Кадр. На доске лежит краб.

Титр. КРАБЫ, МОРСКИЕ ЗВЕЗДЫ И ДРУГИЕ.

Кадры крабов на доске.

Титр. РАЗДЕЛКА РЫБЫ НА ПАЛУБЕ ТРАУЛЕРА.

Кадры разделки рыбы на палубе.

Завершал экспедиционные заметки Л. К. Вериги-Доровский следующим резюме:

Несмотря на такую первобытную постановку промыслов и тот огромный риск, которому подвергаются промышленники на своих утлых суденышках, в среднем на Мурман стекается ежегодно до 3 500 человек, вылавливающих в среднем до 500 000 пудов рыбы. В настоящее время этот кустарный способ лова рыбы заменяется так называемым «траловым ловом». Иностранцами он применяется уже давно; они хозяйничают около наших берегов, у нас же траловый лов стал развиваться лишь после революции [Там же].

Кадр. Вид траулера в море, над морем реют чайки.

Титр. ПОЛУНОЧНОЕ ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕ НА ОКЕАНЕ.

Кадр. Солнце освещает океан.

Титр. КОНЕЦ.

Методология создания фильма

Вышеприведенный кинотекст в сопоставлении со смежными документами позволяет проанализировать не только содержание, но и методы создания фильма. На производственный кинопроцесс, очевидно, повлияло несколько внешних факторов. Во-первых, идеологические установки партии, определявшие как общий тематический план, так и тональность отдельных киноработ подведомственных государству киностудий. Не случайно в методическую

брошюру к фильму вошли акцентные ноты критической характеристики «старого» быта Севера, выраженные в словах руководителя кинофабрики М. А. Богорачева: «В дореволюционное время Северу уделялось очень мало внимания; это был пасынок... Хозяинничали отдельные предприниматели, чуявшие легкую добычу, обирая местное население и наживая несметные богатства. Мурманский край прозябал...» [Наш великий Север..., 1925, с. 1]. Эта позиция отразилась в фильме через показ примитивных приемов лова среди местных рыбаков, кустарных форм обработки мрамора, «первобытного» образа хозяйствования у лопарей и т. д. Контрапунктом к этим сценам в фильме даны эпизоды «новой» жизни на Севере: строительство новых жилых домов и гостиницы, работа «Госбанка», «Госторга», «Центросоюза» и т. п.

Во-вторых, на содержании общей картины сказалось сотрудничество со службами железнодорожного ведомства. Кинофабрика «Госкино» в тот период регулярно практиковала съемки профсоюзной и производственной хроники по специальным заказам союзов, трестов и отдельных предприятий на взаимовыгодных условиях. Так и создание фильма «Наш великий Север» проходило при поддержке Правления Мурманской железной дороги, что определило и маршрут следования киногоруппы, и локации съемок – вдоль железнодорожного полотна. «Стоившая невероятных усилий прокладка этой дороги через непроходимые болота и леса, при полном отсутствии дорог для подвоза материалов и суровом климате – представляет из себя мировой рекорд русской техники. Мурманская дорога стала нервом, связавшим дикую окраину с центром. Мурманский край вошел в семью народов Советского Союза, и край оживился», – декларировал директор кинофабрики М. А. Богорачев. Примечательно, что на основании специального закона, утвержденного Советом Труда и Обороне при Совете народных комиссаров РСФСР 25 мая 1923 г., Правление Мурманской железной дороги (Колонизационный отдел), являлось исполнительным органом колонизации в районах, прилегающих к железной дороге [Колонизация Карельско-Мурманского края..., 1925, с. 12]. Фильм, как следует из кинотекста, действительно изобилует кадрами железнодорожных и окружающих дорогу объектов: поселений, станций, составов, путей, а также видами, снятыми во время движения поезда.

Наконец, в фильме нашли отражение и приметы времени, связанные с показом на экране героев, открывающих и разрабатывающих природные богатства на благо страны. Север отображен как страна даров моря, осваиваемых учеными, в кадрах работ биологической станции, научно-промысловых судов и др. Разумеется, консультационная поддержка исследовательского сообщества сопровождала киногоруппу на всем протяжении работ – от подготовки и съемок фильма до наполнения информационной брошюры к нему, включая изложение подробных сведений о специфике пород и объемов добычи даров моря.

Но всё же и содержательно, и эмоционально именно картины «старого» быта, снятые методом документального наблюдения, доминируют в фильме. Конечно, обновления революционного порядка на Севере к середине 1920-х гг. еще не произошли, и потому попросту не были видны невооруженным киноглазом. И многие эпизоды «прогрессивного» толка выходцу из дворянства и дореволюционной кинематографии Л. К. Вериге-Доровскому, очевидно, приходилось по мере возможности инициировать или даже инсценировать: читку газеты «Правда» уличными прохожими, ритмичную сдачу мехов в контору, радостное позирование учащихся транспортной школы и т. п. Оттого эти послания столетней выдержки и сегодня считаются соответствующим образом, а съемки новостроек и советских ведомств стоят в монтаже особняком по отношению к основной части киноистории, из кадров которой, просачиваясь через цензурные фильтры, проглядывает уверенная коренная северность. Выразительными акцентами этой линии оказывается визуально-антропологическая галерея колоритных портретов северян, смотрящих прямо в объектив камеры (в глаза зрителю). Можно предположить, что в исходном варианте фильма обозначенные моменты были видны более выпукло, поскольку, согласно упоминанию в хронике студии, картину пришлось перемонтировать для финальной приемки редакторским отделом Госкино (Кино, 1925, № 4–5, с. 5).

Перед выпуском в кинопрокат, в январе 1925 г., были также проведены показы фильма для представителей профильных структур – их отзывы были перепечатаны в вышеупомянутой информационной брошюре. Так, инженер К. Шашкин отмечал: «Картина заснята очень удачно. Изобилует прекрасными видами водопадов, которые производят впечатление водных богатств Севера и дают представление о скрытой в них энергии. Путешествие по Мурманской дороге дает законченное представление о крае, его промышленных и рыбных богатствах. Картина смотрится с одинаковым большим интересом и может служить как для научного ознакомления с краем в сопровождении лекций, так и просматриваться как видовая» [Наш великий Север..., 1925, с. 5]. Более сдержанная тональность читается в отзыве секретаря Колонизационной комиссии Северо-Западного областного экономического совещания (Севзапэконо) А. Трехсвятского: «Фильм производит хорошее и полное впечатление о Мурманском крае и его промышленности и жизни. В техническом отношении заснят безукоризненно» [Там же]. По словам научного сотрудника Плановой комиссии Севзапэконо В. Тройцкого, «и по выполнению, и по инсценировке картина сделана превосходно. Картина дает полное знакомство с основными достижениями Мурманской железной дороги и Советской Власти на Севере и хорошо иллюстрирует наши природные богатства» [Там же]. И подытоживал разбор фильма отзыв члена Комиссии Народного комиссариата путей сообщения С. Бернштейн-Когана: «Картина доставила мне большое удовлетворение. Моменты для съемки и места выбраны прекрасно. Получается законченное впечатление. Можно только приветствовать инициативу Госкино и Мурманской дороги в съемке столь интересного края и пожелать картине самого широкого распространения» [Там же]. Следует добавить, что группе Л. К. Вериги-Доровского вполне удалось передать в кадре романтику путешествия к Ледовитому океану и столь значимую «атмосферу» Севера, что позволило фильму преодолеть формат информационного повествования и найти контакт со зрительской аудиторией.

Фильм «Наш великий Север» вышел в широкий прокат осенью 1925 г. (Кино, 1925, № 10, с. 3). Причем известно, что Госкино в том сезоне выпустило на экраны целую серию «северных» кинокартин: «Наш великий Север», «Архангельск и его окрестности» и «Экспедиция на Новую Землю» (Советское искусство, 1925, № 2, с. 67). Такой всплеск производства лент о северных экспедициях, помимо научно-творческих оснований имел и свою политическую подоплеку. В этой связи уже в самом названии фильма «Наш великий Север» оказываются исследовательски интересны все слово-слагаемые, поскольку оно было сформулировано как лозунг, расставляющий опорные акценты: «Север – наш», «Север – великий». Известно, что в 1926 г. вышло постановление Президиума ЦИК «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [Об объявлении..., 1926, с. 1]. Но «владение» Севером необходимо было регулярно подтверждать в информационном поле внутри страны и за рубежом, что подпитывало «сверху» развитие темы северности в кино. Не случайно в фондах РГАКФД представлено такое обилие экранных высказываний о северных – арктических и субарктических – территориях в 1920–1930-х гг.: «Архангельск» (1926), «За тюленями в полярные льды» (1927), «Самоеды» (1927), «Подвиг во льдах» (1928), «По Северу» (1928), «К берегам и островам Баренцева моря» (1929), «По Камчатке и Сахалину» (1929), «Быт народов Севера» (1930), «К белому пятну Арктики» (1930), «Малоземельная тундра» (1930), «Таймырская экспедиция» (1930), «Далеко на Севере» (1932), «Путь на Север» (1932), «Восточная Лапландия» (1933), «Два океана» (1933) и мн. др. А для организации на территориях Северного Края кинопроката идеологически «правильных» советских фильмов в конце 1920-х гг. в Архангельске был организован трест кинофикации «Севкино», особое внимание уделявший заказу и показу кинокартин о Севере⁸.

Как и большинство этногеографических фильмов изучаемого периода, киноработы о Севере 1920–1930-х гг. были выстроены по схожей сценарной матрице: открывались географической картой СССР и обозначением на ней региона – через показ историко-этнографиче-

⁸ ГААО. Ф. 5860.

ских особенностей и запущенности экономики края при царизме – к демонстрации прогрессивных изменений в жизни территории при социализме. По замечанию Д. А. Аманжоловой, кинематограф как визуальный ресурс политики работал на формирование новой модели массовой культуры, монтируя в наглядный ряд «прошлое, признанное неприемлемым и решительно отторгнутым, настоящее как транзитный период и бескомпромиссный разрыв с тем, что недавно было повседневной жизнью миллионов людей, и будущее как неизбежное пространство окончательной победы Добра в его социалистическом понимании» [Аманжолова, 2022, с. 93]. Как видно, киноэкран отражал настрой страны на активное освоение, развитие и позиционирование своего северного измерения в послереволюционный период, демонстрируя подробный северный раздел нового советского киноатласа.

Заключение

Если анализ отдельного кинодокумента, в данном случае фильма «Наш великий Север», позволяет рассмотреть частный пример отображения эволюции региона в период начальной советизации на «крупном плане», то собрание тематически смежных фильмов освещаемого периода образует собой «общую панораму» источников, открывая перед исследователем перспективу осмыслить многослойный образ северности вековой давности, отчетливо проявившийся в кинонарративах. Особость визуальных репрезентаций Севера выражалась в выстраивании череды ключевых образов: «край земли», «природное эльдорадо», «территория коренных народностей», «пограничная зона», «оживающий при социализме регион». В этом плане роль кинематографа состояла прежде всего в фиксации и трансляции различных колониционных емкостей: от натуральных ресурсов до этнокультурного потенциала края.

С одной стороны, благодаря запечатлению на киноплёнке материалов о культурной эволюции среди местных сообществ, те северные фильмы стали вкладом в этнографию. С другой – в части показа особенностей советизации окраин страны явились свидетельствами истории социалистического строительства в крае. Кроме того, на примере данных фильмов отчетливо видна отработка советским кинематографом госзадания по созданию привлекательного образа того или иного региона для использования в рамках мероприятий переселенческой политики СССР, инспирированию интереса к колонизации северных окраин среди населения страны. Наконец, они представляют собой апробированные примеры эффективного взаимодействия профессионалов науки и кино, востребованные для использования в современных практиках фиксации и популяризации исследовательских материалов.

Список литературы

- Аманжолова Д. А. «Все вопросы связаны с нашим идеалом советского человека»: кино для народов СССР (1920–1930-е годы) // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 92–102.
- Белов М. И. Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. Л.: Морской транспорт, 1959. 509 с.
- Головнев А. В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
- Головнев И. А. Этнокультурные сообщества Севера в этнокино «У берегов Чукотского моря» Григория Смирнитского: история съемок // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 3. С. 35–44. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-35-44
- Головнев И. А. «Марксистская этно-фильма» Владимира Богораза // ЭО. 2020. № 6. С. 127–144.
- Грамотчикова Н. Б., Скубач О. А. Арктический экстрим. Катастрофа дирижабля «Италия» в советской документалистике 1928–1930 гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 3. С. 90–98.
- Гращенкова И. Н., Фомин В. И. История российской кинематографии (1896–1940 гг.). М.: Канон, 2016. 768 с.

- Колонизация Карельско-Мурманского края: справочная книжка для желающих водвориться на переселенческих участках в Карельско-Мурманском крае Л.: Гос. учеб.-практ. школа им. Т. Алексеева, 1925. 30 с.
- Наш великий Север: этнографическая картина (жизнь и быт Севера). Л.: Ленингр. отд-ние Госкино, 1925. 5 с.
- Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане // Известия. 1926. 16 апр. С. 1
- Самойлович Р. Л. За пятнадцать лет // Бюллетень Арктического института. 1935. № 3–4. С. 56–61.

Список архивов

- РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов. Фонд кинодокументов.
- ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства. Фонд Р-257. Опись 1. Дело 138.
- ГААО – Государственный архив Архангельской области. Фонд 5860.

References

- Amanzholova D. A.** “Vse voprosy svyazany s nashim idealom sovetskogo cheloveka”: kino dlya narodov SSSR (1920–1930-e gody) [“All questions are related to our ideal of Soviet man”: Cinema for the peoples of the USSR (1920–1930s)]. *Istorichesk kur'er [Historical Courier]*, 2022, no. 5 (25), pp. 92–102. (in Russ.)
- Belov M. I.** Sovetskoe arkticheskoe moreplavanie 1917–1932 gg. [Soviet Arctic navigation of 1917–1932]. Leningrad, Morskoi transport Publ., 1959, 509 p. (in Russ.)
- Golovnev A. V.** Severnost' Rossii [The Northernness of Russia]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2022. 450 p. (in Russ.)
- Golovnev I. A.** Etnokulturnye soobshchestva Severa v etnokino “U beregov Chukotskogo moray” Grigoriya Smirnit'skogo: istoriya s'emok [Ethnocultural communities of the North in Ethnokino “off the coast of the Chukchi Sea” Grigory Smirnit'sky: the history of the filming]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 35–44. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-3-35-44
- Golovnev I. A.** “Marksistskaya etno-fil'ma” Vladimira Bogoraza [Marxist Ethnofilm]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2020, no. 6, pp. 127–144. (in Russ.)
- Gramatchikova N. B., Skubach O. A.** Arkticheskii ekstrim. Katastrofa dirizhablya “Italiya” v sovetskoi dokumentalistike 1928–1930 gg. [The catastrophe of the airship “Italy” in Soviet documentaries of 1928–1930s]. *Ural'sky istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 2020, no. 3, pp. 90–98. (in Russ.)
- Grashchenkova I. N., Fomin V. I.** Istoriya rossiiskoi kinematografii (1896–1940 gg.) [History of Russian cinematography (1896–1940)]. Moscow, Kanon Publ., 2016, 768 p. (in Russ.)
- Колонизация Карельско-Мурманского края: справочная книжка для желающих водвориться на переселенческих участках в Карельско-Мурманском крае [Colonization of the Karelian-Murmansk Territory: a reference book for those who wish to put in the resettlement areas in the Karelian-Murmansk Territory]. Leningrad, Gosudarstvennaya uchebno-prakticheskaya shkola im. T. Alekseeva Press, 1925, 30 p. (in Russ.)
- Наш великий Север: этнографическая картина (жизнь и быт Севера) [Our great north: ethnographic picture (life and usage of the North)]. Leningrad, Leningradskoe otdelenie Goskino Press, 1925, 5 p. (in Russ.)
- Об объявлении территории Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане [On the announcement of the territory of the Union of SSR lands and islands located in the Arctic Ocean]. *Izvestiya [News]*, 1926, April 16, p. 1. (in Russ.)

Samoilovich R. L. Za pyatnadsat' let [In fifteen years]. *Byulleten Arkticheskogo instituta* [Bulletin of the Arctic Institute], 1935, no. 3–4, pp. 56–61. (in Russ.)

List of Archives

State Archive of the Arkhangelsk Region. Fund. 5860.
State Archive of the Arkhangelsk Region. Fund of film documents.
Central State Archive of Literature and Art. Fund R-257.

Информация об авторе

Иван Андреевич Головнев, доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Scopus Author ID 57192830550
WoS Researcher ID AAC-8728-2019
RSCI Author ID 699963
SPIN 4460-6213

Information about the Author

Ivan A. Golovnev, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher
Scopus Author ID 57192830550
WoS Researcher ID AAC-8728-2019
RSCI Author ID 699963
SPIN 4460-6213

*Статья поступила в редакцию 07.01.2023;
одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 01.04.2023
The article was submitted on 07.01.2023;
approved after reviewing on 30.03.2023; accepted for publication on 01.04.2023*

Список сокращений

АлтГПУ	–	Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
ВИМАИВиВС	–	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург
ДАИ	–	Дополнения к актам историческим
ЕТГИ	–	Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИСКиП АлтГПУ	–	Институт истории, социальных коммуникаций и права Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НИА СПбИИ	–	Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории
НО	–	некоммерческая организация
ПСЗРИ	–	Полное собрание законов Российской Империи
РА	–	Российская археология
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
РСВ	–	Россия – страна возможностей
СА	–	Советская археология
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбФ АРАН	–	Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
ТГУ	–	Томский государственный университет
УК	–	универсальные компетенции
ЭО	–	Этнографическое обозрение

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ неисключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: <https://nguhist.elpub.ru/>.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62